

ISSN 2541-8874

ВЕСТНИК

Восточно-Сибирского государственного
института культуры

2024/4(32)

Улан-Удэ

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№ 4(32)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2024

Учредитель, издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя:

670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1, +7(3012)23-33-22
rector@vsgaki.ru

Главный редактор Е.Ю. Перова

Издается с 2011 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2541-8874

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77 – 74824 от 21 января 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс по каталогу «Почта России» - ПБ193

Адрес редакции:

670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1,
+7(3012)23-50-61
vestnikvsgik@mail.ru

Информация о журнале размещена на официальном сайте ФГБОУ ВО ВСГИК
<https://vsgaki.ru/science/the-scientific-journalbulletin-of-ulan-ude/about-the-journal/>

Редакторы – А.В. Ринчинова, Э.Г. Сангадиева, З.А. Серебрякова, С.В. Шойбонова
Перевод и транслитерация – Л.М. Хобракова

Корректор – Д.Ц. Цыденова

Компьютерная верстка – А. Оленникова

Выход в свет 23.12.2024. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 11,55. Уч.-изд. л. 7,58. Тираж 500 экз. Заказ № 2687. Цена свободная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО ВСГИК
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

При использовании опубликованных в журнале материалов ссылка на журнал обязательна

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2024

Founder, publisher:

Federal state budgetary learning institution of higher education «East Siberian state institute of culture»

Address of the founder, publisher:

670031, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city, 1 Tereshkova str., +7(3012)23-33-22
rector@vsgaki.ru

Chief editor Ye.Yu. Perova

Published since 2011
Issued 4 times a year
ISSN 2541-8874

Registration certificate

ПИ № ФС 77 – 74824 dated 21 January 2019 issued by the Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

Subscription index to the catalogue «Post of Russia» - ПБ193

Editorial office address:

670031, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, 1 Tereshkova Str.,
+7(3012)23-50-61
vestnikvsgik@mail.ru

Information about the journal is published on the official site of the FSBLI HE ESSIC
<https://vsgaki.ru/science/the-scientific-journal-bulletin-of-ulan-ude/about-the-journal/>

Editors – A.V. Rinchinova, E.G. Sangadieva, Z.A. Serebryakova, S.V. Shoybonova
Translation and transliteration – L.M. Khobrakova

Corrector – D.Ts. Tsydenova

Computer layout – A. Olennikova

Release 23.12.2024. 70x108 1/16. Conv. printed sh. 11,55. Educ. publ. sh. 7,58. The circulation of 500 copies. Order № 2687. Free price.

Printed by the Publishing and polygraphic complex of the FSBLI HE ESSIC
670031, Ulan-Ude, 1 Tereshkova str.

When using the materials published in the journal, a link to the journal is obligatory

© FSBLI HE «East Siberian state institute of culture», 2024

**Состав редакции научного журнала
«Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры»**

Главный редактор:

Перова Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ректор Восточно-Сибирского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия)

Заместитель главного редактора:

Цыремпилова Ирина Семеновна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры музеологии и наследия, проректор по научной работе Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Ответственный секретарь:

Банзаракцаева Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Редакционный совет

Буксикова Ольга Борисовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры хореографического творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Белгород, Россия)

Дашиева Лидия Данииловна, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, член союза композиторов России и Республики Бурятии, заслуженный деятель искусств Республики Бурятии (г. Улан-Удэ, Россия)

Коноплева Нина Алексеевна, доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия)

Костров Александр Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия)

The editorial board of the scientific journal «Bulletin of East-Siberian state institute of culture»

Chief editor:

Perova Yelena Yuryevna, Ph.D. in Economics, associate professor, rector of East-Siberian state institute of culture, Honored Worker of Culture of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude city, Russia)

Deputy chief editor:

Tsyrempilova Irina Semyenovna, Sc.D. in History, professor of the department of museology and heritage, vice-rector in charge of scientific work of East-Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

Executive secretary:

Banzaraktsaeva Yelena Vasilyevna, Ph.D. in History, associate professor of the department of the museology and heritage of East-Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

Editorial board

Buksikova Olga Borisovna, Sc. D. of Art History, professor of the department of choreographic creativity of Belgorod state institute of arts and culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation (Belgorod city, Russia)

Dashieva Lidiya Daniilovna, Sc. D. of Art History, leading researcher of the Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the SB of the RAS, member of the composers' unity of Russia and the Republic of Buryatia, Honored Art Worker of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude city, Russia)

Konopleva Nina Alexeevna, Sc.D. in Cultural Studies, professor of the department of design and technologies of Vladivostok state university (Vladivostok city, Russia)

Kostrov Alexandr Valeryevich, Sc.D. in History, associate professor, professor of the department of world history and international relations of Irkutsk state university (Irkutsk city, Russia)

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (г. Москва, Россия)

Лувсанноров Эдэнэчимэг, Ph.D., консультант профессор Монгольской государственной консерватории, заслуженный деятель искусства Монголии, заслуженный деятель всекитайского общества моринхууристов (г. Улан-Батор, Монголия)

Ляпкина Татьяна Федоровна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск, Россия)

Митасова Светлана Алексеевна, доктор культурологии, доцент, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук и истории искусств Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского (г. Красноярск, Россия)

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и истории искусства Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского, ведущий научный сотрудник дирекции гуманитарного института Сибирского федерального университета, почетный член Российской академии художеств, член Союза художников России (г. Красноярск, Россия)

Номогоева Виктория Владимировна, доктор исторических наук, доцент, проректор по научно-исследовательской работе Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия)

Плеханова Анна Максимовна, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия)

Полякова Елена Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры музеологии и туризма, проректор по научной работе и международным связям Алтайского государственного института культуры (г. Барнаул, Россия)

Lesovichenko Andrey Mikhailovich, Sc.D. in Cultural Studies, Ph.D. in Art History, professor, leading researcher of Moscow state conservatory named after P.I. Tchaikovsky (Moscow city, Russia)

Luvсанноров Эрдэнэчимэг, Ph.D, professor consultant of the Mongolian state conservatory, Honored Art Worker of Mongolia, honored Worker of the All-Chinese society of morin khuur players (Ulaanbaatar, Mongolia)

Lyapkina Tatyana Fedorovna, Sc.D. in Cultural Studies, associate professor, professor of the department of cultural studies and socio-cultural activity of Arctic state institute of culture and arts (Yakutsk city, Russia)

Mitasova Svetlana Alexeevna, Sc. D. in Cultural Studies, associate professor, professor, chief of the department of socio-humanitarian sciences and history of arts of Siberian state institute of arts named after Dmitriy Khvorostovsky (Krasnoyarsk city, Russia)

Moskalyuk Marina Valentinovna, Sc.D. in Art History, professor of the department of socio-humanitarian sciences and history of arts of Siberian state institute of arts named after Dmitriy Khvorostovsky, leading researcher of the humanitarian institute directorate of the Siberian federal university, Honored member of the Russian academy of arts, member of the Unity of the artists of Russia (Krasnoyarsk city, Russia)

Nomogoeva Viktoriya Vladimirovna, Sc.D. in History, vice-rector in charge of scientific work of the Buryat state university named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russia)

Plekhanova Anna Maksimovna, Sc.D. in History, associate professor, deputy director in charge of scientific work, leading researcher of the department of history, ethnology and sociology of the Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the SB of the RAS (Ulan-Ude, Russia)

Polyakova Yelena Alexandrovna, Sc.D. in History, associate professor, professor of the department of museology and tourism, vice-rector in charge of scientific work and international relations of the Altai state institute of culture (Barnaul city, Russia)

Самбалхундэв Хаш-Эрдэнэ, доктор философии, профессор, председатель общества «Знание» Монголии, профессор института «Маргард» филиала университета «Улан-Батор – Эрдэм» (г. Эрдэнэт, Монголия)

Санжеева Лариса Васильевна, доктор культурологии, профессор кафедры этнокультурологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сундеева Екатерина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия)

Ултургашева Надежда Торжувевна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Республики Тыва, заслуженный деятель науки Республики Тыва (г. Кемерово, Россия)

Хилханова Эржен Владимировна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва, Россия)

Цэрэнжигмэдийн Шаравцэрэн, кандидат педагогических наук, ректор Монгольской государственной консерватории, передовой работник культуры Монголии, передовой работник образования Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Шишин Михаил Юрьевич, доктор искусствоведения, доктор философских наук, профессор, академик Российской академии художеств, член Союза художников России, директор Института комплексных исследований Большого Алтая, Алтайского государственного технического университета (г. Барнаул, Россия)

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Московского государственного института культуры (г. Москва, Россия)

Sambalkhundev Khash-Erdene, Sc.D. in Philosophy, professor, head of the society «Knowledge» of Mongolia, professor of the institute «Margard» of the university branch «Ulaanbaatar-Erdem» (Erdenet city, Mongolia)

Sanzheeva Larisa Vasilyevna, Sc.D. in Cultural Studies, professor of the department of ethnoculturology of the Russian state pedagogical university named after A.I. Hertsen (Saint-Petersburg, Russia)

Sundueva Yekaterina Vladimirovna, Sc.D. in Philology, associate professor, chief researcher of the Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the SB of the RAS (Ulan-Ude city, Russia)

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna, Sc.D. in Cultural Studies, professor, chief of the department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state institute of culture, Honored Worker of Culture of the Republic of Tuva, Honored Science Worker of the Republic of Tuva (Kemerovo city, Russia)

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna, Sc.D. in Philology, associate professor, leading researcher of the Institute of linguistics of the RAS (Moscow, Russia)

Tserenzhigmediyn Sharavtseren, Ph.D. in Pedagogy, Mongolian state conservatory, Advanced Worker of Culture of Mongolia, Advanced Worker of Education of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Shishin Mikhail Yuryevich, Sc.D. in Art History, Sc.D. in Philosophy, professor, academician of the Russian academy of arts, member of the Union of the artists of Russia, director of the Institute of complex research of Bolshoi Altai, Altai state technical university (Barnaul city, Russia)

Yaroshenko Nikolai Nikolaevich, Sc.D. in Pedagogy, professor, professor, vice-rector in charge of scientific and innovative activity of Moscow state institute of culture (Moscow city, Russia)

Редакционная коллегия

Амгаланова Мария Викторовна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Бояк Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Дандарон Мэдэгма Бидияевна, доктор философских наук, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Дашиева Надежда Базаржаповна, доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией истории и теории культуры Восточно-Сибирского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Улан-Удэ, Россия)

Езова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов Восточно-Сибирского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Республики Бурятия, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Улан-Удэ, Россия)

Пшеничникова Раиса Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, советник при ректорате Восточно-Сибирского государственного института культуры, заслуженный работник культуры России (г. Улан-Удэ, Россия)

Серебрякова Зоя Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и языкознания Восточно-Сибирского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия)

Степанова Светлана Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой инструментального исполнительства, звукорежиссуры и музыкального искусства эстрады Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Editorial staff

Amgalanova Mariya Viktorovna, Sc.D. in Cultural studies, associate professor, chief of the department of cultural studies and art history of East-Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

Boyak Tatyana Nikolaevna, Sc.D. in Sociology, associate professor of the department of socio-cultural activity of East-Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

Dandaron Medegma Bidiyaevna, Sc.D. in Philosophy, professor of the department of cultural sciences and art history, East Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

Dashieva Nadezhda Bazarzhapovna, Sc.D. in History, professor, chief of the scientific laboratory of history and theory of culture of East-Siberian state institute of culture, Honored Worker of Higher school of the Russian Federation (Ulan-Ude city, Russia)

Ezova Svetlana Andreevna, Ph.D. in Pedagogy, professor of the department of library and information resources of East-Siberian state institute of culture, Honored worker of Culture of the Republic of Buryatia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Ulan-Ude city, Russia)

Pshenichnikova Raisa Ivanovna, Ph.D. in Pedagogy, professor, advisor at the rector's office of East Siberian state institute of culture, Honored Worker of Culture of Russia (Ulan-Ude city, Russia)

Serebryakova Zoya Alexandrovna, Sc.D. in Philology, associate professor, professor of the department of literature and linguistics of East Siberian state institute of culture, Honored Worker of Culture of Russia, Honored Science Worker of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude city, Russia)

Stepanova Svetlana Gennadyevna, Ph.D. in Pedagogy, associate professor, chief of the department of instrumental performance, sound directing and variety musical art of East Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Хобракова Людмила Матвеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и общей лингвистики Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Чебунин Александр Васильевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ, Россия)

Tatarova Svetlana Petrovna, Sc.D. in Sociology, associate professor, professor of the department of socio-cultural activity of East-Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

Khobrakova Lyudmila Matveevna, Ph.D. in Philology, associate professor, chief of the department of foreign languages and general linguistics of East Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

Chebunin Alexandr Vasilyevich, Sc.D. in Philosophy, professor of the department of cultural studies and art history of East-Siberian state institute of culture (Ulan-Ude city, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ _____ 10 HISTORICAL SCIENCES _____ 10

Зориктуев Булат Раднаевич К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ХОРИ _____ 10	Zoriktuev Bulat Radnaevich TO THE PROBLEM OF ETHNOGENESIS OF THE KHORI_ 10
--	---

Гомбожапов Александр Дмитриевич ПРАВЛЕНИЕ ЭСЭН ТАЙШИ И ДАЯН-ХАНА: МОДЕЛИ ВЛАСТИ МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА XV- XVI вв. _____ 20	Gombozhapov Aleksandr Dmitrievich RULING OF ESEN TAISHI AND DAYAN-KHAN: MODELS OF POWER IN THE MONGOLIAN SOCIETY OF THE XV-XVI CENTURIES _____ 20
---	---

Дашиева Надежда Базаржаповна ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА СТАРОВЕРОВ ТЫВЫ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 1990 г.) _____ 29	Dashieva Nadezhda Bazarzhapovna LIFE CYCLE RITUALS OF THE OLD BELIEVERS OF TUVA (ON THE FIELD MATERIALS OF 1990) _____ 29
--	--

Цыбенев Базар Догсонович НОВЫЕ ДАННЫЕ О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ _____ 36	Tsybenov Bazar Dogsonovich NEW DATA ON THE CHARITABLE ACTIVITIES OF THE BUDDHIST CLERGY OF EASTERN SIBERIA DURING WORLD WAR I _____ 36
---	--

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ _____ 50 ART HISTORY _____ 50

Шарафутдинова Азалия Мударисовна, Токарева Ольга Владимировна, Цыбисов Алексей Евгеньевич ИНСТАЛЛЯЦИЯ КАК ФОРМА МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА _____ 50	Sharafutdinova Azaliya Mударisovna, Tokareva Olga Vladimirovna, Tsybisov Aleksey Yevgenevich INSTALLATION AS A FORM OF MONUMENTAL ART _____ 50
--	---

Бу Юйцзин КИТАЙСКО-СОВЕТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ХАРБИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА) _____ 60	Bu Yujing CHINESE-SOVIET COOPERATION IN THE FIELD OF ARCHITECTURE (ON THE EXAMPLE OF HARBIN POLYTECHNIC UNIVERSITY) _____ 60
--	---

Токарева Ольга Владимировна, Сенников Леонид Олегович, Соловьева Дарья Алексеевна ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИЙ НА ТЕАТР: ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВ И ПРОБЛЕМАТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ОФОРМЛЕНИИ СПЕКТАКЛЕЙ _ 73	Tokareva Olga Vladimirovna, Sennikov Leonid Olegovich, Solovyeva Darya Alekseevna INFLUENCE OF INNOVATIONS ON THE THEATER: IDENTIFYING ADVANTAGES AND CHALLENGES OF DIGITALIZATION IN DESIGNING PERFORMANCES _____ 73
КУЛЬТУРОЛОГИЯ _____ 84	CULTURAL STUDIES _____ 84
Иванов Егор Витальевич МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МУЗЕЯ- ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА») _____ 84	Ivanov Yegor Vitalyevich OPEN-AIR MUSEUM AS A FACTOR IN FORMING CULTURAL IDENTITY (ON THE EXAMPLE OF THE MUSEUM- RESERVE «TOMSKAYA PISANITSA») _____ 84
Иванова Лариса Александровна НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В ОТДЕЛЕ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЗЕМНОЙ КОРЫ СО РАН: Ю.В. КОМАРОВ – ОРГАНИЗАТОР ГЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ _____ 92	Ivanova Larisa Alexandrovna SCIENTIFIC HERITAGE IN THE HISTORY DEPARTMENT OF THE EARTH'S CRUST INSTITUTE OF THE SB RAS: YU.V. KOMAROV – AN ORGANIZER OF THE GEOLOGICAL MUSEUM _____ 92
Татарова Светлана Петровна, Татарникова Тамара Сергеевна ВЛИЯНИЕ ФЕСТИВАЛЯ НА СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ _____ 101	Tatarova Svetlana Petrovna, Tatarnikova Tamara Sergeevna FESTIVAL INFLUENCE ON PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF NATIONAL CULTURE _____ 101
ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА _____ 112	EDUCATION IN THE SPHERE OF CULTURE AND ART _____ 112
Матвеева Елена Владимировна СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ & КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ _____ 112	Matveeva Yelena Vladimirovna SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES & CREATIVE INDUSTRIES _____ 112
Цыремпилова Ирина Семеновна, Семенов Евгений Владимирович ЕЕ СПАСАЛО ВДОХНОВЕНИЕ ... ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ГАПОНЕНКО _____ 122	Tsyrempilova Irina Semyonovna, Semyonov Evgeny Vladimirovich INSPIRATION SAVED HER... IN MEMORY OF VALENTINA VLADIMIROVNA GAPONENKO _____ 122
Информация для авторов _____ 131	Information about the authors _____ 131

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 39(=512.31)

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-10-19

Зориктуев Булат Раднаевич

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ХОРИ

В статье, написанной на основе полевого экспедиционного материала, собранного в КНР в провинции Цинхай, кратко изложены итоги исследования этногенеза бурятской племенной общности хори. Установлено, что первоначальная родина этноса, называвшаяся *Наян Наваа*, находилась в Цайдаме, на западной стороне озера Куку-нор, вблизи озера Цагаан. В начале VI в. в результате взаимодействия хоринцев с тюркоязычными саяно-алтайскими родами образовалось племя хори. В связи с тем, что существует гипотеза о приходе хори к Байкалу с севера Ирака, где они якобы жили в местности Найнава, в статье раскрыта история данного топонима. Анализ материала правильность иракской версии этногенеза хори не подтверждает.

Ключевые слова: племя хори, Цайдам, озеро Цагаан, местность Наян Наваа, Северный Ирак, Ниневия, топоним *Найнава*.

Для цитирования: Зориктуев Б. Р. К проблеме этногенеза хори // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 10-19.

Zoriktuev Bulat Radnaevich

TO THE PROBLEM OF ETHNOGENESIS OF THE KHORI

The article, written on the basis of the field expedition material collected in the Qinghai province in the People's Chinese Republic, briefly outlines the results of the study of the ethnogenesis of the Buryat tribal community of the Khor. It has been found out that the original homeland of the ethnic group called *Nayan Navaa* was located in Tsaidam on the western side of Lake Kuku-nor near Lake Tsagaan. At the beginning of the VI century, as a result of the interaction of the Khor with the Turkic-speaking Sayan Altai clans, the Khor tribe was formed. Due to the fact that there is a hypothesis about the arrival of the Khor at the Baikal from the north of Iraq, where they presumably lived in the area of Ninawa, the article reveals the history of this toponym. The analysis of

the material does not confirm the correctness of the Iraq version of the ethno-genesis of the Khorī.

Keywords: Khorī tribe, Tsaidam, Lake Tsagaan, area of Nayan Navaa, Northern Iraq, Nineveh, toponym *Ninawa*.

В составе бурятского народа одной из ведущих является племенная общность хори. Ее имя не один раз упоминается в знаменитом памятнике «Тайная история монголов» (1240). Несмотря на это, прошлая история хоринцев, в частности, их этногенез (начальный этап этнической истории хори, сложение этноса на базе различных компонентов), неизвестна. Вследствие этого они неверно считаются автохтонами Байкальского региона с эпохи неолита [8, с. 91-92]. Сами хоринцы твердо убеждены в том, что являются пришлыми к Байкалу людьми. Их древней колыбелью была находившаяся в далекой стране местность Наян Наваа, о месторасположении которой свидетельств не сохранилось. Настоящая статья устраняет этот пробел и открывает перспективу выстраивания более или менее непрерывной линии развития этнической истории хоринского этноса с момента его зарождения в Наян Наваа до прихода на берега Байкала, одновременно позволяя по-новому истолковать и осветить некоторые ключевые аспекты этнической истории бурятского народа в целом.

Сведения о первоначальной родине хоринцев обнаруживаются в устном творчестве бурят Предбайкалья. Анализ выявленного в нем в XIX – начале XX вв. известными собирателями фольклора М. Н. Хангаловым, А. З. Заяхановым,

М. Маласагаевым, крупным ученым-монголистом Ц. Жамцарано материала свидетельствует о том, что прародина хори находилась на юго-западе Китая, в Цайдаме, у озера Садамтын Сагаан нуур. Форма Садамтын образована от тибетского слова Цадам, у монголов изменившегося в Цайдам, что значит «солончаковое болото». Его немало в Цайдамской котловине, расположенной западнее озера Куку-нор [5, с. 185]. Семантика гидронима Садамтын Сагаан нуур – «Цайдамское Белое озеро».

Предками хоринцев была монголоязычная сяньбийская общность тоба. В начале IV в. они с востока Монголии прибыли в Амдо, где в результате контактов с племенами джя-хор, живших между верховьями Янцзы и Хуанхэ и севернее, стала известна как хор-тоба [2, с. 185; 6, 53-55]. Там из ее состава, унаследовав сяньбийский тотем собака, выделилась группа родов, называвшаяся хори и осевшая в Цайдаме.

Через два столетия в Цайдам с Саяно-Алтая (возможно, после разгрома от тюрков-тукю) пришла группа тюрко-телеских родов, в качестве тотемного предка почитавшая лебедя [1, с. 216, 217]. Их монголизация и объединение с хоринскими родами привело к образованию племени, которое, будучи основанным на базе монголоязычных групп, стало называться хори. Об

этом свидетельствует возникший в Цайдаме ранний вариант хоринской легенды об охотнике и девелебеде. В нем охотник по названию родов хори назван Хоридоем, а его супруга, ставшая в легенде олицетворением тюркоязычных родов-лебединцев, – Хобоши. Оба персонажа возглавили сложившийся в Цайдаме пантеон хоринских шаманских божеств.

С образованием племени (VI в.) завершился этап этногенеза хори, ставший основой его последующей этнической истории. Предположительно на рубеже I-II тыс. н. э., может быть, из-за распрей за лучшие места обитания в Цайдаме хоринцы оставили Наян Наваа и откочевали на север к верховью Лены. После их ухода топоним Наян Наваа в результате переименований исчез с карты Цайдама. Обосновавшись в Качуге в районе горы Ягшал, эжином (духом-хозяином) которой стал Хорёдой Ехэ Ыбгэн (Великий старец Хоридой), хоринцы стали одним из первых монголоязычных этносов на берегах сибирского моря. Со временем большая часть этноса через Ольхон переселилась в Забайкалье (ПМА 2, 2002).

В Предбайкалье хоринские божества по ареалу их бывшего распространения в Цайдаме стали называться сатани бурхад. Сатани является неточно воспроизведенным словом садамын. Поэтому сатани и садамын – синонимичные слова, следовательно, термин сатани бурхад надо понимать цайдамские боги. Характеризуя сатинские божества, М. Н. Хангалов

писал: «Сатинские боги – добрые, покровительствуют людям; к ним принадлежат Хоредой-нойон и его жена Хобоши-хатун, дочь Неба Шара-Хасара, превращавшаяся в лебедя» [10, с. 391]. Он же отметил, что сатинские боги особо благоволили белым бурятским шаманам. Считалось, что те после смерти «подчиняются сатинским богам и живут в их помещениях, которые находятся у озера Садамтын Сагаан, и представляются воображению бурят великолепными дворцами» [Там же].

Тот факт, что Хоридой и Хобоши обладали статусом верховных в составе сатинских богов, бесспорно, свидетельствует о весьма давнем обитании в Цайдаме, в районе озера Садамтын-Сагаан нуур, тех этнических групп, которых они олицетворяли. Поэтому следует признать, что прилегающая к данному озеру местность была древней прародиной хори, называвшейся Наян Наваа. О ней до нас дошли короткое предание и песня «Наян Наваа», которые были записаны мной в 1978 г. в Еравнинском районе Бурятии от известного знатока фольклора и в целом традиционной культуры хори-бурят Р. Э. Эрдынеева. Содержание песни таково:

Наян Наяа наяалуу Наян Наваа минии гү,

Байдан Байдаа байдалуу Байдан Ягаа минии гү,

Заян Заяа заяалуу Заян Наваа минии гү.

Текст песни архаичен и труден для понимания. Р. Э. Эрдынеев объяснил, что Наян Наваа – это имя

древней прародины хоринцев, она находилась между Монголией и Тибетом. Наян Наяа, Байдан Байдаа и другие названия обозначали находившиеся там горный перевал, высокую гору, реку и озеро (ПМА 3, 1978).

Совпадение двух точек зрения, моей и Р. Э. Эрдынеева, с высокой степенью достоверности говорит о том, что прародина хори Наян Наваа находилась западнее Кукунора, в Цайдаме. Этот результат уже является крупным научным достижением в изучении этногенеза хори. Остается сделать один решающий шаг для прояснения вопроса, какое озеро в Цайдаме называлось Садамтын Сагаан, к которому примыкала местность Наян Наваа. Данную задачу решила организованная автором настоящей статьи в октябре 2023 г. экспедиция ИМБТ СО РАН на западную сторону Кукунора. На встрече, состоявшейся в г. Синине, столице провинции Цинхай членов экспедиции со знатоками устной истории и топонимии края, среди которых обширными познаниями выделялся краевед Дугуржэ, выяснилось, что в Цайдамской котловине и вблизи нее имеются более 30 крупных и мелких преимущественно соленых озер. Все они, в том числе расположенные вне котловины, по давней традиции называются цайдамскими. Специфической особенностью 12 озер является то, что в них вода под действием разных природных факторов всегда имеет беловатый или белый цвет. Это характерное своеобразие со временем закрепило за

ними одно общее наименование Цадамтын или Цайдмийн Цагаан нуур, что значит «Цайдамское Белое озеро». Эта унификация, к счастью, не привела к утрате озерами своих коренных имен Цайрхан нуур, Цэхээ нуур, Цагаан нуур, Гасийн нуур, Хөрлөг нуур и др. (ПМА 1, 2023).

Здесь крайне важно уяснить, с чем согласились сининские информанты, что если для цайдамцев гидроним Цайдмийн Цагаан нуур является обобщенным именем ряда местных озер, то в памяти ушедших к Байкалу хоринцев он остался одним четко обозначенным топонимом, указывающим на то, что их предки жили в Цайдаме около конкретного озера Цагаан. Именно в таком ключе следует понимать содержание легенд и преданий о Хоридое, бытующих в фольклоре бурят Предбайкалья. В них выражена суть рассказов хоринцев об их прежней родине, излагавшихся ими после прихода на западный берег Байкала. Например, в легенде, записанной Ц. Жамцарано в 1903 г. в алагуевском улусе на Ангаре, говорится: «Хорёдой Убугун в озере Садамтын Сагаан нуур поймал лебедку (хун шубуу), когда она купалась. От нее родились 11 родов хори-бурят» [4, с. 73]. Так как в сообщении идет речь о хоринцах, то, несомненно, что под именем Садамтын Сагаан нуур имеется в виду озеро Цагаан, возле которого они жили в Цайдаме.

В Цайдаме озер, входящих в систему Садамтын Сагаан нуур и в то же время сохранивших свое исконное имя Цагаан, два. Оба в

Цайдамскую котловину не входят. Одно мелкое по размерам (250 на 350 м) соленое озеро Цагаан расположено в местности Булингэр юго-восточнее озера Их Цайдам. Другое озеро Цагаан находится между отрогами протянувшегося по западному берегу Куку-нора одноименного Куку-норского хребта, являющегося частью горного массива Нань-Шань. Возле одного из этих озер жили хоринцы. Какого? Здесь, рассеивая все сомнения, выделяется второе. Оно, в отличие от озера в Булингэре, – единственный пресноводный водоем в группе озер Садамтын Сагаан нуур, питающееся водами горных рек и бьющих из-под земли ключей. Так как Цайдам давно известен как регион с острым дефицитом пресной воды, то понятно, что территория, примыкающая к озеру Цагаан вблизи Куку-норского хребта, представляла для поселившихся там в начале IV в. хоринцев комфортное для проживания место. Эта земля, на мой взгляд, была той самой местностью Наян Наваа, которая считается хоринцами их родиной. В целом информанты Синина отметили безусловную правильность озвученного мной на встрече с ними тезиса, что озеро Цадамтын Цагаан нуур и, следовательно, местность Наян Наваа находились между Монголией и Тибетом. Они указали, что топоним Наян Наваа живущим с XVII в. в Цайдаме пришлым из Джунгарии хошутам не известен. Но так как в местном фольклоре, охватывающем несравненно больший отрезок времени, упоминается горный

перевал Нам Дабагаа, то вполне возможно, что его наименование – это древнее имя Наян Наваа (ПМА 1, 2023).

Озеро Цагаан занимает живописное и популярное на юго-западе Китая место между горами Куку-норского хребта. Так как оно из-за непростого рельефа местности имеет сложную конфигурацию берегов и для его физической характеристики трудноприменимы привычные понятия длина и ширина, то я, следуя принятой в Цайдаме практике, ограничусь лишь указанием размера его площади: она равна 120 кв. км. В 15 км от озера расположен старинный буддийский монастырь Дулаан хийд (первое упоминание в источниках – 1275 г.) (ПМА 1, 2023). К озеру подступают густые леса, восточнее него расположена священная гора Томп. На озеро прилетает много птиц, включая лебедей. Озеро Цагаан с далекого прошлого было широко известно, как место совершения обряда омовения (угаалга) при заболеваниях, перед выполнением важных и ответственных дел. Практика омовения в нем сохранялась до относительно недавнего времени.

Таким образом, первоначальная родина хоринцев Наян Наваа находилась в Цайдаме, у подножия Куку-норского хребта, вблизи озера Цагаан. Теперь важно рассмотреть вопрос, что представляет собой имеющийся на севере ближневосточного государства Ирак, в древности: Двуречье или Месопотамия топоним Найнава, являющийся названием мухафазы (провинции)

этой страны. В 2003 г. Ц. Ц. Доржиным, увидевшим это название на географической карте Ирака, была выдвинута гипотеза: Найнава – это имя прародины бурятских хоринцев Наян Наваа. Автор пишет, что в середине XIII в. монголами для окончательного закрепления за собой ранее завоеванных земель в Западную Азию была снаряжена крупная военная экспедиция в количестве 30 тыс. человек. В нее было включено забайкальское племя хори, которому, по прибытии войска в Ирак для постоянной дислокации, был отведен привычный для его образа жизни степной район в междуречье Евфрата и Тигра. Хоринцами в ходе его освоения он был назван монгольским именем Наи-нава. Позже топоним принял форму Найнава и стал названием северо-иракской провинции с административным центром в г. Мосул. Местность Наинава, или Найнава, утверждает автор, для многих поколений хоринцев, находившихся в Северном Ираке, стала родиной, а для тех их потомков, которые, опасаясь неминуемой на чужбине ассимиляции и исчезновения хоринцев как этноса, в начале XV или XVI вв. вернулись к Байкалу – прародиной. Здесь Найнава стала известна как Наян Наваа [3, с. 4-32].

Для того чтобы разобраться и дать верную оценку изложенной гипотезе, необходимо рассмотреть историю северо-иракского топонима Найнава. Это имя является частью истории Ассирии – одного из величайших государств Ближнего Востока в древности. Оно в

эпоху расцвета простиралось от Ирана до Средиземного моря и Египта, на его территории существовали древние государства Аккад, Вавилония, Митанни, Элам и др. Столицей государства был г. Ниневия, названный так в честь библейского персонажа, основателя Ассирийского царства Нина. Поэтому Нин – это эпоним г. Ниневии. Город, расположенный на левом берегу Тигра, на пересечении торговых путей, был основан в V тыс. до н. э. Его возвышение и превращение в столицу Ассирии и мира, как отзывались о нем современники, произошло в VIII-VII вв. до н. э. При Синаххерибе и его преемниках Ниневия стала одним из красивейших городов Передней Азии. Стройная планировка улиц, многочисленные террасы с царскими садами, акведук, снабжавший город чистой водой, мощные крепостные стены (о них говорили, они своим ужасным сиянием отбрасывают врагов), по верху которых одновременно в ряд могли проехать три боевые колесницы, богато декорированные золотом Юго-Западный и Восточный дворцы Синаххериба (первый назывался дворцом, не имеющим себе равных), редкий по красоте дворец Ашшурбанапала, в котором находилась знаменитая царская библиотека (свыше 30 тыс. «книг» – клинописных глиняных табличек с текстами литературного, религиозного, лексикографического, астрономического, исторического содержания), роскошные храмы Иштар, Сина, Нергал, Шамаш и других богинь Двуречья придавали

Ниневии величественный и неповторимый облик. После смерти Ашшурбанипала начался закат Ассирийского государства. В 612 г. до н. э. Ниневия после двухлетней осады была взята объединённым войском вавилонян и мидян и фактически стерта с лица земли [7, с. 56-57].

Военно-политическая мощь и высочайшая культура ассирийцев обусловили то, что их государство и столица всегда были на слуху окружающих народов. Поэтому имя Ниневия и его вариации часто встречаются в аккадских, арабских, сирийских, курдских, древнегреческих и других текстах. Обращает на себя внимание тот факт, что в древних арабских текстах столица Ассирии упоминается как Найнава. Если учесть, что в современном Ираке его северная мухафаза, как было сказано, называется этим же именем Найнава, то это, несомненно, говорит о том, что данное наименование в своей древнеарабской форме без изменения дошло до нашего времени. В свою очередь, этот факт является неоспоримым свидетельством того, что топоним Найнава появился в Двуречье не в середине XIII в. после прибытия туда монгольского войска, а в очень отдалённом прошлом в V тыс. до н. э., когда семито-хамитскими племенами, в языковом отношении входивших в афразийскую семью языков, на берегу Тигра в виде раннеземледельческого поселения была заложена основа будущего г. Ниневия.

Величие Ниневии обессмертило

его имя. Оно не исчезло бесследно после гибели города в 612 г. Об этом говорит тот факт, что в период Римской империи (27 г. до н. э. – 476 г.) в Северной Месопотамии существовала военная колония римлян, названная ее основателями Ниневией [9, с. 83]. В VII в. н. э. Двуречье было завоевано и исламизировано арабами. Если со II в. население страны говорило преимущественно на арамейском языке, то со времени прихода арабов и до настоящего времени для большинства жителей региона основным стал арабский язык. Смена языка явилась одним из важнейших факторов смены этнического самосознания. В частности, ориентировочно с рубежа VII-VIII вв. население Двуречья стало называть себя арабами, а в случае необходимости указания национальности с региональным уклоном – иракскими арабами. Этот факт в совокупности с проарабской ориентацией в языковой сфере предопределил то, что в Ираке написание названия бывшей Ассирийской столицы Ниневия твердо приняло арабскую форму Найнава.

Это предположение подтверждают материалы XX в. В 1976 г. в Ираке была проведена административно-территориальная реформа. Вместо доставшихся в наследство по окончании первой мировой войны от Османской империи Мосульского, Багдадского и Басорского вилайетов (округов) было создано 19 провинций – мухафаз. Самой северной из них (адм. центр – г. Мосул) было дано имя Найнава. В источниках

указывается, что данная мухафаза получила легендарное имя Найнава в честь столицы Ассирийской державы Ниневии, развалины которой находятся на территории провинции.

Данное название Найнава Ц. Ц. Доржин, руководствуясь исключительно внешним созвучием имен, ошибочно отождествил с наименованием прародины хори-бурят Наян Наваа. Прежде чем делать вывод об общности происхождения этих двух совершенно разных по генезису имен, ему следовало максимально изучить историю иракского топонима Найнава. Это привело бы его к осознанию того факта, что в Ираке никогда не было монгольского топонима, звучавшего Наи-нава, со временем якобы трансформировавшегося в Найнава, а потом около Байкала, принявшего форму Наян Наваа. Первоначальная родина хори-бурят Наян Наваа, что доказывает весь выявленный мной материал, находилась на западе Китая, в Цайдаме, на западной стороне Куку-нора, вблизи озера Цагаан. Важно понять, что бытующие в западно-

бурятском фольклоре легенды и предания о первопредке хоринцев Хорёодой Ехэ Ыбгэне и его супруге Хобширой Ехэ Хатан являются отголосками рассказов самих хоринцев, которые они сообщали, придя из Цайдама, населению западного побережья Байкала. Их достоверность сомнений не вызывает. Других источников, откуда этот оригинальный материал мог попасть на Ангару и Лену, не было.

Подытоживая изложенный материал, отмечу, что первоначальная родина хоринцев Наян Наваа находилась в КНР, в провинции Цинхай, на западной стороне озера Куку-нор, вблизи озера Цагаан. Данные координаты после прибытия из Цайдама к Байкалу указывали сами хоринцы. Их достоверность не подлежит сомнению. Что касается иракской версии этногенеза хори, то предложенная ее автором формулировка «Найнава – это имя прародины бурятских хоринцев Наян Наваа», призванная раскрыть суть выдвинутой им гипотезы, абсолютно ничем не подтверждается.

Список источников

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 3 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 380 с.
2. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край : в 4 т. Т. 2. Л. : Учен. ком. Монгол. респ., 1926. 893 с.
3. Доржин Ц. Ц. Легендарная земля Наян-Наваа и белое пятно бурятской истории (Взгляд с позиций исторической географии) . Улан-Удэ : Респ. тип., 2003. 34 с.
4. Жамцарано Цыбен. Путевые дневники. 1903–1907. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
5. Козлов П. К. Монголия и Кам : Том 1. Часть 1 : труды

экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899-1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Издание Императорского Русского Географического Общества. СПб. : Типо-литография Герольд, 1905. 256 с.

6. Миньчжул-Хутукт. География Тибета: Доложено в заседании Историко-филологического отделения 2 мая 1889 г. СПб. : тип. Импер. Акад. наук, 1895. 95 с.

7. Ниневия // Большая Советская энциклопедия : в 30 т. Т. 18. М. : Сов. энциклопедия, 1974. С. 56-57.

8. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.

9. Тураев Б. А. История Древнего востока : в 2 т. Т. 2. Л. : Соцэкгиз, 1936. 318 с.

10. Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. 549 с.

Список информантов

1. Информант Дугуржэ, 1949 г. рожд., г. Синин (ПМА 1 (Полевые материалы автора), собранные в пров. Цинхай КНР в 2023 г.).

2. Информант Тыхеев А. А., 1924 г. рожд., с. Еланцы (ПМА 2, собранные в Ольхонском р-не Иркутской обл-ти в 2002 г.).

3. Информант Эрдынеев Р. Э. 1908 г. рожд., с. Усть-Эгита (ПМА 3, собранные в Еравнинском р-не Республики Бурятия в 1978 г.).

References

1. Bichurin N. Ya. (Iakinf). Sbornie svedenij o narodax, obitavshix v Srednej Azii v drevnie vremena : v 3 t. T. 1. [Collection of data about the peoples living in Central Asia in ancient times : in 3 v. V. 1]. M. ; L., 1950. 380 p. [In Russ.].

2. Grumm-Grzhimailo G. E. Zapadnaya Mongoliya i Uryanxajskij kraj : v 4 t. T. 2. [Western Mongolia and the Uryankhai Krai : in 4 v. V. 2.]. L., 1926. 893 p. [In Russ.].

3. Dorzhin Ts. Ts. Legendarnaya zemlya Nayan-Navaa i beloe pyatno buryatskoj istorii (Vzglyad s pozicij istoricheskoy geografii) [The legendary land of Nayan-Navaa and blank spot of the Buryat history (Insight from the historical geography)]. Ulan-Ude, 2003. 34 p. [In Russ.].

4. Zhamtsarano Tsyben. Putevy'e dnevniki. 1903–1907 [Travel Diaries. 1903–1907]. Ulan-Ude, 2001. 382 p. [In Russ.].

5. Kozlov P. K. Mongoliya i Kam : Tom 1. Chast' 1 : trudy' e'kspedicii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva, sovershennoj v 1899-1901 gg. pod rukovodstvom P.K. Kozlova. Izdanie Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva [Mongolia and Kam : Volume 1. Part 1 : Works of the expedition of the Imperial Russian Geographical Society made in 1899-1901 under the leadership of P.K. Kozlov. Publication of the Imperial

Russian Geographical Society]. St.-P., 1905. 256 p. [In Russ.].

6. Minchzhul-Khutukt. Geografiya Tibeta: Dolozheno v zasedanii Istoriko-filologicheskogo otdeleniya 2 maya 1889 g. [Geography of Tibet: Reported at the meeting of the Historical and Philological department on 2 May 1889]. St.-P., 1895. 95 p. [In Russ.].

7. Nineviya [Nineveh] // Bol'shaya Sovetskaya e'nciklopediya : v 30 t. T. 18. [Great Soviet Encyclopedia : in 30 v. V. 18]. M., 1974. Pp. 56-57. [In Russ.].

8. Rumyantsev G.N. Proisxozhdenie xorinskix buryat [Origin of the Khoris Buryats]. Ulan-Ude, 1962. 265 p. [In Russ.].

9. Turaev B. A. Istoriya Drevnego vostoka : v 2 t. T. 2. [History of the Ancient East : in 2 v. V. 2]. L., 1936. 318 p. [In Russ.].

10. Khangalov M.N. Sobranie sochinenij : v 3 t. T. 1. [Collected works : in 3 v. V. 1]. Ulan-Ude, 1958. 549 p. [In Russ.].

List of the informants

1. Informant Dugurzhe, born in 1949, Xining city (AFM 1 (Author's field materials) collected in Qinghai province, China in 2023).

2. Informant Tykheev A.A., born in 1924, Elantsy village (AFM 2 collected in the Olkhonsky district, the Irkutsk region in 2002).

3. Informant Erdyneev R.E., born in 1908, Ust-Egita village (AFM 3, collected in the Yeravninsky district, the Republic of Buryatia in 1978).

Сведения об авторе

Зориктуев Булат Раднаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Россия, г. Улан-Удэ), enhe_z@mail.ru

Information about the author

Zoriktuev Bulat Radnaevich, Sc.D. in History, chief researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ulan-Ude), enhe_z@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.11.2024;
одобрена после рецензирования: 06.12.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 29.11.2024;
approved after reviewing: 06.12.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Научная статья

УДК 94(517.3)“15/16”

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-20-28

Гомбожапов Александр Дмитриевич

ПРАВЛЕНИЕ ЭСЭН ТАЙШИ И ДАЯН-ХАНА: МОДЕЛИ ВЛАСТИ МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА XV-XVI вв.

В статье рассматриваются две тенденции в развитии политической системы монгольского общества XV-XVI вв. Показано, что институт тайши – великого полководца – стал важнейшим в структуре власти. Наиболее полное развитие он получил во времена Эсэна тайши. Другая тенденция, которая в конечном счете надолго определила дальнейшее развитие политического устройства Монголии, определилась в период правления Даян-хана и связана с устранением самостоятельности монгольского нобилитета и консолидацией власти в руках тайджи – его наследников, представителей Золотого рода.

Ключевые слова: Эсэн тайши, Даян-хан, Монголия, власть, тайши, тайджи.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», No. 121031000241-1).

Для цитирования: Гомбожапов А. Д. Правление Эсэн тайши и Даян-хана: модели власти монгольского общества XV-XVI вв. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 20-28.

Gombozhapov Aleksandr Dmitrievich

RULING OF ESEN TAISHI AND DAYAN-KHAN: MODELS OF POWER IN THE MONGOLIAN SOCIETY OF THE XV-XVI CENTURIES

The article considers two tendencies in the development of the political system of the Mongolian society in the XV-XVI centuries. It is shown that the institution of Taisha, a great commander, became the most important in the power structure. It was most fully developed during the time of Esen Taisha. Another tendency, which had ultimately determined the further development of the political system of Mongolia during a long time, was during the reign of Dayan Khan and is connected with the elimination of the independence of the

Mongolian nobility and consolidation of power in the hands of Taiji – his heirs, representatives of the Altan Urug.

Keywords: Esen Taishi, Dayan Khan, Mongolia, power, Taishi, Taiji.

В последние десятилетия XIV в. в ходе нескольких военных походов китайской армии монгольские войска потерпели сокрушительное поражение. В результате власть верховного правителя – хагана – в значительной мере ослабла и долгое время не могла восстановиться. Вместе с утратой централизованной власти исчезал и бюрократический аппарат юаньского двора. В этот период на первый план выдвинулись представители знати, в управлении которых находились тумэны и отоки¹. Они стали реальной властью, в полной зависимости от которых находились хаганы из династии чингизидов.

Стремлением наиболее влиятельных и могущественных из них стало получение титула тайши² (кит. *taishi* 太師 ‘Великий наставник’). Изначально представляя собой лишь почетное звание в монгольском обществе XV в., тайши стал обозначать сановника, обладающего реальным властным функционалом. Эта должность была следующей после хагана. В его полномочия входило управление войсками. Сосредоточивая в своих руках военную и политическую власть, они становились

полновластными лидерами монголов.

Источники перечисляют следующих таких тайшей: Аругтай (*A-lutai* 阿魯台), Тогон (*Tuo huan* 脫懽), Эсэн (*Ye-xian* 也先), Болай (*Bei-lai* 孛來), Бэгэрсэн или Бег-Арса-лан (*Ba-jia-si-lan* 伯加思蘭), Исмаил (*Yi-si-ma-yin* 亦思馬因) и Ибарай (*Yi-bu-la* 亦不剌). Среди них выделяется ойратский Эсэн тайши из рода Чорос, достигший вершины власти став всемонгольским ханом.

Эсэн проявил себя еще в военных походах своего отца Тогон тайши. Он участвовал в военных столкновениях с восточными монголами во главе с Аругтаем, ходил в походы на Могулистан. От Тогона унаследовал титул тайши и вана.

Именно в период правления Эсэна тайши было создано объединенное монгольское государство, превратившееся в реальную угрозу минскому Китаю, были достигнуты наиболее крупные успехи во внешней политике.

Ойратский лидер начал свою деятельность в качестве тайши с

¹ Если в отношении термина *тумэн* имеется ясность, то *оток* ввиду его неоднозначной природы не столь определенен. Т.Д. Скрынникова *оток* характеризует как мобильную административно-территориальную структуру, маркируемую общим этнонимом, но при этом этнически гетерогенную [6, с. 18].

² Термин тайши, заимствованный из китайского языка, известен в монгольской среде еще с эпохи династии Ляо. Китайские источники XVI в. употребляют его в значении великий полководец [14, р. 356; 8, р. 140].

того, что добился покорности княжества Хами и большей части племен, кочевавших у северо-западной границы провинции Ганьсу. Он также добился перехода на его сторону трех урянхайских округов. Только после того, как он обеспечил тыл и фланги, начался грандиозный поход на Китай [1, р. 363]. Его главным событием стало так называемое сражение при Туму 1449 г., в ходе которого был захвачен в плен китайский император Чжу Цичжэнь.

После похода в Китай и возвращения пленного императора отношения между Эсэном и монгольским Тайсун-ханом¹ начали ухудшаться.

Эсэн тайши выдал свою старшую дочь Цэцэг замуж за Тайсун хана. Он пожелал, чтобы родившегося от этого брака мальчика назначили наследником трона. Однако Тайсун хан отказался это сделать, что послужило поводом для открытого противостояния [5, с. 80; 14, р. 363-364]. Необходимо отметить, что конфликт начал зреть ранее. Китайское правительство в противовес Эсэну обхаживало Тайсун хана, и последний открыто выражал свое несогласие с планом вторжения в китайские земли. Вследствие чего, Эсэн небеспочвенно подозревал хана в тайных сношениях с Китаем и в возможности заговора против себя [5, с. 80].

12 января 1452 г. Эсэн тайши разгромил Тайсун хана. Будучи вынужденным бежать, Тайсун хан направился на родину своей

младшей жены Алтай-хатун, которую ранее вернул в отчий дом за неверность. Однако он не нашел там спасения и погиб от рук своего тестя горлоского Цэбдэна.

Тайсун хан в свое время назначил джинонгом младшего брата Агбарджина. После разгрома Тайсун хана, последний, поддержанный тайшой Эсэном, был провозглашен ханом. Титул же джинонга был передан Эсэну. Однако вскоре после этих событий в 1453 г. новоиспеченный джинонг убирает Агбарджина и провозглашает себя ханом.

В письме к минскому императору титул Эсэна обозначен как *Ta-yuan Tian-sheng Ta K'o-han* 大元田盛大可汗 'Небесный Великий хан Великого Юаня', что минский двор интерпретировал как отсылку и правопреемство к бывшей Юаньской империи [14, р. 364; 11, р. 52]. Л. Мунх-Эрдэнэ подчеркивает, что провозглашение Эсэном себя Великим хаганом Великой Юань с достаточной очевидностью свидетельствует о преемственности и сохранении существовавшей политической системы и что речь идет лишь о замене династической линии чингизидов. В оправдание такого шага Эсэна было приведено обстоятельство пресечения этой линии со смертью Тайсун-хана [9, р. 168].

При этом в своем анализе характера политических процессов в монгольском обществе данного периода Л. Мунх-Эрдэнэ находит возможным провести аналогии с

¹ Тайсун хан – это титул. Его личное имя Тогто-буха.

событиями из истории государства франков, сравнив приход к власти Эсэна тайши с действиями Пипина Короткого, который вместе с папой Захарием сверг Хильдерика III и провозгласил себя королем франков в 751 г. [Там же, р. 169].

В 1454 г. против Эсэна выступили ойратские Алаг-Тэмур-чингсанг и Хатан-Тэмур-чингсанг (управители правого и левого крыльев). Причиной выступления стал отказ Эсэна предоставить титул тайши просившим его чингсангам и передача его своему второму сыну¹ [13, р. 443]. Стремление сделать власть наследственной стало роковым. Застигнутый врасплох нападением бунтовщиков Эсэн был вынужден бежать, бросив свою семью и оставив на разграбление свое имущество [5, с. 84].

Таким образом, правление Эсэна в наиболее полном виде показало возможности концентрации власти в руках тайшей, оттенявших ханов из Золотого рода.

Другая модель власти в кочевом обществе монголов стала формироваться в период правления Даян-хана, и она связана с борьбой с самостоятельными правителями тумэнов и нойнами отоков. Это было возрождение правления Великого хана и замена нечингизидских нойонов наследниками Даян-хана, т.е. представителями «Золотого рода», система власти в которой большую роль стали играть тайджи (*taizi* 太子) [9, р. 170].

Узурпация власти ойратами и

последующая междоусобная война среди восточномонгольской знати привели к тому, что единственным выжившим представителем «Золотого рода» чингизидов остался сын Баян-Мункэ джинонга Бату-Мункэ, будущий Даян-хан.

С малых лет Бату-Мункэ не был обласкан судьбой. На кочевье его отца напал Исмаил-тайша и захватил в плен его мать. Отец его, убегая от преследования, погиб от рук нойнов. О нем плохо заботились, перенес тяжелое заболевание, вызванное эхинококком [3, с. 14]. Он рос в обстановке постоянной угрозы со стороны монгольской знати. Естественно предположить, что Бату-Мункэ, обрета ханскую власть, в течение всего своего правления стремился избавиться от этой опасности. Б. Я. Владимирцов, задаваясь вопросом, кто же были противники Даян-хана, отвечает, что это были «тайши, чинсанги и другие монгольские сайды, некоторые из которых к этому времени оказались достаточно могущественными и стояли во главе целых групп отоков» [2, с. 151].

Необходимо отметить, что среди монгольского нобилитета нашлись те, кто поддерживал традиционный порядок престолонаследия и был заинтересован в сохранении центральной власти.

Чоросбай-Тэмур чинсанг из рода чорос, отец Мандухай-Сайн хатун, а также представители владетельной знати из ойратов и восточных монголов Батор-Чингчин,

¹ Г. Сэрройс выдвинул предположение, что вторым сыном Эсэна мог быть *Amasanji Taishi* (*As-temür*) [13; 14]

бесудские Тоган и Маха-Чирай, табунанг Шигуши-Аглаху-Тэмур, горлоский Хара-Тороту, Мянгуняргу и другие оказали поддержку малолетнему Бату-Мункэ, и он был возведен на ханский престол [3, с. 38]. Супругой его стала Мандухай-Сайн хатун.

Из-за возможной угрозы узурпации власти со стороны держателей титула тайши, было принято решение никого не назначать на эту должность [14, pp. 357-358, 370]. О том, что между ханом и тайшами существовали серьезные противоречия указывал известный французский ученый Г. Сэроройс. В доказательство этого ученый приводит выдержки из труда *HM Pei-Lu k'ao* 皇明北虜考 китайского автора *Cheng Hsiao* 鄭曉, где говорится, что среди варваров должность тайши весьма почетная, но поскольку хан был малолетним, то опасались, что тайши могут захватить власть, и тайши не был назначен [Там же, р. 357]. Другой китайский источник также сообщает, что тайши являлся верховным военачальником [Там же].

Источники разнятся в датах начала самостоятельного правления Даян-хана, относя ее к возрасту тринадцати или пятнадцати лет [3, с. 39]. Свой титул Даян-хан обозначил как *Ta-yüan Ta K'o-han* 大元大可汗 'Великий хан Великой

Юань'.

В начале своего правления Даян-хан был вынужден перенести свою ставку из Ордоса в Халху. Как следует из монгольских летописей, «державе угрожали кэрэйтский Цаган, монголджинский Угурхэй, уйгурский Исмал, Бэгэрсэн-Хутагачи и Хонгхули» [3, с. 40]. Из летописи «Эрдэнийн Эрихэ» ясно, что Даян-хана кочевал около Хангайских гор [4, с. 94-95].

Даян-хан начал с устранения монголджинов, которые признали его власть после своего поражения в 1474 г. Затем он расправился с Исмал тайшой (предводитель уйгуров) и Бэгэрсэн тайшой (властитель ойратов и уйгуров).

Даян-хан стал назначать своих сыновей наместниками над тумэнами и отоками. При этом он возродил должность джинонга, впервые введенный в юаньской империи. Титул джинонг~джинонг (монг. жонон, монг.-письм. *jīnong*) был присвоен внуку Хубилай хана Гамале (монг. *Gammala*) в 1292 г. В его обязанности входили: охрана северной границы и управление «четырьмя великими ставками»¹ императора-основателя, армией, монголами и родиной» [7, р. 259; 10, р. 188].

Он также ликвидировал и другие чиновничьи должности. Так, после правления Даян-хана в

¹ Четыре ставки располагались в следующих местах: Худо арал (монг. Хөдөө арал) на р. Керулен, Сайр хээр в Хэнтэйском нагорье, Хара тун (монг. Хар Түн) на р. Туул, в окрестностях Хангайских (по некоторым данным Монгольского Алтая - прим. авт.) гор на месте прежней ставки найманского хана. В каждой ставке пребывала одна из жен Чингис-хана: в первой - Бортэ ужин, во второй - Хулан хатун, в третьей - Есуй хатун и в четвертой - Есугэн хатун [12, р. 155].

источниках исчезает упоминание о носителях таких титулов, как *Čingsang* (< кит. *chengxiang* 丞相) ‘главный советник, министр’, *Taibu* (< кит. 太傅) ‘великий наставник’, *Dayu* (< кит. *tai-wei* 太尉) ‘великий маршал’ или *taibao* (< кит. 太保) ‘великий хранитель’ [9, p. 169]. Нет сомнения, пишет Л. Мунх-Эрдэнэ, что Даян-хан был кровно заинтересован в устранении оппозиции власти хана, представленных сильными нойнами, – главами этнополитических образований разного таксономического ряда – и монополизации власти и передачи ее своим наследникам [Там же].

Главным испытанием для Даян-хана стало восстание в Тумэте. В ходе него погиб сын Даян-хана Улусболод джинон. Из монгольских источников известно, что поводом для недовольства послужило именно назначение управителем тумэтов последнего. После этого предводители тумэнов и отоков правого крыла направили послов к Даян-хану, которые передали, что это было сделано против их воли и что они сами могут найти себе правителя [3, с. 42-43]. Решение Даян-хана ограничить их самостоятельность и лишить их наследственных прав не могло не вызвать недовольства.

Собрав войска левого крыла, Даян-хан пошел большим походом против восставших правого крыла. В ходе тяжелой битвы, произошедшей в 1510 г. в местности Далан-Теригун (монг. *Dalan Terigün*), Даян-хан вышел победителем. Это

позволило ему и дальше назначать наместниками своих сыновей в статусе тайджи.

В связи с чем на первый план в структуре власти вышли тайджи. Тумэны стали постепенно трансформироваться в наследные владения потомков Даян-хана. Пожалуй, важнейшая характеристика этого процесса была дана ханьцами, вернувшимися из монгольского плена. Основываясь на данных расспросов репатриантов, китайский современник Вэй Хуань 魏煥 пишет: *«Со слов пленных, вернувшихся из Монголии, во времена процветания племенами командовал тай-ши; это слово означает «великий полководец». Он следил за порядком и не склонялся к грабежам. Когда должность тайши была упразднена, племенами стал командовать нойны, что означает «мелкий чиновник». [При нойне племена] все больше и больше испытывали рост повинностей. Только те племена, которые находились под властью тайджи [тайджи, т. е. императорского принца, дворянина], могли избежать этого, и поэтому племена предпочитали находиться под властью тайджи. Тайджи – это член [бывшего императорского] дома. Когда тайджи еще в утробе матери, люди соперничают в обеспечении его [потребностей] как своего господина. Когда мать рождает, она сразу же забирает [ребенка] в [его?] собственный лагерь. В результате большинство племен теперь управляются тай-цзу».*

Распущенность тайджи не знает границ, и они любят грабить. Поэтому говорят, что состояние варваров неизбежно ухудшится» [14, pp. 356-357].

После Даян-хана начался процесс распада политической общности и образования самостоятельных владений, во главе которых стояли получившие уделы наследники.

С большой вероятностью можно полагать, что когда юаньский двор переместился в монгольские степи, то прежняя система управления и организационные принципы еще на протяжении длительного времени воспроизводили саму себя. Этот порядок в силу особенностей кочевого общества дольше всего удерживался в военной сфере. В условиях ослабления

ханской власти первостепенными становятся тайши, полномочия которых были связаны с военно-административным регулированием. Местные правители, опиравшиеся на собственные отоки и тумэны, и в то же время занимая должность тайши, сосредоточив ресурсы всей системы управления, составляли серьезную оппозицию всемонгольскому хану.

Коренной перелом наступает в период правления Даян-хана, ликвидировавшего пост тайши и многие другие должности, несущие потенциальную угрозу власти всемонгольского хана. Можно согласиться с мнением Л. Мунх-Эрдэнэ, что если XV век в монгольской истории был веком власти тайши, то последующий стал веком тайджей.

Список источников

1. Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. 488 с.
2. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. : Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.
3. Горохова Г. С. Монгольские источники о Даян-хане. М. : Наука, 1986. 133 с.
4. Монгольская летопись "Эрдэнийн эрихэ" : Подлин. текст с пер. и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. А. Позднеева. СПб. : тип. Акад. наук, 1883. 421 с.
5. Покотилов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368 – 1634. СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1893. 242 с.
6. Скрынникова Т. Д. Социально-политические институты монголов XVII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1. С. 14-27.
7. Hangin G. The Mongolian Titles *Ĵinong* and *Sigeĵin* // Journal of the American Oriental Society. 1980. № 100 (3). Pp. 255-266.
8. Ho Kai-lung 何啟龍. The Office and Noble Titles of the Mongols

from the 14th to 16th century, and the study of the “White History” Čayan Teüke // *Central Asiatic Journal*. 2016. V. 59, № 1-2. Pp. 133-177.

9. Munkh-Erdene L. *The Taiji Government and the Rise of the Warrior State: The Formation of the Qing Imperial Constitution*. Leiden-Boston: Brill, 2021. 568 p.

10. Okada H. Dayan Khan as a Yüan Emperor: the Political Legitimacy in 15th Century Mongolia // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. 1994. V. 81. Pp. 51-58.

11. Okada H. The Khan as the Sun, the Jinong as the Moon // *Altaica Berolinensia: The Concept of Sovereignty in the Altaic World*. 1993. V. 126. P. 185.

12. Okada H. The Ordos Jinong in Erdeni-yin Tobči // *Journal of Asian and African Studies*. 1984. № 27. Pp. 156-162.

13. Serruys H. A Note on the “Wild Mekrid” // *Monumenta Serica*. 1963. V. 22, № 2. Pp. 434-445.

14. Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the Fifteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. V. 37, № 2. Pp. 353-380.

References

1. Barfield T. *Opasnaya granicza: kochevy'e imperii i Kitaj (221 g. do n.e'. – 1757 g. n.e') / per. s angl. D. V. Ruxlyadeva, V. B. Kuzneczova [The dangerous frontier: nomadic empires and China (221 B.C.– 1757 A.D.) / transl. from English by D.V. Rukhlyadev, V.B. Kuznetsov. St.-P., 2009. 488 p. [In Russ.]*

2. Vladimirtsov B. Ya. *Obshhestvenny'j stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm [Social order of the Mongols. The Mongolian nomadic feudalism]. L., 1934. 224 p. [In Russ.]*

3. Gorokhova G.S. *Mongol'skie istochniki o Dayan-xane [The Mongolian sources about Dayan-khan]. M., 1986. 133 p. [In Russ.]*

4. *Mongol'skaya letopis' «E'rde'nijn e'rix» : Podlin. tekst s per. i poyasneniyami, zaklyuchayushhimi v sebe materialy' dlya istorii Xalxi s 1636 po 1736 g. A. Pozdneeva [The Mongolian chronicle «Эрдэнийн эрхэ» : Original text with translations and explanations, containing materials for the history of Khalkha from 1636 to 1736 of A. Pozdneev]. St.-P., 1883. 421 p. [In Russ.]*

5. Pokotilov D.D. *Istoriya vostochny'x mongolov v period dinastii Min. 1368 – 1634 [History of the eastern Mongols during the Ming dynasty from 1368 to 1634]. St.-P., 1893. 242 p. [In Russ.]*

6. Skrynnikova T.D. *Social'no-politicheskie instituty' mongolov XVII v. [Socio-political institutions of the Mongols of the XVII c.] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat state university]. 2014. №1. Pp. 14-27. [In Russ.]*

7. Hangin G. The Mongolian Titles Jinong and Sigejin // *Journal of the American Oriental Society*. 1980. P. 255-266. [In Engl.]

8. Ho Kai-lung 何啟龍. The Office and Noble Titles of the Mongols from the 14th to 16th century, and the study of the “White History” Čayan Teüke // *Central Asiatic Journal*. 2016. V. 59. №. 1-2. Pp. 133-177. [In Engl.].

9. Munkh-Erdene L. The Taiji Government and the Rise of the Warrior State: The Formation of the Qing Imperial Constitution. Leiden-Boston: Brill, 2021. 568 p. [In Engl.].

10. Okada H. The Khan as the Sun, the Jinong as the Moon // *Altaica Berolinensia: The Concept of Sovereignty in the Altaic World*. 1993. V. 126. P. 185. [In Engl.].

11. Okada H. Dayan Khan as a Yüan Emperor: the Political Legitimacy in 15th Century Mongolia // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. 1994. V. 81. Pp. 51-58. [In Engl.].

12. Okada H. The Ordos Jinong in Erdeni-yin Tobči // *Journal of Asian and African Studies*. 1984. № 27. Pp. 156-162. [In Engl.].

13. Serruys H. A Note on the «Wild Mekrid» // *Monumenta Serica*. 1963. V. 22. №. 2. Pp. 434-445. [In Engl.].

14. Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the Fifteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 37. № 2. 1977. Pp. 353-380. [In Engl.].

Сведения об авторе

Гомбожапов Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ). SPIN-код: 7577-2070. Author ID: 57205769422. E-mail: agombozh@yandex.ru

Information about the author

Gombozhapov Aleksandr Dmitrievich, Ph.D. in History, leading researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ulan-Ude city). SPIN-код: 7577-2070. Author ID: 57205769422. E-mail: agombozh@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.11.2024;
одобрена после рецензирования: 24.11.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 09.11.2024;
approved after reviewing: 24.11.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Научная статья

УДК 392(=512.156)

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-29-35

Дашиева Надежда Базаржаповна

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА СТАРОВЕРОВ ТЫВЫ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 1990 г.)

В статье излагаются материалы фольклорно-этнографической экспедиции Восточно-Сибирского государственного института культуры, проведенной в 1990 году в Республике Тыва. Исследование было посвящено бытованию обрядово-праздничного календаря круглого года и обрядов жизненного цикла у населения п. Ужеп Каа-Хемского кожуна Республики Тыва, представленного русскими староверами часовенного согласия. Установлено, что календарь велся с 1-го сентября, когда начинался отсчет времени в течение круглого года. По этому календарю проводились и христианские праздники годового цикла. Приводятся описания обрядов жизненного цикла: крещение, свадьба и похоронно-поминальная обрядность.

Ключевые слова: староверы Тывы, обрядово-праздничный календарь, обряды жизненного цикла, рождение, крещение, свадьба, похороны, поминки.

Для цитирования: Дашиева Н. Б. Обряды жизненного цикла староверов Тывы (по полевым материалам 1990 г.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 29-35.

Dashieva Nadezhda Bazarzhapovna

LIFE CYCLE RITUALS OF THE OLD BELIEVERS OF TUVA (ON THE FIELD MATERIALS OF 1990)

The article presents the materials of the folklore and ethnographic expedition of East Siberian state institute of culture conducted in 1990 in the Republic of Tuva. The study was devoted to the ritual and holiday calendar of the year round and life cycle rituals of the population of Uzhep village of the Kaakhemsky kozhun of the Republic of Tuva represented by the Russian Old Believers of the chapel consent. It was established that the calendar had been kept from 1 September, when the time counting throughout the year began. The Christian holidays of the annual cycle were also held according to this calendar. The descriptions of the life cycle rituals are given as baptism, wedding and funeral and memorial ones.

Keywords: Old Believers of Tuva, ritual and holiday calendar, life cycle rituals, birth, baptism, wedding, funeral, wakes.

Введение

Как известно, в культурах всех народов рождение, жизнь и смерть являются основой человеческого существования. При этом все указанные явления связаны с представлениями о хаосе и космосе, об устройстве мира, о земле, небе, с понятием «время», календарем как способом его учета. В сознании носителей «хранящий образ жизни предков, календарь представляется небесным образцом земного порядка», его преобразования, как и его неизменность, имеют сакральное значение [1, с. 613].

В культуре каждого народа семья выступала в качестве важнейшего и неперемennого условия жизни каждого человека. Семейные обряды, в первую очередь, как отмечают исследователи, свадебные, тесно связаны с народным земледельческим календарем [2, с. 7; 3]. В этой связи известный отечественный исследователь культуры русского народа М. М. Громыко в статье «Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII-XIX вв.» приводит мнения крестьян из источников XIX в.: «Неженатый не считается у нас настоящим крестьянином». ... «На него смотрят отчасти с сожалением, как на нечто не цельное ...» [4, с. 9].

Материалы об обрядово-праздничном календаре и обрядах жизненного цикла староверов, проживающих в поселке Ужеп Каа-Хемского района Республики Тыва,

были записаны автором в 1990 году. В нашей статье «Полевые фольклорно-этнографические экспедиции (1990-2000 гг.), опубликованной в 2020 г. в номере 2 (14) Вестника Восточно-Сибирского государственного института культуры дано обоснование выбора поселка, расположенного при впадении р. Ужеп в Малый Енисей. Все население поселка, численностью около 130 человек, полностью состояло из русских староверов часовенного согласия, строго соблюдавших традиционный уклад. При исследовании в данном поселке учитывалось отсутствие здесь телевидения и радио, а также отсутствие дороги от районного центра п. Сарык-Сеп и моста через Малый Енисей. Изоляцию жителей поселка от событий большого мира обусловило его географическое положение. Люди, проживая в окружении горной тайги, занимались традиционными видами хозяйственной деятельности, что способствовало сохранению традиционного жизненного уклада.

В поселке нашими информантами стали два брата Рукавицыны – Прокопий Гермогенович (1935 г.р.) и Макарий Гермогенович (1932 г.р.). Они рассказали об истории основания поселка староверами – переселенцами из Пермского края в 1908 г. в Кемеровскую губернию, и откуда в 1916 г. «произвольно заезжали зимой по льду в места нынешнего проживания». О себе сообщили: «25 зим охотники»

[5, с. 82-91]. Наши информанты дали нам сведения о календаре и подробно описали обряды жизненного цикла. Полученные сведения могут быть интересны в плане историко-сравнительного и сравнительно-сопоставительного анализа как при исследовании истории традиционной культуры русского народа, так и ее отдельных групп, например, старообрядцев Забайкалья.

Запись велась нами на диктофон и, одновременно, в дневнике, в публикации материалов мы сохраняем специфику речи информантов.

1 июля 1990 года.

Обрядово-праздничный календарь круглого года.

Годовой цикл открывался с 1-го сентября: наступление Нового года.

8-го сентября отмечали Рождество Святой Богородицы;

14-го сентября – праздник Воздвижения;

26-го сентября – Святого Апостола;

1-го октября – Покров.

13-го ноября – Иван Златоуст;

21-го ноября – Воздвижение Пресвятой Богородицы в церковь;

6-го декабря – Никола зимний наш заступник;

25-го декабря – Рождество;

6-го января – Крещение Господне (Богоявление);

2-го февраля – Сретение Господне (сорокодневного Христа);

25-го марта – Благовещение;

Апрель – Пасха (Неделя цветочного вербного).

«На исходе мартовской луны –

передвижной праздник. Если на исходе 2-ой луны, то на исходе второй луны».

Пятидесятница (счет идет от Пасхи);

Вознесение (на сороковой день после Пасхи);

9-го мая – Весенний Никола;

24-го июня – Рождество Иоанна Крестителя (Иван Купала);

29-го июня – святой Петр и Павел;

В июле нет праздников.

6-го августа – Преображение;

15-го августа – Успенье.

На наш вопрос о праздничных традициях, один их информантов сказал: «Не одобряем, чтобы на церковный праздник устраивали гулянья».

Семейно-бытовые обряды и праздники

Крещение. При рождении ребенка обряд крещения устраивают на восьмой день. Обряд состоит из моления и трехкратного погружения ребенка в сосуд с водой. Затем его передают крестной, одевают в рубашку и на этом обряд заканчивается. Бывает праздничный обед, гулянок не устраивают.

Именины. Именины устраивают в день крещения. До завтрака совершается молебен. Поздравляют с днем Ангела, подарки имениннику не дарят. Именинник угощает присутствующих и дарит подарки – он дарит «милостыню», при этом благодарит: «Примите ради Христа ... помолитесь за меня!». Все поют духовные стихи: общий стих в честь ангела-хранителя и стихиры, молитвенные песнопения в православном

богослужении из какого-либо Псалма для каждого праздника тексты особые, но все традиционные. Однако возможность творчества не исключается.

Свадебные обряды (записи в дневнике очень краткие).

Знакомились молодые сами. Сделал предложение. Приходили к родителям девушки сам жених, его отец, мать, тетя, дядя, старшая сестра, брат и зять. Зайдя в дом, здоровались, говорили по какому делу. Невеста может быть дома. Хозяева собирали стол. Требовалось согласие всех.

День бракосочетания – обязательно в мясоед. До свадьбы бывает девичник. Собираются женщины – готовят невесту: одевают, головной убор – цветы из лент. Одежда невесты такая же (далее запись прерывается). Жених угощает всех (приготавливают его угощение). Может одаривать всех бурами, лентами, деньгами. При этом говорил: «Спаси Христос! На здоровье! Дай бог счастья!».

Обряд «Продажи косы». Невесту сажают в середину две сестры или два брата (далее в дневнике со слов информанта написано: «присказулек много. Шутливые»).

Обряд бракосочетания. 1) Молебен – во время молебна свахи расплетают косу и заплетают – чин женщины, в котором будет ходить всю жизнь «шамшура», сверху платок, поверх платка накидывается шаль.

2) Благословление родителей.

3) Брачный обед. Присутствуют только родственники с двух сторон. Жених и невеста

сидят за столом как все. На стол подается пиво, бражка. Спиртным обносят один раз, на стол не ставят! На столе только пища! Поздравляют молодых.

В этот же день устраивают свадьбу, если нет возможности, то договариваются о сроке «только в мясоед».

Свадьба. Готовиться к свадьбе помогают все родственники с двух сторон, варили медовуху, брагу.

Первый день. Свадьба начинается часов в 10-11. Молодые с дружкой приглашали всех, находящихся во дворе или на улице (летом). В дверях или в воротах подают стаканчик (как входной).

Молятся, рассаживаются. Молодые не садятся за стол. В голове стола сначала садятся родители, затем жених с невестой. Дружка со свахой с подносом со стаканами спиртного подходят к родителям жениха и поздравляют их. Дружка: «Не замычит ли корова у вас? и т.д. Так он вымаливает подарок. Выпив все свои стаканы, ставят на поднос, а дружка не ставит. Родители дарят подарок, и тогда стаканы «прилипают» к подносу. Все кричат «Горько!» молодые целуются.

Так обходят всех гостей, которые подносят свои подарки. Затем сваха собирает все подарки и садится на них. А молодые начинают выкупать их.

В свадебную традицию входит обычай дарения денег под названием «сор». Для этого в избу приносят сено или солому. Невеста берет в руки веник и начинает выметать сор, а гости кидают в него

деньги. В это время всех обносят крепким спиртным.

На завтра молодуха печет блины, на стол ставит стаканы – это отдарки.

Похоронный обряд

Покойника одевают в одежды, заранее приготовленные из домотканого холста. Из этих запасов шили рубаху, поверху саван белого цвета.

Обмывают и одевают сразу после смерти. Женщину обмывали женщины, а мужчину – мужчины. Тело кладут на топчан, на матрас из соломы или листьев головой на восток – к иконам. В бревне выдалбливали домовину, у некоторых она была заготовлена заранее. На дно домовины клали березовые ветки. Покойник лежит в избе в домовине в течение трех дней, хоронят на третий день (по обстоятельствам). Идет непрерывное моление, во время моления один раз домовину поворачивают по ходу солнца лицом на восток, головой к выходу.

Беспрерывное моление могут исполнять по одному человеку, сменяя друг друга по очереди. На третий происходит служба, в течение 6-8 часов поют погребение над покойным – стихиры.

Из жилища домовину выносят, разворачивают по солнцу вперед ногами. Женщины идут наравне с мужчинами. В процессии

домовину стараются нести по шесть человек на полотенцах. Впереди идет человек с крестом. От дома до кладбища в процессии поют молебны «Святые божьи».

Прочитав молитвы, домовину закрывают и опускают. Причитаний нет. Родственники в форме восьмиконечного креста бросают на домовину по три раза землю.

Поминальный обед, если день постный, то постный, или молочный. Спиртного нет. Кушают молча. В завершении родственники раздают милостыню всем участникам обряда.

Заключение

Полевые материалы демонстрируют, во-первых, устойчивое сохранение на конец XX в. у староверов – беспоповцев Тывы календаря старого стиля, использовавшегося в Российской империи до реформ Петра I.; во-вторых, устойчивое сохранение в обрядах жизненного цикла этой группы традиций, известных по различным источникам на протяжении нескольких столетий.

Полученные данные могут быть использованы в качестве историко-сравнительного и сравнительно-сопоставительного материала при анализе историко-этнографических аспектов происхождения и развития обрядов жизненного цикла в региональных традициях культуры русского народа.

Список источников

1. Брагинская Н. В. Календарь // Мифы народов мира. Т. 1. М. : Сов. энцикл., 1991. С. 612-615.

2. Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов: В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М. : Современник, 1989. 735 с.

3. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия : Репринт. воспроизведение изд. 1880 г. / собр. М. Забылиным. М. : Автор, 1992. 607 с.

4. Громыко М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М. : Наука, 1989. С. 7-24.

5. Дашиева Н. Б. Полевые фольклорно-этнографические экспедиции ВСГИК (1990-2000 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. 2020. № 2 (14). С. 82-91.

References

1. Braginskaya N. V. Kalendar' [Calendar] // Mify' narodov mira [Myths of the world peoples]. Vol. 1. M., 1991. Pp. 612-615. [In Russ.].

2. Obryadovaya poe'ziya / sost., predisl., primech., podgot. tekstov: V. I. Zhekulinoj, A. N. Rozova [Ritual poetry / compiled, foreword, notes, preparation of the texts: V. I. Zhekulina, A. N. Rozov. M., 1989. 735 p. [In Russ.].

3. Russkij narod. Ego oby'chai, obryady', predaniya, sueveriya i poe'ziya : Reprint. vosproizvedenie izd. 1880 g. / sobr. M. Zaby'liny'm [The Russian people. Its customs, rituals, legends, superstitions and poetry : Reprint. reproduction of the edition of 1880 / collected by M. Zabylin]. M., 1992. 607 p. [In Russ.].

4. Gromyko M. M. Sem'ya i obshhina v tradicionnoj duxovnoj kul'ture russkix krest'yan XVIII–XIX vv. [Family and community in the traditional spiritual culture of the Russian peasants of the XVIII-XIX centuries] // Russkie: semejny'j i obshhestvenny'j by't. [The Russians: family and social life]. M., 1989. Pp. 7-24. [In Russ.].

5. Dashieva N. B. Polevy'e fol'klorno-e'tnograficheskie e'kspedicii VSGIK (1990-2000 gg.) [Field folklore and ethnographic expeditions of ESSIC (1990-2000)] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury' : nauchny'j zhurnal po iskusstvovedeniyu, kul'turologi, istoricheskim naukam [Bulletin of East Siberian state institute of culture: scientific journal on art history, cultural studies, historical sciences]. 2020. №. 2 (14). Pp. 82-91. [In Russ.].

Сведения об авторе

Дашиева Надежда Базаржаповна, доктор исторических наук, профессор, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Россия, г. Улан-Удэ). SPIN-код: 5111-1492, AuthorID: 163429, ORCID 0000-0002-3652-2535. dashieva-n@jandex.ru

Information about the author

Dashieva Nadezhda Bazarzhapovna, Sc.D. in History, professor, East Siberian state institute of culture (Russia, Ulan-Ude city). SPIN-код: 5111-1492, AuthorID: 163429, ORCID 0000-0002-3652-2535. dashieva-n@jandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2024;
одобрена после рецензирования: 12.12.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 27.11.2024;
approved after reviewing: 12.12.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Научная статья

УДК 94(571.54)“1914/19”

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-36-49

Цыбенков Базар Догсонович

НОВЫЕ ДАННЫЕ О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Автор изучает содействие буддийского духовенства Восточной Сибири в сборе пожертвований и других благотворительных акциях региональных властей, связанных с военными и другими нуждами. *Целью исследования* является выявление новых материалов, свидетельствующих о роли буддийской иерархии и в целом бурятского населения в организации и проведении конкретных мероприятий в 1914-1916 гг. Для ее решения были поставлены следующие *основные задачи*: 1) изучить участие бурятских дацанов в проведении уездных кружечных сборов, а также в сборе пожертвований во время религиозных праздников; 2) проанализировать содействие буддийского духовенства в организации сельскохозяйственной помощи местному крестьянскому населению; 3) рассмотреть отдельные постановления бурятских волостных сходов, принятые при непосредственном участии буддийской иерархии; 4) изучить благотворительную деятельность бурятских дацанов, направленную на функционирование лазарета на Кавказском фронте. Особое внимание в работе уделено имевшим место фактам отказа группы крещеных онгоцонских хамниган от сбора пожертвований, организованных буддийским духовенством. Основу работы составили материалы из фондов Государственного архива Республики Бурятия и Государственного архива Забайкальского края. В результате изучения выяснены новые детали благотворительности буддийского духовенства и бурятского населения, подтверждающие масштабность их помощи государству в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, буддийское духовенство, буряты, благотворительность, кружечный сбор, помощь крестьянам, пожертвования.

Благодарность. Проект «Роль буддийского духовенства Восточной Сибири в сохранении и укреплении российских государственных институтов» (первая четверть XX в.) реализован с использованием гранта, предоставленного Фондом содействия буддийскому образованию и исследованиям.

Для цитирования: Цыбенков Б. Д. Новые данные о благотворительной деятельности буддийского духовенства Восточной Сибири в годы

Первой мировой войны // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 36-49.

Tsybenov Bazar Dogsonovich

NEW DATA ON THE CHARITABLE ACTIVITIES OF THE BUDDHIST CLERGY OF EASTERN SIBERIA DURING WORLD WAR I

The author studies the contribution of the Buddhist clergy of Eastern Siberia to the collection of donations and other charitable actions of the regional authorities connected with the military and other needs. *The aim of the study* is to identify new materials about the role of the Buddhist hierarchy and the Buryat population on the whole in organizing and holding charitable events in 1914-1916. *The following tasks* have been set to achieve the goal: 1) to study the Buryat datsans' participation in district circle gatherings, and also the collections of donations during religious holidays; 2) to analyze the agricultural assistance of the Buddhist clergy to the local peasants; 3) to consider some resolutions of the Buryat volost assemblies adopted with the direct participation of the Buddhist hierarchy; 4) to study the charitable activities of the Buryat datsans aimed at the functioning of the infirmary on the Caucasian front. Particular attention is given to the facts of the baptized Ongotson Khamnigans' refusal from collecting donations organized by the Buddhist clergy. The work has been based on the materials from the funds of the State archive of the Republic of Buryatia and that of the Trans-Baikal region. The new details of the charity of the Buddhist clergy and Buryat population confirming the scale of their assistance to the state during World War I have been identified as the result of studying.

Keywords: World War I, the Buddhist clergy, Buryats, charity, circle collection, assistance to the peasants, donations.

Введение. Благотворительная деятельность буддийского духовенства Восточной Сибири и бурятского общества в годы Первой мировой войны достаточно хорошо изучена отечественными специалистами, в первую очередь, бурятскими историками, краеведами. В то же время продолжается введение в научный оборот новых архивных документов, указывающих на неизвестные ранее детали

многоаспектной помощи армии и тылу. В настоящей работе мы рассматриваем некоторые актуальные вопросы по исследуемой проблематике, включая взаимодействие буддийского духовенства с местными властями по организации различных видов пожертвований, участие буддийской иерархии в подготовке документов, статистические и другие сведения о помощи фронтовым лазаретам,

взаимоотношения с группой онгоцонских хамниган, исповедовавших православие.

Материалы и методы исследования. Источниками исследования явились материалы из фонда 84 Государственного архива Республики Бурятия, фондов 12 и 13 Государственного архива Забайкальского края. Они представляют собой протоколы различных совещаний, доклады волостных правлений, приговоры волостных сходов, приказы военного губернатора Забайкальской области и др. Эти документы дополнены в ряде случаев сведениями из работ бурятских историков. В подготовке статьи использованы сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы научного исследования. Работа состоит из нескольких разделов, посвященных конкретным вопросам по исследуемой тематике.

Участие дацанов Селенгинского уезда в кружечном сборе в октябре 1914 г. Большую роль в сборе пожертвований на нужды войны играли местные власти, взаимодействовавшие с буддийским духовенством Восточной Сибири. Так, 7 октября 1914 г. Селенгинский уездный начальник известил Пандито Хамбо-ламу о предстоящем кружечном сборе в дацанах [1, с. 62]. На следующий день, 8 октября 1914 г., состоялось заседание Селенгинского уездного комитета по организации сбора пожертвований на военный воздушный флот. В нем приняли участие исполняющий обязанности Селенгинского уездного начальника А.Н.

Несмелов, его помощник И.В. Старков, городской староста М.С. Торгашин, протоиерей Д. Малков, инспектор Селенгинского училища И.П. Воскобойников, купцы В.А. Малыгин, М.А. Лушников, дьякон И. Носырев, учительница А.Г. Пояркова, уездный врач Е.Л. Сновидов и др. На заседании были зачитаны циркулярные предложения областного комитета об организации и устройстве однодневного сбора на воздушный флот. Уездный комитет постановил: учредить в уезде участковые комитеты в следующих местах: 1) в Чикойской, Закаменской, Сартольско-Армакской и Кударобурятской волостях под председательством волостных старшин и при участии членов, в числе не менее трех лиц, известных обществу своей хорошей деятельностью и репутацией; 2) в станицах Аракиретской, Харьяской и Янгажинской под председательством станичных атаманов и также при участии членов не менее трех человек в каждой; 3) в волостях: Иволгинской, Кабанской, Торейской, Троицкой, Турунтаевской, Посольской, Кударинской и Батуринской [2, л. 58].

На этом заседании было решено привлечь к кружечному сбору ширетуев бурятских дацанов уезда: Цонгольского, Джидинского, Ацайского, Загустайского, Сартульского, Гэгэтуйского, Ичетуйского, Бултурмурского, Аракиретского, Иройского и Янгажинского [2, л. 58-59]. Очевидно, ширетуи являлись членами комитета по сбору пожертвований. Предполагалось также привлекать к

мероприятию и штатных лам, за-служивающих своею благотвори-тельностью доверие прихожан [2, л. 59]. Уездный комитет также по-становил просить Пандито Хамбо-ламу Д.-Д. Итигэлова о производ-стве такого же сбора в Гусинозер-ском (Тамчинском) дацане. Пред-полагалось также изготовить на средства комитета тридцать кру-жек по цене 35 коп. за штуку. Из Селенгинска должны были направ-ить в участковые комитеты значки для жертвователей и бро-шюры. Сохранилось письмо, направленное председателем Се-ленгинского уездного комитета ширетую Ацайского дацана, в ко-тором говорилось: «Прошу Вас о производстве в вверенном Вам да-цане сбора на воздушный флот. Кружка для сбора и значки для вы-дачи жертвователям будут вы-сланы Вам в скором времени. По окончании сбора кружку не вскрыв-вая прислать мне с нарочным не позднее 26 октября чрез ближай-шее волостное или станичное прав-ление. Октября 10 дня 1914 г. [2, л. 58 об.]. Очевидно, такие цирку-ляры о проведении кружечного сбора были направлены и в другие дацаны Селенгинского уезда, в це-лом всей этнической Бурятии. Из-вестно, что 19 октября 1914 г. сбор добровольных пожертвований на нужды воздушного военного флота проводился в Ойбонтовском и Жаргалантийском булуках Хорин-ского аймака Верхнеудинского уезда, 30-31 октября 1914 г. – на во-лостном сходе в Галзотской ино-родческой волости было принято решение о сборе пожертвований на

военные нужды при участии духо-венства Анинского дацана [3, с. 120].

Подобные кружечные сборы продолжались и в последующие годы Первой мировой войны, о чем свидетельствует письмо председа-теля Селенгинской уездной комис-сии Забайкальского отделения Ко-митета Великой княгини Елиза-веты Федоровны по оказанию бла-готворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Оно да-тировано 12 апреля 1915 г. В нем кратко даны указания: «Ширетую Ацайского дацана. С просьбой об исполнении. По окончании сбора кружку не распечатывая послать в г. Селенгинск с надежным нароч-ным чрез ближайшее волостное или станичное правление. При этом посылается одна кружка за № 39 и образчик пучка-колоса» [2, л. 61].

Известно, что осенью 1916 г. Комитет Великой княгини Татьяны Николаевны начал особый сбор под названием «Ковш зерна нового урожая», и население Агинской инородческой волости приняло ре-шение внести пожертвования мяс-ной продукцией [4, с. 131-132].

Таким образом, архивные до-кументы помогают проследить де-тали кружечного сбора, его органи-зацию; лиц, принимавших участие в мероприятии. Инициатива прове-дения подобных сборов исходила от региональных властей и была поддержана буддийским духовен-ством Восточной Сибири.

Участие ширетув дацанов в волостных сходах и предложение о санаторном лечении раненых

офицеров (ноябрь 1914 г.).

В приговоре Кубдутского волостного схода № 1 от 5 ноября 1914 г., прошедшем в с. Сосново-Озерское в присутствии ширетуя Эгитуйского [в тексте – Игитуевского – *авт.*] дацана Д. Зодбоева, штатного ламы Эгитуйского дацана Нанзата Зодбоева и булучных старост, отмечено, что «слушали: предложение ширетуя дацана Зодбоева относительно оказания помощи на нужды войны. Обсудив сей вопрос и сочувствуя предложению сим единогласно постановили: произвести добровольные пожертвования на военные нужды и помощи больным и раненым воинам, а также семьям лиц, призванных на действительную службу по мобилизации 1914 г.» [5, л. 36]. Было внесено 11 предложений. Как указано выше, вероятно, большую роль в их составлении сыграло духовенство Эгитуйского дацана. Эти предложения в том или ином виде встречаются и в постановлениях других волостных сходов бурят. Учитывая важность предложений для изучаемой тематики, представим отдельно все 11 пунктов: 1) сбор добровольных пожертвований должен производиться через булучных старост при участии штатных лам и почетных инородцев, по подписным листам, приглашая население булучных обществ вносить на военные нужды деньгами или скотом соответственно имущественной состоятельности жертвователя, но по расчету не меньше 2 руб. с рабочей души [5, л. 36]; 2) поступающие пожертвования скотом и другими предметами

обращать в деньги путем продажи их по соглашению булучных старост с жертвователями, а в затруднительных случаях с одобрения надлежащего волостного правления; 3) предложить булучным старостам направлять все поступающие пожертвования в волостное правление вместе со списком жертвователей; 4) поступающие в волостное правление пожертвования распределять следующим образом: 10% отчислять на нужды воздушного флота, 10% в пользу Красного Креста, 40% на организацию помощи семьям лиц, призванных на действительную службу по мобилизации текущего года и 40% в распоряжение Пандито Хамбо-ламы Буддийского духовенства Восточной Сибири в целях устройства в Петрограде Бурятского лазарета для больных и раненых воинов; 5) из состава 40% собранных денег, отчисленных на помощь семьям призванных по мобилизации, считать все суммы, внесенные бурятским населением в общественные организации, помощи семьям призванных на войну, а также и передаваемые на местах для непосредственно удовлетворения нужд семейств, призванных [5, л. 36 об.]; 6) для надлежащей организации сбора пожертвований и скорейшего устройства в Петрограде Бурятского лазарета просить Пандито Хамбо-ламу организовать под своим председательством особый комитет в составе ширетуев подведомственных ему дацанов и должностных лиц инородческих волостей и станиц, и особо приглашенных им лиц из бурятской

интеллигенции; 7) просить Пандито Хамбо-ламу в качестве председателя означенного комитета по вопросу об организации сбора пожертвований на военные нужды, а также об устройстве в Петрограде Бурятского лазарета для больных и раненых воинов войти в сношение с общественными деятелями из среды иркутских бурят, привлекая их к устройству одного общего лазарета имени всего бурятского народа; 8) по вопросу об организации Бурятского лазарета в Петрограде просить Пандито Хамбо-ламу войти в сношение с членами строительного комитета по возведению в Петрограде буддийского храма и с депутатами Забайкальской области и Иркутской губернии гг. Волковым и Маньковым [речь идет о депутате Государственной Думы от Забайкальской области Н.К. Волкове и депутате Государственной Думы от Иркутской губернии И.Н. Манькове – *авт.*], а по вопросу о представлении под Бурятский лазарет помещения просить Пандито Хамбо-ламу войти в сношение с Цаннит-Хамбо Агваном Доржиевым; [5, л. 37]. 9) определить число кроватей в Бурятском лазарете и установлении всех сделанных расходов, а равно производство последних предоставить комитету под председательством Пандито Хамбо-ламы; 10) просить Пандито Хамбо-ламу возбудить перед местной администрацией вопрос о предоставлении ему права непосредственного созыва членов означенного в пункт «в» настоящего приговора комитета для обсуждения и выражения

вопросов, возникающих в связи с деятельностью комитета; 11) выразили желание содержать при Эгитуйском дацане безвозмездно до 10 лиц офицеров, по выписке их из лазаретов, для дальнейшего поправления их здоровья в летнее время на вольном воздухе, пользуясь минеральными водами, кумысом и пр. [5, л. 37 об.].

Некоторые предложения, включая последний 11-й пункт, упоминаются в телеграмме, направленной от имени Пандито Хамбо-ламы военному губернатору Забайкальской области (принята 21 ноября 1915 г.): «Наше духовенство население вашему призыву всюду постановили приговорами жертвовать не менее 2 руб. податной души распределением 10 % воздушный флот 10 % Красный Крест 40 % семьям призванных 40 % мое распоряжение для устройства специального бурятского лазарета Петрограде кроме того готовить тепловые вещи предполагает устроить некоторых местах временные летние санатории для выздоравливающих офицеров полагаю общей сложности пожертвование будет солидное» [6, л. 43-45; 7, с. 247]. В телеграмме говорится также о ведении переговоров об организации бурятского лазарета в Петрограде, возможном сборе пожертвований среди бурятского населения на создание Забайкальского лазарета.

О пожертвованиях бурятских дацанов и волостных правлений Верхнеудинского уезда на лазарет на Кавказском фронте в декабре 1914 г. Буряты понимали всю

серьезность военного времени, благодаря своевременному информированию дацанов и администрации прихожане были в курсе тех или иных событий на фронтах Первой мировой войны, сборах пожертвований на нужды семей мобилизованных крестьян, раненых и больных воинов. О патриотическом настрое бурятского населения свидетельствует приговор волостного схода в улусе Цолга от 25 февраля 1915 г.: «...наша Родина втянута в эту кровавую войну помимо своей воли и нам бурятам подлежит оглянуться на себя, сопоставить свое положение, с положением этих несчастных наших братьев и организовать сборы пожертвований везде и всюду, несмотря на тяжелое и пошатнувшееся от суровой зимы положение нашего хозяйства всеми силами откликнуться на вышеприведенный призыв и произвести с 1 марта сего года добровольный сбор пожертвований...» [5, л. 122-123]. Из текста документа можно понять, что бурятские скотоводческие хозяйства, очевидно, сами с трудом пережили зиму и бескормицу, но тем не менее, они были полны решимости оказать помощь пострадавшим от войны.

В декабре 1914 г. были собраны пожертвования от бурятского населения Верхнеудинского уезда на организацию и посылку от населения Забайкальской области лазарета в действующую армию на Кавказе. В списке жертвователей указаны настоятели бурятских дацанов уезда: ширетуй Кудунского дацана – 154 руб. 50 коп. (дата

внесения – 10 декабря 1914 г.), Чесанского дацана – 25 руб. (23 декабря 1914 г.), Тугно-Галтайского дацана – 50 руб. 26 коп. (23 декабря 1914 г.), Цолгинского дацана – 25 руб. (24 декабря 1914 г.), Анинского дацана Доржи Шагдаров – 56 руб. 65 коп. (29 декабря 1914 г.), Эгитуйского дацана Зодбоев – 100 руб. (30 декабря 1914 г.) [5, л. 132]. По 900 руб. сдали также Ходайское, Барун-Харганатское, Харганатское, Галзотское инородческие волостные правления; 450 руб. – Гочитское инородческое волостное правление [5, л. 132].

Некоторые жертвователи выражали желание присвоить койкам подвижного лазарета № 4 Красного Креста, отправленного на Закавказский театр войны от населения Забайкальской области, свои названия. Поэтому согласно приказу военного губернатора Забайкальской области от 16 января 1915 г., койке № 7 подвижного лазарета присваивалось название «ламайского духовенства Гусиноозерского дацана», койкам с № 8 по 17 – имени «забайкальских бурят», № 18 – «бурят Барун-Харганатской волости»; № 21 – «бурят Харганатской волости»; № 22 – «бурят Ацагатского дацана Ходайской инородческой волости», койкам № 24-26 – «баргузинских бурят», № 27 – «Барун-Харганатской инородческой волости при участии Цолгинской таковой же», № 31 – «бурят Оронгойской волости», № 45 – «бурят Галзотской волости» [6, л. 104, 110]. Можно отметить и имена других жертвователей, присвоенные койкам лазарета: № 33 –

«братьев Аарона, Мойсея и Давида Лазаревичей Самсонович», № 32 – «Исая Мойсеевича и Сары Матвеевны Шлезингер» [6, л. 104]; № 34 – «г. Троицкосавска», № 42 – «Бичурской и Окиноключевской волостей», № 43 – «сельских обществ Мухоршибирской волости» [6, л. 110].

Об отказе крещеных хамниган Онгоцонской инородной управы платить пожертвования буддийскому духовенству и откочевках в Монголию.

В своем донесении от 25 января 1915 г. Онгоцонское инородческое волостное правление сообщало Пандито Хамбо-ламе об отказе крещеных инородцев волости в числе 18 душ от двухрублевого сбора пожертвований. Отмечалось, что они отказались, поскольку вышеупомянутый сбор производится исключительно с инородцев, исповедующих буддийское (в тексте – Ламайское – *авт.*) вероисповедание в числе 686 платежных душ. Аналогичным образом поступили крещеные инородцы Бырчинского булука в количестве 37 чел., которые не были включены в число 704 чел. булука [5, л. 75].

По данным бурятских этнографов Б.З. Нанзатова и М.М. Содномпиловой, население Онгоцонской управы представляло собой конгломерат, объединенный монгольско-хамниганским языком и приверженностью буддизму. В 1829 г. из 1645 чел. Онгоцонской управы 1515 чел. были буддистами, 130 чел. – «христианами греческого исповедания» [8, с. 26, 33]. Таким образом

вышеупомянутые крещеные инородцы являлись немногочисленной группой онгоцонских хамниган. Большинство онгоцонских хамниган в начале XX в. придерживалось буддийской религии.

Распоряжение Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова от 24 февраля 1915 г. за № 40, направленное в Онгоцонское инородческое волостное правление, не содержит никаких указаний относительно крещеных инородцев, отказавшихся от сбора пожертвований. Можно предположить, что буддийское духовенство считало излишним вступать в обсуждение этого вопроса с Забайкальской епархией, поскольку речь все же шла о приверженцах православия. К тому же число отказавшихся от благотворительности было незначительно. Поэтому этот вопрос не затрагивался в распоряжении. Пандито Хамбо-лама требовал «аккуратного исполнения денежных отчислений на Красный Крест и воздушный флот», предупреждал, что со стороны начальства может состояться ревизия в правильности распределения денег, также просил написать ему подробное разъяснение по сбору денежных пожертвований и прислать копию приговора по двухрублевому сбору, который будет принят населением волости [5, л. 76].

Помимо отказа от сбора пожертвований крещеных хамниган имела в Онгоцонской управе и другая проблема. Так, волостной старшина Онгоцонского инородческого правления Цыден Санжиев 20 февраля 1915 г. сообщал съезду

Общепурятского комитета по сбору пожертвований на нужды войны, что «...пополнить денежные средства не представляется возможности, ибо масса инородцев уковчала за границу в Монголию и в разные станицы, где действовать нет у меня власти, и они живут разбросанно и далеко. Местная администрация делает распоряжения о не привлечении таких инородцев даже к казенным налогам. А поэтому, принимая во внимание, что вопрос этот касается всего бурятского населения и что отковчка инородцев в иностранные и посторонние ведомства как правительству так и оставшемуся на месте населению грозит в материальном отношении ущербом и не успешностью в общих делах, покорнейше прошу съезд членов Пурятского комитета не оставить в разрешении сего вопроса имея в виду, что мы, инородцы, в этот переживаемый нашей Родиной трудный момент должны помочь всеми силами без исключения, а не расковчевывать собственно для своих личных интересов» [5, л. 77]. Примечательно, что в своем сообщении волостной старшина Онгоцонского инородческого правления Ц. Санжиев говорит обо всем бурятском населении, не выделяя отдельно хамниган. Этот факт, на наш взгляд, в очередной раз подтверждает мнение о том, что в начале XX в. ононские хамниганы (онгоцонские являются ответвлением этой группы – авт.) считали себя составной частью бурятского народа.

Как указано выше, пользуясь приграничным положением

региона и наличием недостаточно охраняемых участков государственной границы, некоторые лица уходили в Монголию. Об этом писала и особая комиссия по обследованию вопроса о землепользовании населением Забайкальской области в пограничной с Монголией полосе. В частности, комиссией было отмечено «несколько случаев перехода инородцами и другими русскими подданными монгольской границы в целях явного уклонения от призыва, первыми на тыловые работы, а лицами второй категории – от призыва в войска по мобилизации» [9, л. 30].

Оказание бурятами сельскохозяйственной помощи семьям русских крестьян, призванных на войну.

Сохранилось обращение военного губернатора Забайкальской области за № 1108 от 4 мая 1915 г. к ширетую Ацайского дацана Д. Цыгунуову, в котором отмечалось, что забайкальский отдел Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, изыскивая средства для оказания сельскохозяйственной помощи семьям воинов, решил открыть подписку среди населения области. Выражалась в нем надежда, что ширетуй отнесется к этой насущной безотлагательной нужде с той же отзывчивостью, с какою жертвовал крупные суммы на формирование двух полевых лазаретов, посланных на Кавказский и Западный фронты военных действий. Военный губернатор подчеркивал, что долг перед Родиной обязывает каждого гражданина прийти на помощь семьям

участников войны при полевых работах, так как многие находятся на краю разорения и без посторонней помощи не могут даже произвести посевные работы на своих полях. Далее в обращении кратко указывалось: «нужда громадная – время не терпит» [2, л. 62]. Таким образом, как явствует из документа, имели место прямые обращения военного губернатора Забайкальской области к ширетугам бурятских дацанов, что, очевидно, свидетельствует о серьезности положения дел в сельском хозяйстве области. Можно полагать, что буддийское духовенство оказывало не только финансовую помощь, но и поощряло содействие бурят в проведении сельскохозяйственных работ, оказываемое семьям мобилизованных русских крестьян. В архивных фондах сохранились некоторые факты непосредственной помощи бурят. Так, в протоколе совещания Верхнеудинской комиссии Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, от 7 апреля 1915 г., говорилось о необходимости привлечения бурят (в тексте – инородцев – *авт.*) Верхне и Нижне-Хилкосонских булуков к полевым работам крестьян Енгорокского отдельного сельского общества. Это сельское общество было образовано из переселенцев, совершенно не обжившихся на новом месте. Помощь бурят должна была выражаться в безвозмездном личном труде, отпуске для крестьян орудий и лошадей для работ, поскольку Енгорокское общество находилось на

значительном удалении от остальных сельских обществ и было окружено землями вышеотмеченных бурятских булуков [10, л. 139 об – 140]. Верхнеудинский уездный распорядительный комитет журналом от 30 марта 1915 г. по просьбе крестьян селения Барского Куналейской волости постановил привлечь инородцев Барун-Харганатской и Цолгинской волостей для распашки крестьянами Барского селения 50 десятин под посев [10, л. 140].

О кружечном сборе в Тамчинском дацане во время проведения религиозного праздника «цам» в июне 1915 г.

В Государственном архиве Забайкальского края нами обнаружен документ, свидетельствующий о проведении кружечных сборов во время буддийских религиозных праздников. В источнике говорится о намерении уездной комиссии провести подобный сбор. Поскольку он представляет собой протокол заседания комиссии, можно предполагать, что кружечный сбор в Тамчинском дацане все же состоялся. Ниже даем текст документа: «Протокол. 6 июня 1915 г. Селенгинская уездная комиссия Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, в заседании сего числа, обсуждая вопрос об увеличении средств, постановила: 1) произвести однодневный кружечный сбор в Гусиноозерском дацане Селенгинского уезда 8 июля сего года, так как в этот день

годового бурятского праздника под названием «цам» происходят особенно чтимые ими процессии ламаитского духовенства, на которые и съезжаются со всей Забайкальской области и других местностей в значительном количестве буряты, а также бывает и русское население; 2) сбор предназначить на вспомоществование при уборке сена; 3) каждому жертвователю сборщики должны прикалывать пучки травы и полевых цветов, перевязанные ленточками, каковые и заготовить по получении разрешения на означенный сбор. О разрешении производства сбора войти с представлением в Забайкальское отделение Комитета Ее Высочества» [11, л. 60]. Следует отметить, что в годы Первой мировой войны резиденция Пандито Хамбо-ламы – Тамчинский дацан – становится также центром благотворительной деятельности бурятских сообществ [12, с. 341].

Заключение. Как показывает наше исследование, в годы Первой мировой войны местные власти активно привлекали бурятское духовенство к различным видам сбора пожертвований, особое внимание уделяя благотворительности во

время буддийских религиозных праздников. Они обращались также к ширетуям бурятских дацанов как авторитетным посредникам с просьбой о помощи семьям мобилизованных крестьян. И очевидно, после призыва буддийского духовенства бурятское население оказывало содействие русским селам в проведении сельскохозяйственных работ. Ширетуи дацанов играли большую роль в проведении волостных сходов, составлении документов, выдвигали свои предложения по организации сбора пожертвований, помощи раненым. В то же время, согласно архивным материалам, у буддийского духовенства возникали проблемные ситуации по сбору пожертвований среди группы крещеных онгоцонских хамниган. Несмотря на эти и другие моменты, буддийское духовенство Восточной Сибири во главе с Пандито Хамбо-ламой Д.-Д. Итигэловым продолжало успешно руководить «Общепурятским комитетом по сбору пожертвований на нужды войны», оказывая также посильную поддержку лазаретам, семьям мобилизованных крестьян, раненым и больным воинам.

Список источников

1. Цыбенков Б. Д. Благотворительная и врачебная деятельность буддийского духовенства Восточной Сибири в годы Первой мировой войны (на основе материалов Государственного архива Республики Бурятия) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2023. № 4 (28). С. 55-79.
2. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. 84. Оп. 1. Д. 555.
3. Михеев Б. В. Благотворительность бурят в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. История.

2012. № 11 (265), Вып. 50. С. 119-122.

4. Михеев Б. В. Деятельность Агинского инородческого волостного правления в период с 1915 по 1917 г. // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 130-133.

5. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 496.

6. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 12. Оп. 1. Д. 20.

7. Жалсанова Б. Ц., Чимитдоржиева Л. Ш. «...Буряты и тунгусы, простолюдины и интеллигенция, духовные и статские! К вам мы обращаемся – организуйтесь в волостные, булучные и улусные комитеты, организуйте сборы пожертвований везде и всюду, покажите в этой работе – горячем отклике на наше обращение, что вы граждане, дети своей родины, что жива в вас великая совесть!» (документы о благотворительной деятельности бурятских обществ в помощь пострадавшим от войны) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 2 (18). С. 246-253.

8. Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Онгоцонские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 36. С. 24-36.

9. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 54.

10. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 19.

11. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 26.

12. Жалсанова Б. Ц. Деятельность Тамчинского дацана как центра управления буддийского духовенства в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск, 2012. С. 340-346.

References

1. Tsybenov B.D. Blagotvoritel'naya i vrachebnaya deyatel'nost' buddijskogo duxovenstva Vostochnoj Sibiri v gody' Pervoj mirovoj vojny' (na osnove materialov Gosudarstvennogo arxiva Respubliki Buryatiya) [Charitable and medical activities of the Buddhist clergy of Eastern Siberia during World War I (on the basis of the materials of the State archive of the Republic of Buryatia)] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury' [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. 2023. № 4 (28). Pp. 55-79. [In Russ.].

2. GARB (Gosudarstvennyj arxiv Respubliki Buryatiya) [SARB (State Archive of the Republic of Buryatia)]. F. 84. Inv. 1. C. 555. [In Russ.].

3. Mikheev B. V. Blagotvoritel'nost' burjat v gody Pervoj mirovoj vojny [The Buryats's charity during World War I] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk state university. History]. 2012. №11 (265). Issue 50. Pp. 119-122. [In Russ.].

4. Mikheev B.V. Deyatel'nost' Aginskogo inorodcheskogo volostnogo

pravleniya v period s 1915 po 1917 g. [The activity of the Aginsky non-Russian volost ruling in the period from 1915 to 1917] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat state university]. 2011. № 7. Pp. 130-133. [In Russ.].

5. GARB. [SARB]. F. 84. Inv. 1. C. 496. [In Russ.].

6. GAZK (Gosudarstvenny'j arxiv Zabajkal'skogo kraja) [SATBR (State archive of the Trans-Baikal region)]. F. 12. Inv. 1. C. 20. [In Russ.].

7. Zhalsanova B. Ts., Chimitdorzhieva L. Sh. «...Buryaty' i tungusy', prostolyudiny' i intelligenciya, duxovny'e i statskie! K vam my' obrashhaem-sya – organizujtes' v volostny'e, buluchny'e i ulusny'e komitety', organizujte sbory' pozhertvovanij vezde i vsyudu, pokazhite v e'toj rabote – goryachem otklike na nashe obrashhenie, chto vy' grazhdane, deti svoej rodiny', chto zhiva v vas velikaya sovest'!» (dokumenty' o blagotvoritel'noj deyatel'nosti buryatskix obshhestv v pomoshh' postradavshim ot vojny') [«...The Buryats and Tungus, common people and intelligentsia, clergy and civilians! We hereby urge you to join together in volost, buluch and ulus committees, organize the collections of donations everywhere, show in this work that you are citizens, children of your Fatherland and have great conscience in your hearty response to our appeal» (the documents about the Buryat societies' charity for the assistance to the war-stricken)] // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Buryat scientific center of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences]. 2015. № 2 (18). Pp. 246-253. [In Russ.].

8. Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Ongoczonskie xamnigany' v XIX v.: e'tnicheskij sostav i rasselenie [The Ongotson Khamnigans in the XIX century: ethnic composition and resettlement] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarxeologiya. E'tnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk state university. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2021. Vol. 36. Pp. 24–36. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.24> (in Russ.).

9. GAZK [SATBR]. F. 13. Inv. 2. C. 54. [In Russ.].

10. GAZK [SATBR]. F. 12. Inv. 1. C. 19. [In Russ.].

11. GAZK [SATBR]. F. 12. Inv. 1. C. 26. [In Russ.].

12. Zhalsanova B. Ts. Deyatel'nost' Tamchinskogo daczana kak centra upravleniya buddijskogo duxovenstva v gody' Pervoj mirovoj vojny' [The activities of the Tamchinsky datsan as an administrative center of the Buddhist clergy during World War I] // Irkutskij istoriko-e'konomicheskij ezhegodnik: 2012 [Irkutsk historical and economic yearbook: 2012]. Irkutsk, 2012. Pp. 340-346. [In Russ.].

Сведения об авторе

Цыбенов Базар Догсонович, доктор исторических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Россия, г. Улан-Удэ), SPIN-код: 4993-7331, Author ID: 470086 bazar75@mail.ru

Information about the author

Tsybenov Bazar Dogsonovich, Sc.D. in History, associate professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the RAS (Russia, Ulan-Ude city), PIN-код: 4993-7331, Author ID: 470086. bazar75@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.10.2024;
одобрена после рецензирования: 24.11.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 29.10.2024;
approved after reviewing: 24.11.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 7.038.55

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-50-59

*Шарафутдинова Азалия Мударисовна,
Токарева Ольга Владимировна,
Цыбисов Алексей Евгеньевич*

ИНСТАЛЛЯЦИЯ КАК ФОРМА МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Предметом изучения в статье служит инсталляция как форма монументального искусства; она отвечает на основные вопросы о формировании инсталляции, раскрывает актуальное определение, формирует понятийный аппарат и раскрывает полный исторический контекст феномена инсталляции. Осмысляется развитие художественной инсталляции как синтетической, иммерсивной формы монументального искусства, в которой именно художник монументалист выступает как творец пространственной художественной работы-среды. Понимание исторического контекста феномена инсталляции поспособствует лучшему осмыслению художественных процессов, происходящих уже в настоящее время, а разработанный понятийный аппарат позволит оперировать терминами, до этого не получавшими точного теоретического обоснования. Статья написана в поисках путей решения проблемы неполного теоретического обоснования феномена инсталляции и предлагает определение и характеристики инсталляции с точки зрения монументального искусства.

Ключевые слова: инсталляция, монументальное искусство, новое искусство, концептуализм, ассамбляж, реди-мейд, тотальная инсталляция.

Для цитирования: Шарафутдинова А. М., Токарева О. В., Цыбисов А. Е. Инсталляция как форма монументального искусства // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 50-59.

*Sharafutdinova Azaliya Mudarisovna,
Tokareva Olga Vladimirovna,
Tsybisov Aleksey Yevgenevich*

INSTALLATION AS A FORM OF MONUMENTAL ART

The subject of study, touched upon in the article, is installation as a form of monumental art; it answers basic questions about its formation, gives its actual definition, forms a conceptual apparatus and reveals the full historical context of that phenomenon. The development of art installation as a synthetic, immersive form of monumental art is comprehended in which a monumental artist acts as the creator of the spatial artistic work-environment. Understanding the historical context of the installation phenomenon will contribute to a better understanding of the artistic processes taking place at present, and the developed conceptual apparatus will allow to operate with the terms that have not been theoretically substantiated before. The article is written in search of the ways to solve the problem of incomplete theoretical substantiation of the installation phenomenon and suggests a definition and characteristics of installation from the point of view of monumental art.

Keywords: installation, monumental art, new art, conceptualism, assemblage, ready-made, total installation.

Зарождение и формирование феномена инсталляции – это долгий, поступательный процесс, который невозможно рассматривать в отрыве от культурного исторического прогресса, и, следовательно, прежде чем прийти к конечному определению в рамках данной исследовательской работы, необходимо рассмотреть ретроспективу и генезис феномена инсталляции.

Искусство инсталляции возникло по историческим меркам не так давно и лишь в последние десятилетия смогло сформироваться в более стабильный жанр искусства, однако в ней все еще много неразработанных тем. Новизна заключается в том, что инсталляция является формой

монументального искусства, так как затрагивает тему манипуляции с пространством и неминуемо влечет за собой масштабирование, а также работу с множеством переменных, таких как: форма, текстура, пространство, движение и включение зрителя в среду инсталляции. Все это входит в круг задач и компетенций художника-монументалиста, для него инсталляция является одним из преимущественных путей развития в искусстве.

Проблема, которая поднимается в данной статье, заключается в недостаточной теоретической презентации феномена инсталляции, отсутствии точного определения, спутанности и отсутствия четкого понятийного аппарата.

Авторы исследования предприняли попытку внести структурную ясность в теоретические исследования, а также осветить возможные пути развития этой формы искусства в нынешнее время с учетом исторического анализа и условий XXI века.

В статье использовались сравнительный и типологический подходы к предмету нашего исследования. С целью обнаружения предпосылок к формированию художественной инсталляции в истории культуры до XX в. применяется культурно-исторический подход. Сравнительный анализ произведений позволяет нам выявить преемственность и заимствования российских художников у западных авторов, а типологический анализ – проследить социокультурную среду формирования данной формы в России и за рубежом.

Технологический прорыв начала XX в. изменил это направление. Появление фотографии освободило искусство, а прежде всего живопись от необходимости документировать действительность такой, какая она есть. Постепенно сложились идеи *нового искусства*, художники получили больше художественной свободы и стремились использовать ее для утверждения собственных художественных принципов.

Авангард и возникший следом неоавангард формировали новое видение цели искусства, и апогеем этих творческих течений стало возникновение

концептуального искусства – *концептуализма* (от лат. *conceptus* – мысль, представление). Инсталляция стала его результатом и, следовательно, вобрала в себя его основные философские концепции, отражая как идейное содержание, так и формы, и средства концептуализма.

Определение инсталляции как феномена в художественном искусстве встречает некоторые трудности. Широкий спектр различий в форме, содержании, условиях и масштабе создаваемых произведений под названием "инсталляция" сейчас так широк, что это лишает нас какой бы то ни было определенности. Самое распространенное определение, данное в учебном пособии «Искусствоведение. Инсталляция: новая реальность», звучит так: «Инсталляция (от англ. *installation* – установка, размещение, монтаж) – форма современного искусства, представляющая собой пространственную композицию из различных готовых материалов и форм (природных объектов, промышленных и бытовых предметов, фрагментов текстовой и зрительной информации)» [1]. В ранний период возникновения пользовались для других целей – обозначить группу картин (в XX в. еще и фотографий) и скульптур, организованных на какой-либо выставке. Эта проблема делала определение феномена инсталляции как формы современного искусства довольно размытой, вплоть до 60-х гг. прошлого века.

Вернемся к характеристикам

и определению термина «инсталляция». Авторы данного исследования считают необходимым дать краткий и ясный взгляд на структуру инсталляционного искусства. Имея много общего со скульптурой, тоже являясь пространственной композицией, инсталляция достаточно легко вошла в тело искусства, однако имела много отличного от пластики: в то время как скульптура предполагала под собой некую законченную форму, каркас, который поддается довольно простому сенсуальному познанию, она, напротив, ситуативна и неподконтрольна пространству. Наоборот, инсталляция превращает пространство в инструмент, моделируя его вокруг себя.

В подтверждение этому стоит привести определение инсталляции, которое даёт в своей статье ««Лингомания» И. Макаревича» А. Монастырский: «... художник, работающий с инсталляцией, использует пространство как инструмент, и в результате возникает нечто... что является эстетическим актом» [2]. Об этом же упоминала исследовательница К. Пол, говоря о том, что «цель» инсталляции – это создание некоего «пространства», которое способно перенести зрителя в «спроецированную реальность». К похожему выводу приходит Е. Тавани в статье «Атмосфера в искусстве инсталляции» (2018), которая обозначает инсталляцию как «*работу-среду*», погружающую зрителя в атмосферу художника – творца этой среды.

Внимание инсталляционного искусства к пространству и эксперименты с ним не случайны. Как говорилось выше, рождаясь из формы организации произведений искусства, инсталляция переходит к манипуляции пространством, из плоскости полотна выходя в трехмерное измерение. Эта задача приводит нас к выводу о том, что художественная инсталляция имеет несколько фаз развития – от абстракции к *коллажу*, от *коллажа* к *ассамбляжу*, от *ассамбляжа* к *инсталляции*. В каждой из этих фаз формировались свои понятия и развивались свои процессы.

В связи с этим важно упомянуть, что наиболее плавно и легко проследить хронологическое развитие можно на европейской, в первую очередь, и на американской, во вторую очередь, творческой арене. Именами, с которыми связано зарождение инсталляции, были *Марсель Дюшан* (1887-1968) и *Эль Лисицкий* (1890-1941). Именно их революционные идеи о новом искусстве стали основой, на которой формировался базис инсталляционного искусства.

На этом этапе развития этой прото-инсталляции их эстетика заявляет о вхождении в теорию искусства понятия *реди-мейда*, известный именем М. Дюшана. Марсель Дюшан, в истории искусства уже названный классиком инсталляции, ввел термин «реди-мейд» как «бытовой объект, изготовленный фабричным способом и получивший возможность стать произведением

искусства» [3].

В этом смысле М. Дюшан декларирует совершенно новую формулу искусства: отныне искусство – это не бледная копия реальности, а то, что взято непосредственно из реальности. Размышлять о реди-мейдах он начал в 1913 г., когда в одной из своих заметок сделал запись «произведения искусства, которые не были бы искусством». Дюшан четко указывает свои цели: он создает предмет искусства другой категории, «произведение искусства, которое не является искусством». Строго говоря, это была не столько идея, сколько революция в концепции и определении произведения искусства. Это стало отправной точкой, открывшей для художников новые возможности для манипулирования реальностью, включать в арт-объект что-то, что раньше не было медиумом искусства [3].

Хотя в момент своего рождения концепция реди-мейда казалась странной и даже абсурдной, в действительности она была диалектичной и ясной. Дюшан показывал, что предмет искусства осмысливается как идея, без физического вмешательства художника, которое в то время было возможно только в фотографии и кинематографе, которые не расценивались как высокие искусства. Неслыханно было применить эти критерии к традиционным искусствам, однако Дюшан запустил этот процесс. То, что мы имеем сейчас в современном искусстве XXI в., технологическое и

цифровое искусство, вопросы оригинала и копии, служившие в прошлом парадигмой для оценки искусства, стали свободнее и доступнее.

Если Марсель Дюшан открыл для художников фабричные и найденные объекты, как предмет искусства, то второе важное понятие для инсталляции предвосхитил работающий в это же время на другом конце земного шара советский художник-супрематист, творивший в абстракционистском ключе, Эль Лисицкий.

Свои проун-комнаты 1920-х гг. он выставлял и на Большой Берлинской выставке, и, в первую очередь, это были комнаты или пространства, представляющие собой цельный единый арт-объект. Для понимания определения проун-комнат, нужно дать определение «проуна» – неологизм, введенный художником для определения его абстрактных полотен, акроним «Проектов утверждения нового».

И его «Комнаты проунов» представляли собой такие пространства, в которых зритель мог передвигаться для того, чтобы исследовать эти проекты. В своем эссе «Пространство проунов» Э. Лисицкий утверждал, что «пространство не только для глаза, это не картина; в нем следует жить». Для художника пространство – это не то, «что можно увидеть через замочную скважину или открытую дверь», оно такое же живое, как люди в нем, и не должно иметь форму «раскрашенного саркофага». Э. Лисицкий активно

выступал за отречение от старого, запыленного предназначения выставочных пространств, от «рухляди» выставочных залов, и активно предлагал революционные идеи их организации. Именно эти передовые, свежие идеи о «выходе за раму» и породили знаменитые *«Комнаты проунов»* (1923) и *«Кабинет абстракций»* (1927), и концепт которых описывал художник в своем эссе. «Эта выставка не должна быть жилой комнатой. Выставку обходят по кругу. Поэтому пространство следует организовать так, чтобы побуждать к его обходу» [4].

Именно *сюрреалистическая выставка в Париже 1938 г.* рассматривается как предшественница искусства инсталляции, первая обратившаяся к теории бессознательного, открытой в первой половине XX в. В оформлении экспозиции немаловажную роль сыграли Сальвадор Дали, Ман Рей и Бенжамин Пере, а Марсель Дюшан осуществлял общее руководство в роли генерального архитектора.

Художники-сюрреалисты постарались воздействовать на все органы чувств посетителей: установили в центре машину для обжарки кофе и все помещение наполнилось приятным ароматом, по галерее разносилась тревожная аудиозапись истерических голосов пациентов психиатрической больницы, которая, по словам Ман Рей, «отбивала у посетителей всякое желание смеяться и шутить» [5]. По проекту, открытие выставки должно было

происходить в темноте и картины были погружены в темноту, поэтому гостей снабдили фонариками, чтобы они перемещались по выставке.

В дальнейшем искусство инсталляции развивалось в этом направлении. В середине XX в. оно шло преимущественно в Центральной Европе и США и концентрировалось в Париже, Берлине, Нью-Йорке.

В 50-е гг. на американском побережье господствовало два разнонаправленных художественных течения, напрямую влиявших на искусство инсталляции – поп-арт и минимализм. В американском искусстве 50-60-х гг. мы почти не найдем инсталляций, похожих на выставку сюрреалистов 1938 г., в основном, по причине господства минимализма как на Западном, так и на Восточном побережье. Минимализм возник как ответ на усталость от культа потребления, который пропагандировал поп-арт и рекламу; художники и скульпторы минималисты стремились очистить пространство от всего лишнего, сосредоточив внимание зрителя на самом себе.

Наступившая эпоха потребления «продуктов» художественного рынка вызвала активное сопротивление. Часть искусства, в особенности инсталляция, стремилась стать настолько сложной, абстрактной и концептуальной, чтобы зрители-«потребители» просто не могли понять нового искусства. Сценой для этого опыта служили тщательно

организованные помещения без каких-либо материальных объектов – как в работах Роберта Ирвина, Джеймса Таррелла, Майкла Ашера, Брюса Наумана и др. К. Бишоп дает такой комментарий их творчеству: «В таких произведениях, как «Акустическая стена» Брюса Наумана (1971) или инсталляции Майкла Ашера («Без названия», 1969), Роберта Ирвина («Дробный свет – Потолок, частично затянутый тканью – проволочка на уровне глаз», 1970), прослеживается одна тенденция: инсталляция трактуется как некое холодное, белое, однообразное пространство» [5].

Инсталляции Роберта Ирвина (род. 1928 г.) служат образцовым примером дематериализации и абсолютного минимализма.

Акцент на реальных материалах в 1960-1970-х гг. трансформируется в интерес к прямой интеграции зрителя в конце 70-х и начале 80-х гг. Это отсылает нас к термину *тотальной инсталляции*, введенному советским художником Ильей Кабаковым, для которого его произведения строились вокруг смыслового центра – зрителя, погружая его в иммерсивную среду инсталляций. По мнению российской исследовательницы А. М. Орловой «тотальная инсталляция представляет собой монументальную форму художественной инсталляции» [3].

Илья Кабаков (род. 1933 г.) – значимая фигура в искусстве инсталляции не только в истории русского искусства, но и мировая величина. Именно он дал

невероятный толчок развитию в сторону все большей монументальности, иммерсивности, концептуального замысла инсталляции. Блестящим примером служит работа «*Человек, улетевиший в космос из своей комнаты*» (1985). В своем произведении художник выстраивает некую сюрреалистичную сцену, сюжет которой предлагается разгадать зрителю. Кабаков одним из первых развивает в своем творчестве идею полноценного погружения зрителя в инсталляцию, и на примере других художников мы можем это наблюдать.

В 1990-х гг. инклюзивное участие технологий в искусстве инсталляции было так высоко, что в этом десятилетии зародилось и оформилось так называемое «цифровое искусство». Искусство цифровых технологий имело огромное влияние на инсталляцию, и как самая всеядная форма искусства, она принимала все, что цифровизация могла дать ей.

Опыт всего XX века позволил сформировать ей основные принципы, благодаря которым инсталляция оформилась в отдельную, самостоятельную форму, а технологии рубежа XXI века дополнили и усложнили существующие наработки. Так, например, идея «работы-среды», основополагающая в феномене инсталляции, получает новое раскрытие в последнее десятилетие XX века: цифровое искусство, а также появившиеся очки дополненной реальности смешивали понятия настоящего и искусственного, стремясь на этот

раз погрузить зрителя не только в сам арт-объект, а также в его новое «измерение» – цифровую реальность. Разные художники взаимодействовали с этим концептом по-разному: кто-то поддавался «очарованию» цифрового мира, создавая виртуальные миры, кто-то, наоборот, резко критиковал «неестественность» в своих инсталляциях.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам о феномене инсталляции и с точки зрения теоретической части: инсталляция является формой концептуального искусства, и, в первую очередь, становится искусством монументальным, стремясь занять все существующие ниши сенсорного восприятия зрителя. Это авангардная сложносоставная форма, имеющая много общего со скульптурой, но в отличие от нее она не декорирует пространство, а манипулирует им. Инсталляция – это работа-среда, погружающая зрителя в себя.

Так или иначе, новая эпоха виртуального искусства оказала особое влияние на мир инсталляции. Прежде всего, появление компьютеров и операционных систем позволило человечеству передавать огромные массивы информации на расстоянии, мгновенно ими делиться, систематизировать, хранить и т.д. Так, искусство XXI века стало искусством информации, прежде всего, а точнее –

искусством преобразования информации.

Это можно также назвать искусной манипуляцией информацией в художественных целях, что отсылает к теме манипуляции пространством в искусстве инсталляции. Так как инсталляция, как мы уже выяснили, является «всеядным» искусством, детищем концептуализма, она склонна использовать все имеющиеся ресурсы, в том числе неограниченный ресурс информационного общества. Элемент интерактивности, осторожно прощупываемый художниками в начале прошлого века, раскрывается полнее уже в эпоху всеобщей виртуальной вовлеченности. Как пишет в своем исследовании медиа-искусства М. Раш «Новые медиа в искусстве»: интерактивность – новая форма визуального опыта.

С точки зрения практической значимости мы приходим к выводу, что инсталляция становится одной из актуальных форм, отвечающей потребностям и особенностям современного состояния искусства, поскольку одна из первых прощупала такую востребованную линию развития. Используя наработки предыдущего века, такие как монументальность, концептуализм и вовлеченность зрителя, она сформировалась в передовой вид искусства, где зритель воспринимается как активный участник, а в ряде случаев и соавтор произведения, а не пассивный созерцатель.

Список источников

1. Севостьянова Ю. Ю. Инсталляция: новая реальность // Студенческий научный форум 2012 : IV Междунар. студ. науч. конф. URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012002495> (дата обращения: 23.03.2024).
2. Монастырский А. «Лингомания» И. Макаревича // Макаревич И. *Lingomania* : каталог персональной выставки. М. : XL Галерея, 1996. С. 6.
3. Орлова А. М. Тотальная инсталляция как усовершенствованный *trompe-l'oeil* // Известия Уральского федерального университета. Общественные науки. 2019. Т. 14, № 1 (185). С. 180-186.
4. Формальный метод. Антология русского модернизма. Т. 3 : Технологии / под ред. С. А. Ушакина. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2016. 906 с.
5. Бишоп К. Искусство инсталляции : пер. с англ. М. : Ад Маргинем Пресс, 2020. 192 с.

References

1. Sevostyanova Yu. Yu. *Installyaciya: novaya real'nost'* [Installation: a new reality] // *Studencheskij nauchnyj forum 2012 : IV Mezhdunar. stud. nauch. konf.* [Students' scientific forum 2012: IV Intern. stud. scient. conf.]. URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012002495> (23.03.2024).[In Russ.].
2. Monastyrsky A. «Lingomaniya» I. Makarevicha [«Lingomania» of I. Makarevich] // *Makarevich I. Lingomania : katalog personal'noj vy'stavki.* [Makarevich I. Lingomania: catalog of the personal exhibition]. M., 1996. P. 6. [In Russ.].
3. Orlova A. M. *Total'naya installyaciya kak usovershenstvovannyj trompe-l'oeil* [Total installation as improved trompe-l'oeil] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Obshhestvenny'e nauki* [Bulletin of the Ural federal university. Social Sciences]. 2019. V. 14, № 1 (185). Pp. 180-186. [In Russ.].
4. *Formal'nyj metod. Antologiya russkogo modernizma. T. 3 : Texnologii / pod red. S. A. Ushakina* [Formal method. Anthology of the Russian modernism. V. 3: Technologies / edited by S. A. Ushakin]. M., 2016. 906 p. [In Russ.].
5. Bishop K. *Iskusstvo installyacii* : per. s angl. [Art of installation : transl.from Engl.]. M., 2020. 192 p. [In Russ.].

Сведения об авторах

Токарева Ольга Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна, Казанский государственный институт культуры (Россия, г. Казань). SPIN-код: 7765-3217, AuthorID: 1203363, ORCID: 0000-0001-5286-6437, olgato@mail.ru

Цыбисов Алексей Евгеньевич, доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна, Казанский государственный институт культуры (Россия, г. Казань), maestrotsibisov@gmail.com

Шарафутдинова Азалия Мударисовна, художник - монументалист (Россия, г. Казань), azaliiya110500@yandex.ru

Information about the authors

Tokareva Olga Vladimirovna, Ph.D. in Political Sciences, associate professor of the department of fine art and design, Kazan state institute of culture (Russia, Kazan city). SPIN-код: 7765-3217, Author ID: 1203363, ORCID: 0000-0001-5286-6437, olgato@mail.ru

Tsybisov Aleksey Yevgenevich, associate professor of the department of fine art and design, Kazan state institute of culture (Russia, Kazan city), maestrotsibisov@gmail.com

Sharafutdinova Azaliya Mudarisovna, monumental artist (Russia, Kazan city), azaliiya110500@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2024;
одобрена после рецензирования: 14.06.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 26.05.2024;
approved after reviewing: 14.06.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Научная статья

УДК 727(510+470)

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-60-72

Бу Юйцзин

КИТАЙСКО-СОВЕТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ХАРБИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

В данном исследовании рассматривается уникальный пример китайско-советского сотрудничества в области архитектуры – главный учебный корпус Харбинского политехнического университета, построенный в 1950-х годах. Изложены предпосылки строительства и концепция дизайна, а также краткое описание жизнедеятельности архитектора Петра Сергеевича Свиридова (1889–1971), построившего данное здание. Сопоставляются архитектурные детали и художественные особенности зданий Московского и Харбинского университетов. В художественных характеристиках подчеркивается торжественность, простота, функциональность. Автором анализируется яркий пример сталинского классицистического стиля в Китайской Народной Республике, подчеркивается его важная роль в развитии строительства университетских зданий и вклад в городскую культуру. Актуальность и новизна предпринятого исследовательского подхода в сравнении архитектуры зданий ведущих университетов Москвы и Харбина, а также в сформулированных в заключении статьи предложениях по сохранению наследия сталинского классицизма, направленных на обеспечение эффективной защиты исторических зданий. Через всестороннее изложение и анализ демонстрируется уникальная ценность и значение главного учебного корпуса Харбинского политехнического университета как символа китайско-советского сотрудничества.

Ключевые слова: 1950-е годы, Харбинский политехнический университет, Московский государственный университет, сталинская архитектура, культурное сотрудничество.

Для цитирования: Бу Юйцзин. Китайско-советское сотрудничество в области архитектуры (на примере Харбинского политехнического университета) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 60-72.

Bu Yujing

CHINESE-SOVIET COOPERATION IN THE FIELD OF ARCHITECTURE (ON THE EXAMPLE OF HARBIN POLYTECHNIC UNIVERSITY)

The study considers a unique example of the Chinese-Soviet cooperation in the field of architecture – the main academic building of Harbin polytechnic institute built in the 1950s. The prerequisites for the construction and design conception as well as the description of the brief fate of the architect Pyotr Sergeevich Sviridov (1889-1971), who built that building, are given. The architectural details and artistic features of the buildings of Moscow and Harbin universities are compared. The artistic characteristics emphasize solemnity, simplicity, and functionality. The author analyzes a striking example of the Stalinist classicist style in the People's Republic of China, emphasizes its important role in the development of the university buildings' construction and contribution to urban culture. The relevance and novelty of the undertaken research approach are in comparing the architecture of the buildings of the leading universities of Moscow and Harbin, as well as in the suggestions in the conclusion which are connected with preservation of the Stalinist classicism heritage in Harbin aimed at ensuring effective protection of the historical buildings. Through the comprehensive presentation and analysis the unique value and significance of the main academic building of Harbin polytechnic university as a symbol of the Chinese-Soviet cooperation are demonstrated.

Keywords: 1950s, Harbin polytechnic university, Moscow state university, Stalinist architecture, cultural cooperation.

Введение

В настоящее время в Китае наблюдается значительный интерес к архитектуре «сталинской» эпохи, что обусловлено, с одной стороны, уникальностью данного явления в художественной культуре. С другой стороны, в современном строительстве, к сожалению, присутствуют попытки её упрощенного копирования. Одновременно идет процесс реставрации и реконструкции «сталинских» зданий с различной степенью воссоздания их первоначального

облика. Поэтому актуальным представляется изучение лучших образцов архитектуры в стилистике сталинского ампира для понимания их значения, так как в современных реалиях развития российско-китайского сотрудничества совершенно очевидно, что «интеграция обогащает методы художественного выражения и эстетические стили, способствуя культурному обмену и социальному прогрессу» [4, с. 81].

Многие российские исследователи, обращаясь к советскому

наследию в китайской культуре, изучают, прежде всего, культурологические аспекты сотрудничества Китая и России [3]. Однако и искусствоведческий подход весьма важен для изучения данного периода истории и искусства двух стран. О монументальном советском классицизме в российской литературе писали многие авторы. Так, Иван Сергеевич Козыренко (2020) в своей работе «Современные стили и образы в архитектуре Харбина» исследовал современные архитектурные стили Харбина, включая несколько зданий в стиле сталинского классицизма [1], что позволило рассмотреть развитие и значение культурных функций Харбина и подчеркнуло важность создания выразительных архитектурных образов, отражающих историю, культуру и инновации Китая. В своих последующих работах автор продолжил разработку близкой проблематики [2]. Китайские исследователи также проявляют к наследию сталинского классицизма в Китае весьма активный интерес. Многие из них (например, Сунь Цян, Ли Мин и др.) отмечают, что формирование крупных градостроительных ансамблей в социалистических городах Китая привело к тому, что архитектура сталинского ампира с использованием элементов классицизма в социалистическом Китае стала национальным стилем [6; 9]. Актуальность и новизна предпринятого нами исследовательского подхода не только в сравнении архитектуры зданий ведущих университетов

Москвы и Харбина, но и в сформированных в заключении статьи предложениях по сохранению памятника сталинского классицизма в Харбине.

Период китайско-советской дружбы с начала 1950-х до начала 1960-х годов был золотым временем тесного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом в политической, экономической и культурной сферах. В этот период КНР и СССР широко взаимодействовали в области архитектуры, совместно создавая монументальные здания. В качестве яркого и уникального примера рассмотрим университетские здания, ведь многие китайские университеты были основаны именно в данный период после 1949 года. Здание Харбинского политехнического университета является примером советско-китайского сотрудничества, и задачей нашего исследования будет следующее: показать наиболее значимые стороны сооружения, проследить основные аспекты советского влияния, сформулировать на его примере предложения по сохранению наследия сталинского классицизма.

Далее наше исследование будет строиться на сравнительном методе анализа двух зданий университетов Москвы и Харбина. Планировка кампусов в Харбине в основном подражала модели планировки Московского университета. Этот планировочный метод, основанный на сталинском стиле, подчеркивает симметрию осей пространства. Кампус формирует

основную ось от главного входа до главного учебного корпуса, остальные здания располагаются вокруг этой оси и главного учебного корпуса. Главный учебный корпус находится в центре оси, является крупнейшим и самым высоким зданием, становясь, таким образом, знаковым сооружением университетского кампуса.

Главный учебный корпус Харбинского политехнического университета является одним из выдающихся примеров этого периода. Харбинский политехнический университет (Harbin Institute of Technology, HIT) был основан в 1920 году [5]. Китайско-Восточная железная дорога учредила Харбинскую русско-китайскую школу промышленности (предшественник Харбинского политехнического университета) для подготовки инженерных и технических

специалистов, став колыбелью подготовки технических кадров в Китае в новое время. После основания Нового Китая Харбинский политехнический университет стал одним из двух университетов страны, изучающих и внедряющих в жизнь модель высшего образования Советского Союза.

Главный учебный корпус был построен в 1965 году и расположен по адресу: Фухуа Эрдао-стрит, 1, Харбин. Это здание охраняется как памятник архитектуры второй категории в городе Харбин. Важно отметить, что проект главного учебного корпуса Харбинского политехнического университета был разработан русским архитектором, заведующим кафедрой гражданского строительства данного университета, профессором Петром Сергеевичем Свиридовым (1889–1971) (рис. 1).

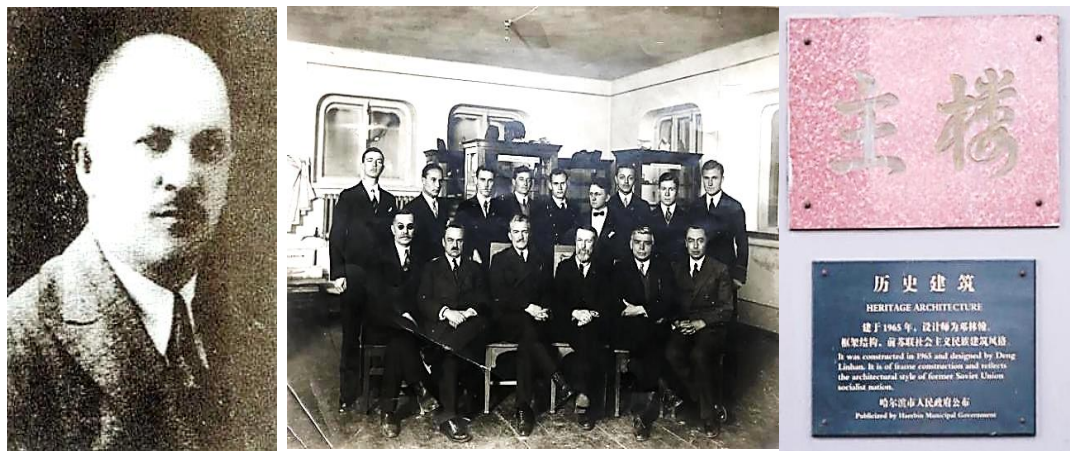

Рисунок 1. Питер Ши Свиридов (1889 -1971). Групповая фотография первых преподавателей русского языка в HIT, мемориальные доски в Харбинском политехническом университете. <https://sohu.com/>.

П. С. Свиридов родился в городе Красноуфимске Пермской губернии. В 1915 году он окончил Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге. После Гражданской войны (1918–1922) оказался в китайской эмиграции. С 1920 года работал заместителем архитектора Китайско-Восточной железной дороги и преподавал в Китайско-Русском промышленном институте в Харбине, занимаясь архитектурным проектированием и строительным надзором, а также проектированием расширения института. В 1929 году по проекту Свиридова был построен Новый корпус Харбинского политехнического института, а также большой корпус общежития, сохранившиеся до настоящего времени. Свиридов также завершил такие известные в Харбине архитектурные проекты, как мост Цзихун и гостиница Интернациональ. После освобождения Северо-Восточного Китая в 1945 году Свиридов занял должность заведующего кафедрой

гражданского строительства Харбинского политехнического университета. В 1950 году он был назначен архитектором крупных промышленных проектов Министерства промышленности Китая и спроектировал важные сооружения. В конце 1950-х годов он эмигрировал в Австралию, где скончался в 1971 году.

Общая площадь главного здания Харбинского политехнического университета составляет около 17 800 квадратных метров, его высота достигает 96 метров. Центральная часть здания имеет 12 этажей (не включая подвал) и увенчана башенной конструкцией. Симметричные боковые крылья представляют собой 6- и 4-этажные постройки. Здание выполнено из кирпично-бетонной конструкции и имеет форму, близкую к букве «Е», окружая три стороны улиц Сидачжие, Гунсыцзе и Хайчэнцзе [5, с. 27]. Ранее оно использовалось как главное здание ХПУ (рис. 2).

主樓大直街立面圖(草案)

主樓總平面位置圖(草案)

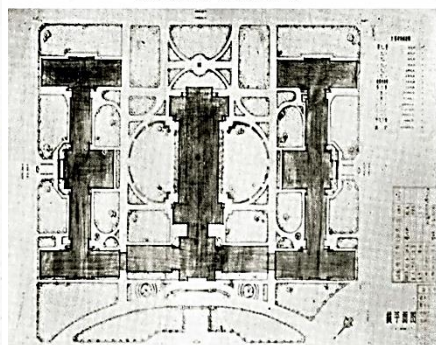

Рисунок 2. Эскиз и план главного здания на улице Да Чжи.

<https://sohu.com/>

Дизайн главного учебного корпуса характеризует сочетание строгости, простоты, функциональности

и эстетики. Архитектурный стиль здания реализован в сталинском стиле, который отражает строгость

и величие архитектуры, одновременно интегрируя симметричную красоту и декоративные элементы китайской традиционной архитектуры. Архитектор уделил особое внимание рациональности функционального зонирования и пространственной планировке здания, обеспечивая его соответствие как образовательным нуждам, так и хорошему визуальному эффекту и общей культурной атмосфере социалистического строительства.

Декоративные детали главного учебного здания Харбинского политехнического университета

наполнены символизмом и культурными смыслами. На главном входе в здание расположен высокий портик с колоннами, капители которых украшены узорами, символизирующими знание и силу, что подчеркивает возвышенность и святость образования. Наружные стены здания облицованы светлым камнем, который не только долговечен и эстетичен, но и гармонирует с окружением кампуса. На вершине главного здания находится величественная башня с часами, окруженная изящными резными узорами, символизирующими время и мудрость (рис. 3).

Рисунок 3. Колонны и детали декора крыши. <https://sohu.com/>

Наиболее яркой деталью, отражающей сталинский стиль, представляется шпиль со звездой на самой высокой точке здания. Звезда на шпиле обычно рассматривается как символ советской эпохи, представляя собой пятиконечную звезду, поддерживаемую шестерней, которая символизирует промышленность и технику. Аналогичная звезда на шпиле Московского государственного университета является знаковым элементом многих важных зданий советского периода, олицетворяя выдающиеся

достижения в науке, образовании и культуре, а также подчеркивая высокое положение власти в сталинский период. Такой же символ присутствует на здании Китайского военного музея, где пятиконечная звезда, окружённая оливковыми ветвями, является частью военного герба Народно-освободительной армии. Весь дизайн герба выглядит торжественно и внушительно. Пятиконечная звезда на гербе не только представляет Коммунистическую партию и Народно-освободительную армию, но и

символизирует свет и надежду (рис. 4).

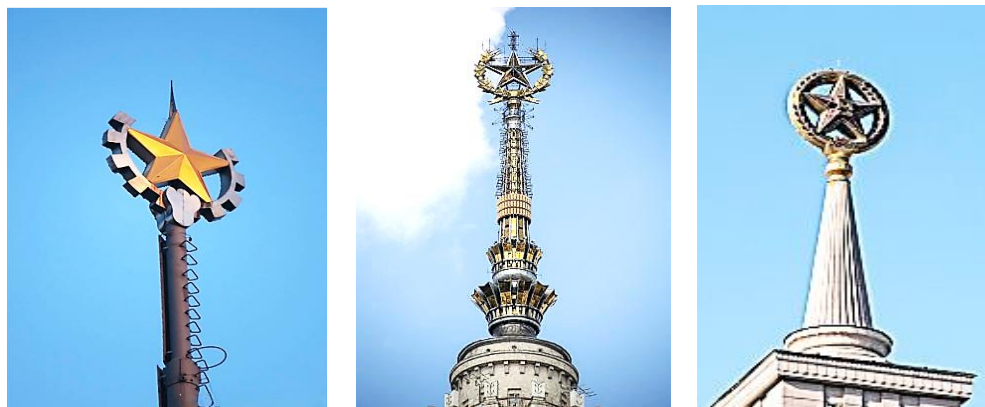

Рисунок 4. Харбинский политехнический университет, Московский университет, Китайский военный музей. Моделирование шпиля.

<https://ru.wikipedia.org/>

Внутреннее пространство главного учебного здания спроектировано с акцентом на функциональность и комфорт. Первый этаж представляет собой просторный холл, потолок которого украшен изящными люстрами и фресками. Фрески изображают атрибуты знаний и науки, такие как книги, инструменты и математические формулы, что символизирует строгость академических исследований и передачу научного духа. Аудитории и лаборатории на каждом этаже расположены рационально, имеют хорошее естественное освещение и вентиляцию. Широкие и светлые коридоры украшены портретами выдающихся личностей и экспонатами научных достижений, создавая насыщенную академическую атмосферу. В аудиториях установлено современное учебное оборудование, обеспечивающее эффективное проведение занятий.

Для внутренней отделки используются в основном синий и белый цвета, которые имеют важное символическое значение в китайской традиционной культуре и связаны с небесами, чистотой и бессмертием. Внутреннее пространство здания одновременно внушительное и наполненное спокойствием, что полностью отражает величие и ясность академического духа.

Главное учебное здание Харбинского политехнического университета, являясь символом китайско-советской дружбы и сотрудничества, свидетельствует о тесных отношениях между двумя странами в 1950-х годах. Строительство здания объединило профессионализм архитекторов двух стран и продемонстрировало результаты их совместных усилий. Образ здания на современном гербе университета служит убедительным доказательством его

значимости (рис. 6). В здании расположены различные типы аудиторий и лабораторий, удовлетворяющие потребности разных дисциплин. Аудитории оснащены передовым учебным оборудованием и мультимедийными системами, что повышает эффективность

преподавания и улучшает учебный опыт студентов. Лаборатории укомплектованы всем необходимым оборудованием, предоставляя студентам и преподавателям благоприятные условия для научных исследований и способствуя их углубленному проведению (рис. 5).

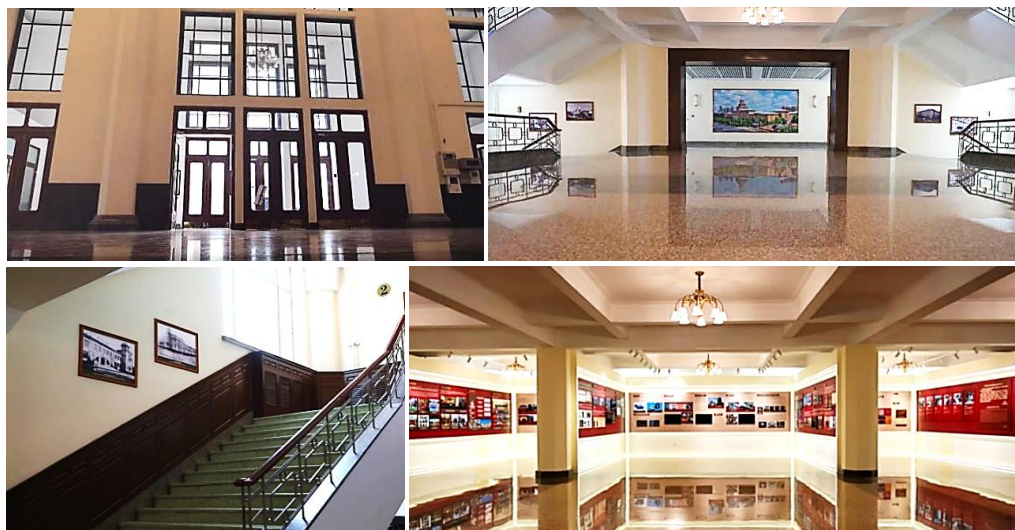

Рисунок 5. Внутренняя среда университетского здания.

<https://baidu.com/>

В архитектурном стиле главное учебное здание в Харбине имеет тесную связь с главным зданием Московского государственного университета, близкий аналог в Китае – Китайский народный революционный военный музей. Главное здание МГУ, спроектированное архитектором Львом Рудневым и построенное в 1949-1953 годах, является одним из ярких образцов сталинской архитектуры.

Его архитектурный стиль подчеркивает величие, симметрию и торжественность [8]. Дизайн и архитектурный стиль главного учебного здания Харбинского политехнического университета явно вдохновлены главным зданием МГУ, особенно в аспектах симметричной планировки, использования колоннад и декоративных узоров [5]. (рис. 6)

Рисунок 6. Логотип и фасад здания Харбинского технологического института. Харбин. <https://baidu.com/>

При этом масштабы главного здания МГУ значительно больше, его площадь составляет 42,5 гектара, высота – 183,2 метра (со шпилем – 235 метров) [6], и оно включает в себя различные функции, такие как учебные, научные, административные помещения, что отражает высокую значимость высшего образования в Советском Союзе того времени. Здание является

самым высоким из семи построенных сталинских высоток. Сегодня в нем разместились геологический, механико-математический, географический факультеты, а также ректорат, научная библиотека, Музей землеведения и Дворец культуры. Отсюда мы видим, что функциональное наполнение московского аналога более разноплановое и масштабное (рис. 7).

Рисунок 7. Главное здание МГУ. Москва. <https://baidu.com/>

Главное учебное здание Харбинского политехнического университета, площадью 1,78 гектара,

в основном сосредоточено на учебных и научных функциях, его масштаб относительно меньше, и оно

более ориентировано на проведение академической деятельности. Кроме того, в декоративных деталях главного учебного здания присутствуют больше китайских традиционных элементов, что отражает культурное слияние национальной и неоклассической традиции [2, с. 14].

Сохранение архитектурного наследия

Главное учебное здание Харбинского политехнического университета является не только символом китайско-советского сотрудничества, но и одним из лучших образцов современной архитектуры Китая для профессионального образования.

Со временем некоторые структуры и оборудование здания подвергаются износу и повреждениям. Поэтому в современной ситуации необходимо эффективно защищать и поддерживать данный архитектурный памятник, обладающий исторической и культурной ценностью [7]. В рамках сохранения и использования наследия зданий сталинского стиля в Китае, на наш взгляд, можно применять следующие четыре инновационных и научных метода:

1. Цифровая охрана и демонстрация. Использование трёхмерного сканирования и виртуальной реальности (VR) для высокоточной цифровой записи зданий сталинского стиля и создания цифровых архивов. Разработка интерактивных выставок и онлайн-платформ, позволяющих публике виртуально знакомиться с историей и

культурной ценностью этих зданий.

2. Функциональное повторное использование. С учётом современных функциональных потребностей адаптивное повторное использование зданий сталинского стиля, например, преобразование заводов в парки творческих индустрий, школ – в центры культурного обмена и т.д. При сохранении оригинальных архитектурных особенностей необходимо внедрение современных дизайнерских элементов для достижения гармоничного сочетания старого и нового.

3. Участие сообщества и образование. Поощрение участия местных жителей в охране зданий сталинского стиля через волонтёрские мероприятия, семинары и другие формы активности, повышающие осведомлённость общества о необходимости охраны. Проведение образовательных программ по архитектурному наследию в школах и сообществах для передачи исторических знаний и воспитания уважения и ответственности у молодого поколения к культурному наследию.

4. Поддержка политики и междисциплинарное сотрудничество. Разработка специальных политик и регламентов для обеспечения правовой защиты и экономической поддержки охраны и использования наследия зданий сталинского стиля. Содействие междисциплинарному сотрудничеству в областях архитектуры, истории, социологии и других дисциплин для формирования комплексных

стратегий охраны, обеспечивающих научность и устойчивость работ по охране.

Благодаря подобным мероприятиям главное учебное здание Харбинского политехнического университета может не только

продолжать выполнять свои образовательные функции, но и стать важным объектом культурного наследия, демонстрируя будущим поколениям историю китайско-советского сотрудничества и величье архитектурного искусства.

Список источников

1. Козыренко Н. Е. Современные стили и образы в архитектуре Харбина // Урбанистика. 2020. № 1. С. 82-91.

2. Козыренко Н. Е. Архитектура сталинского ампира в Китае // Урбанистика. 2020. № 4. С. 1-17.

3. Михалев А. В. Русские места памяти в современном Харбине: имперские смыслы и советские символы // ORIENTAL STUDIES. 2023. Т. 16, № 1. С. 211-234.

4. Шань Личжуан. Археологическое наследие Китая в творчестве современных китайских скульпторов // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2024. № 3 (20). С. 73-83.

5. Дэн Линхан. Введение в дизайн учебного здания Харбинского политехнического университета // Журнал Харбинского института строительного инжиниринга. 1959. № 4-5. С. 21-29. (на китайском языке: 邓林翰. 哈尔滨工业大学主教学楼设计导论 哈尔滨建筑工程学院学报. 1959. № 4-5. С. 21-29).

6. Го Хуахуа. Влияние ввода архитектурной теории социалистического реализма СССР 1950-х годов на китайскую архитектуру // Периодическая архитектура. 2007. № 8. С. 66-71. (на китайском языке: 吉国华. 20世纪50年代苏联社会主义现实主义建筑理论的输入对中国建筑的影响 时代建筑. 2007. № 8. С. 66-71).

7. Фан Чжичэн. Предварительное исследование формы и искусства советской архитектуры в университетах Уханя (1949–1976 гг.) // Архитектура Центрального Китая. 2023. № 8. С. 6-9. (на китайском языке: 方志诚. 武汉高校苏式建筑形式与艺术研究初探 (1949–1976) 华中建筑. 2023. № 8. С. 6-9).

8. Лю Ян. Анализ деталей архитектуры главного здания Московского государственного университета // Строительство и отделка. Харбин. 2018. С. 211-231. (на китайском языке: 刘阳. 莫斯科国立大学主楼建筑细节分析 建筑装饰. 哈尔滨. 2018. С. 211-231).

9. Ли Вэйвэй. Применение социалистического реализма в архитектуре Китая // Архитектурный журнал. 2015. № 12. С. 233-246. (на китайском языке: 李伟伟. 社会主义现实主义在中国建筑中的应用 建筑学报. 2015. № 12. С. 233-246).

References

1. Kozyrenko N. E. Sovremennyy'e stili i obrazy' v arxitekture Xarbina [Modern styles and images in the architecture of Harbin] // Urbanistika [Urban studies]. 2020. № 1. Pp. 82-91. [In Russ.].

2. Kozyrenko N. E. Arxitektura stalinskogo ampira v Kitae [Stalin's empire architecture in China] // Urbanistika [Urban studies]. 2020. № 4. Pp. 1-17. [In Russ.].

3. Mikhalev A. V. Russkie mesta pamyati v sovremennom Xarbine: imperskie smy'sly' i sovetskie simvol'y' [The Russian places of memory in modern Harbin: imperial meanings and Soviet symbols] // ORIENTAL STUDIES. 2023. Vol. 16, № 1. Pp. 211-234. [In Russ.].

4. Shan Lizhuang. Arxeologicheskoe nasledie Kitaya v tvorchestve sovremenny'x kitajskix skul'ptorov [Archaeological heritage of China in the works of modern Chinese sculptors] // Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Fine art of the Urals, Siberia and the Far East]. 2024. № 3 (20). Pp. 73-83. [In Russ.].

5. Deng Linghang. Vvedenie v dizajn uchebnogo zdaniya Xarbinskogo politexnicheskogo universiteta [Introduction to the design of the academic building of Harbin polytechnic university] // Zhurnal Xarbinskogo instituta stroitel'nogo inzhiniringa [Journal of Harbin institute of civil engineering]. 1959. № 4-5. Pp. 21-29. (In Chinese: 邓林翰. 哈尔滨工业大学主教学楼设计导论 哈尔滨建筑工程学院学报. 1959. № 4-5. Pp. 21-29).

6. Guo Huahua. Vliyanie vvoda arxitekturnoj teorii socialisticheskogo realizma SSSR 1950-x godov na kitajskuyu arxitekturu [Influence of introducing the architectural theory of socialist realism of the USSR in the 1950s on the Chinese architecture] // Periodicheskaya arxitektura [Periodical architecture]. 2007. № 8. Pp. 66-71. (In Chinese: 吉国华. 20世纪50年代苏联社会主义现实主义建筑理论的输入对中国建筑的影响 时代建筑. 2007. № 8. Pp. 66-71).

7. Fang Zhicheng. Predvaritel'noe issledovanie formy' i iskusstva sovetsoj arxitektury' v universitax Uxanya (1949–1976 gg.) [A preliminary study of the form and art of the Soviet architecture in the universities of Wuhan (1949–1976)] // Arxitektura Central'nogo Kitaya [Architecture of Central China]. 2023. № 8. Pp 6-9. (In Chinese: 方志诚. 武汉高校苏式建筑形式与艺术研究初探 (1949–1976) 华中建筑. 2023. № 8. Pp. 6-9).

8. Liu Yang. Predvaritel'noe issledovanie formy' i iskusstva sovetskoj arxitektury' v universitetax Uxanya (1949–1976 gg.) [Preliminary study of the forms and art of the Soviet architecture in the universities of Wuhan] // Stroitel'stvo i otdelka. Xarbin [Construction and decoration. Harbin]. 2018. Pp. 211-231. (In Chinese: 刘阳. 莫斯科国立大学主楼建筑细节分析 建筑装饰. 哈尔滨. 2018. Pp. 211-231).

9. Li Weiwei. Primenenie socialisticheskogo realizma v arxitekture Kitaya [Application of socialist realism in the Chinese architecture] // Arxitekturny'j zhurnal [Architectural journal]. 2015. № 12. Pp. 233-246. (In Chinese: 李伟伟. 社会主义现实主义在中国建筑中的应用 建筑学报. 2015. № 12. Pp. 233-246).

Сведения об авторе

Бу Юйцзин, аспирант, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского (Россия, г. Красноярск). Цицикарский педагогический колледж (Китайская Народная Республика, г. Цицикар). buyujing1985@mail.ru

Information about the author

Bu Yujing, post-graduate student, Siberian state institute of arts of Dmitry Khvorostovsky (Russia, Krasnoyarsk city). Qiqihar pedagogical college (the Chinese People's Republic, Qiqihar city). buyujing1985@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2024;
одобрена после рецензирования: 05.12.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 28.11.2024;
approved after reviewing: 05.12.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Научная статья

УДК 792.04:004.9

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-73-83

*Токарева Ольга Владимировна,
Сенников Леонид Олегович,
Соловьева Дарья Алексеевна*

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИЙ НА ТЕАТР: ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВ И ПРОБЛЕМАТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ОФОРМЛЕНИИ СПЕКТАКЛЕЙ

В статье анализируются различные варианты цифрового оформления спектаклей в современных российских и зарубежных театрах. Авторы исследуют эту тему с точки зрения структуралистского подхода в искусстве, используя структурный анализ как основной метод.

В ходе исследования изучается проблематика цифрового оформления, рассматриваются его положительные и отрицательные аспекты, а также вопросы необходимости постоянного обновления и развития в театре. Анализ позволил выявить преимущества и проблемы использования инновационных подходов к цифровому оформлению спектаклей.

Ключевые слова: цифровизация, сценография, оформление спектакля, современный театр, театральные декорации, инновации.

Для цитирования: Токарева О. В., Сенников Л. О., Соловьева Д. А. Влияние инноваций на театр: выявление преимуществ и проблематики цифровизации в оформлении спектаклей // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 73-83.

*Tokareva Olga Vladimirovna,
Sennikov Leonid Olegovich,
Solovyeva Darya Alekseevna*

INFLUENCE OF INNOVATIONS ON THE THEATER: IDENTIFYING ADVANTAGES AND CHALLENGES OF DIGITALIZATION IN DESIGNING PERFORMANCES

The article analyzes different variations in the digital design of performances in modern Russian and foreign theaters. The authors conduct research in the context of the structuralist approach to art using structural analysis as the main method.

The challenging character of the digital design is studied, its positive and negative aspects and also the issues of the necessity for constant renewal and development in the theater are considered. The analysis has allowed to reveal the advantages and challenges of using innovative approaches to digital performance design.

Keywords: digitalization, scenography, performance design, modern theater, theatrical settings, innovations.

Введение.

Актуальность. «Цифровой театр» – словосочетание, которое на сегодняшний день вызывает у многих ощущение оксюморона – противоречивых друг другу понятий. Тем не менее, в современном мире без цифровых технологий не обходится почти ни один театр, используют они достаточно часто. Например, при помощи инноваций в современном театре проектируются декорации и выстраиваются 3D-модели того, что после переносится на сцену, театр будто каждый раз осваивается со временем при помощи возможностей, которые дает кинематограф и телевидение, но стоит отметить, что театр всегда оставался театром.

Изучив исследование А.А. Ушкарёва о цифровизации театра, мы выделили следующие статистические данные: «Зрители, создатели и поставщики театрального контента считают, что цифровой театр не является заменой живому театру; они считают, что это значительный и особый опыт. Зрители в целом удовлетворены своим цифровым опытом. Подавляющее большинство (90% участников кинопросмотров и 70% зрителей онлайн-трансляций) говорят, что их впечатления соответствуют

ожиданиям. Они рекомендовали бы этот опыт другим (83% и 74% соответственно). Однако большинство респондентов не согласилось с утверждением: «Спектакль в цифровом формате более увлекателен, чем живое присутствие». На самом деле 54% зрителей событийного кинотеатра и 36% тех, кто смотрел потоковое вещание дома, заявили, что они предпочитают посещать театр вживую» [9, с. 71]. Если рассуждать о театре будущего, то какие бы не появлялись новые формы и виды искусства, центром театра всегда остается живой артист и оформление спектакля, которое является окружающей средой для артиста и невербальной коммуникацией между артистом и зрителем [7, с. 81-82].

Разработанность темы. В исследовательской работе мы опирались на труды А.Т. Веллингтон, А.В. Луначарского, В.Е. Жидкович, З.А. Ахметовой, М.А. Бобровской, а также А.А. Козыровой, Л.А. Огаревой и О.В. Токаревой [3; 4; 8; 5; 6; 1; 2; 7].

Объект. Цифровизация оформления спектаклей.

Предмет. Влияние инноваций на театр.

Методологией выступает структурализм. Как отмечают в

своей работе А.А. Козырова, Л.А. Огарева и О.В. Токарева: «С точки зрения структурализма, театральный спектакль – это структура. С точки зрения конструктивизма, театральный спектакль – это модель, где мир воображаемого представления, которое присутствует в мыслительных формах постановщиков, воссоздается на сцене и, наконец, транслируется в зрительный зал на уровне подсознательного восприятия» [7, с. 75].

Методология структурализма в оформлении спектакля предполагает исследование взаимосвязей визуального образа спектакля. Следовательно, с позиции структурализма мы рассматриваем спектакль как структуру, в которой цифровое оформление спектакля выступает в качестве элемента, формирующего эту структуру.

Методами проведения исследования являются структурный анализ, контент анализ СМИ, а также общенаучные методы: обобщение, индукция, дедукция.

Методиками исследования являются смешанные методики, сравнительная и структурированная.

Новизна. Впервые проблематика цифровизации в оформлении спектакля рассматривается с точки зрения структурализма в искусстве. Выявлена типология технических типов инноваций, влияющих на современное оформление спектакля.

Цель исследования: проведение анализа понятия цифровизации в современном контексте искусства театральной сферы.

Задачи:

1. Исследовать и проанализировать тему общего обзора современной театральной сферы, выявить значение инноваций в развитии театра.

2. Составить таблицу типов инноваций и привести примеры.

3. Проанализировать инновационные решения в театре: гибридные формы представлений, объединяющие традиционные и современные подходы.

4. Выявить основные проблемы театральной индустрии – финансовые разграничения и их влияние на внедрение инноваций.

Для решения задач нами было рассмотрено понятие «технические инновации для оформления сцены».

Причиной появления развития оформления в театре стали не только инновации, но и сам зритель. Сейчас традиционное прочтение Шекспира будет для зрителя довольно простым, он будет ждать на сцене ухода от историзма в современное режиссерское прочтение. Первое, что замечает зритель, это изменения в оформлении спектакля [8]. Здесь стоит отметить, что одним из ярких примеров современных инноваций, введенных в театр, был Роберт Уилсон – американский театральный режиссер, сценограф и драматург.

Инновациями в его подходе к работе стали: использование света и тени на сцене. Он создает сложную световую композицию, которая не только помогает управлять вниманием зрителей, но и

становится центром сценического пространства.

Также Уилсон часто использует минималистичные декорации, абстрактные формы и непривычные взгляды, чтобы создать уникальное и впечатляющее оформление спектакля.

Он известен своими экспериментами со временем и движениями на сцене. Он часто использует замедленные движения и плавные переходы, чтобы создать особую атмосферу и усилить эмоциональный эффект в произведениях.

Уилсон начинает экспериментировать на сцене с интерактивными технологиями, такими как

видеопроекции и виртуальная реальность¹. Он создает мультисенсорные сценографии, которые погружают зрителей в удивительные визуальные и звуковые миры².

По сути, работы Роберта Уилсона отражают фундаментальные эстетические и философские аспекты, инновационные исследования форм и пространств, а также умелое использование современных технологий и материалов в сценографии.

На примере введения театрами цифровизации, мы смогли выстроить таблицу технических типов инноваций, влияющих на оформление спектакля.

Таблица 1 – Технические типы инноваций, влияющих на современное оформление спектакля

Типы инноваций	Объяснение
Виртуальные инновации (Приложения для гаджетов или ПК)	Благодаря онлайн-просмотру через приложения зритель может увидеть спектакль с пояснением к сюжету в любом месте и в любое время.
Виртуальная реальность (использование VR-очков)	VR-очки помогают зрителю окунуться в максимально реалистично-виртуальный мир.
Трехмерное моделирование (3D)	Создание на пустой сцене трехмерного виртуального пространства. Это может быть как средневековый замок, так и улицы современного мегаполиса.
Новые технологии: проекции, интерактивные видеоинсталляции, световые шоу	Проекции и видеоинсталляции позволяют создавать инсталляции любой сложности, проецируя изображения на различные поверхности. Световые шоу-эффекты, позволяют зрителю увидеть разноцветные световые лучи, красочные лазерные лучи и т.д.

¹ «Эйнштейн на пляже, 2014», сценография Роберта Уилсона [Видеозапись]. Режим доступа: URL: https://vk.com/video-52526415_456240849 (дата обращения: 26.04.2024).

² «Сонеты Шекспира», сценография Роберта Уилсона [Видеозапись]. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=us0xElrsqmg> (дата обращения: 23.04.2024).

К первому пункту таблицы относятся виртуальные инновации. Ярким примером может послужить Новгородский театр для детей и молодежи «Малый», который не первый год проводит международные театральные фестивали «Царь-сказка»¹. Благодаря онлайн-просмотру на сайте зритель может увидеть спектакль с пояснением к сюжету в любом

месте и в любое время.

К следующему пункту таблицы относится виртуальная реальность. И как пример – Государственный Театр Наций, который выпустил спектакль с использованием виртуальных очков «Я убил царя»². Мультимедийная постановка стала лауреатом «Золотой маски».

Рисунок 1. Театр Наций, г. Москва, спектакль в очках виртуальной реальности «Я убил царя». Художник-постановщик Александр Мохов.

Спектакль посвящен трагическому событию – расстрелу семьи Николая II в 1918 г. Как известно, вся семья Николая II увлекалась фотографией, и у каждого из них был фотоаппарат. Поэтому сохранились тысячи изображений, которые с помощью специальной

оптической схемы удалось превратить в видео. VR-очки помогают зрителю окунуться в максимально реалистично-виртуальный мир.

Третий пункт таблицы – трехмерное моделирование (3D). Создание на пустой сцене

¹ «International Theatre Kingfestival 2019» [Видеозапись]. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r-y4SyaSi4o> (дата обращения: 22.04.2024).

² «В Театре Наций представили необычный мультимедийный проект» [Видеозапись]. Режим доступа: URL: <https://youtu.be/ePEP9I3xufw> (дата обращения: 22.04.2024).

трехмерного виртуального пространства. Это может быть как средневековый замок¹, так и улицы современного мегаполиса. М.А. Бобровская, Д.В. Галкин и В.С. Самеева в своей статье отмечают: «Например, для создания нового уровня эскиза и макета

театральной постановки или презентации нового проекта спектакля, современные художники осуществляют макетирование в трехмерной проекции планшета сцены, используя программу 3D Stydio Max» [2, с.100].

Рисунок 2. Фарфоровая кукла, созданная в 3D программе, используемая в спектакле.

Трехмерное моделирование декораций также может быть полезно при создании спецэффектов, анимации. Такие модели могут быть легко адаптированы для использования в различных форматах и масштабах, от небольших театральных постановок до крупных проектов, например, спектакли под открытым небом [2, 5, 6].

К преимуществам трехмерного проектирования декораций на

театральной сцене можно отнести возможность создавать более реалистичные и качественные декорации, ускорение процесса проектирования, а также снижение затрат на создание. Такие модели могут использоваться для визуализации концепции спектакля, планирования сценических моментов и облегчения взаимодействия актеров с декорациями. Использование трехмерных декораций на сцене

¹ «Интерьер замка 3D-проекции декорации для спектакля» [Видеозапись]. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PHZ-IS2Ub4s> (дата обращения: 27.04.2024).

открывает новые возможности для творчества и помогает реализовать самые смелые идеи режиссеров и художников-постановщиков. 3D-технологии позволяют создавать зрелищные спектакли с киноэффектом [1; 3; 4].

К четвертому пункту таблицы относится использование новых технологий, применяемых в сценических эффектах: проекции, интерактивные видеоинсталляции, световые шоу.

Рисунок 3. Мариинский театр, г. Санкт-Петербург, спектакль «Тангейзер». Художник-постановщик Петр Окунев¹.

Использование специальной аппаратуры для создания уникальных сценических образов и иллюзий. Интеграция компьютерной графики и анимации для создания зрелищных визуальных моментов.

Заключение

Таким образом, выявляется проблематика данного исследования – признание зрителем использования цифровизации в новых формах театра. Театральные инновации тесно связаны с привлечением молодой аудитории, которая ждет на сцене «развитие» и

«изменение». Режиссеры современных театров стараются применить инновационные подходы для передачи новых эмоций зрителю. Так, путем экспериментов при помощи новых форм и форматов художники постановщики находят свой подход к оформлению спектаклей.

Для минимального расхода финансов, современные театры начали отказываться от материальных декораций. У театра уходит от трехсот тысяч до двадцати миллионов рублей и более на расходы для оформления сцены:

¹ «Тангейзер» [Видеозапись]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=HkJJ7jygc8> (дата обращения: 25.04.2024)

URL:

хранение декораций, транспортировку, ремонт, чистку, ну и, конечно же, на создание. Введение цифровизации в театр очень компактно, мобильно. Преимуществом является влияние на физическое облегчение работы живописцев в декорационном и бутафорских сценах театра – художникам вместо росписи масштабного театрального полотна – «задника», нужно отрисовать эскиз на бумаге, перенести его в программу и отредактировать.

К минусам можно отнести нарушение атмосферы в театре, театр может потерять уют, который создается за счет реальных декораций. Могут произойти технические сбои, которые могут повлиять на снижение качества изображения или его отсутствие. Цифровые эффекты могут

отвлечь зрителя от смысловой нагрузки спектакля.

К преимуществам отнесем использование новых материалов. Оформление спектакля при помощи цифровых технологий помогает зрителю ощутить современный подход, закладываемый художником-постановщиком.

Теоретическое значение статьи заключается в результатах структурного анализа и выявлении типологии технических типов инноваций, влияющих на современное оформление спектакля.

Практическое значение статьи состоит в эмпирической практике использования смешанной методики исследования, которая включает в себя сравнительный метод и структурированный.

Список источников

1. Ахмедова З. А. Новые технологии в развитии театрального искусства // International scientific review. 2020. № LXXIV. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tehnologii-v-razvitii-teatralnogo-iskusstva> (дата обращения: 16.03.2024).

2. Бобровская М. А., Галкин Д. В., Самеева В. С. Новые информационные технологии в современной сценографии // Гуманитарная информатика. 2013. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-informatsionnye-tehnologii-v-sovremennoy-stsenografii/viewer> (дата обращения: 11.04.2024).

3. Веллингтон А. Т. Интеграция мультимедийных технологий в пространство театра // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-multimediynyh-tehnologiy-v-prostranstvo-teatra> (дата обращения: 16.03.2024).

4. Веллингтон А. Т. Синтез искусств как признак современности и применение передовых медиатехнологий в театральной «визуальной эпохе» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-iskusstv-kak-priznak-sovremennosti>

i-primenenie-peredovyh-mediatehnologiy-v-teatralnoy-vizualnoy-epohe/viewer (дата обращения: 05.04.2024).

5. Жидович В. Е. Квинтэссенция аудиовизуального: к вопросу о роли медиатехнологий в современном театральном искусстве // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2019. № 14. С. 218-228. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/313302> (дата обращения: 04.04.2024).

6. Жидович В. Е. Компьютерные и медиа технологии в сценографии как фактор развития пространственного процесса // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-i-media-tehnologii-v-stsenografii-kak-faktor-razvitiya-postanovochного-protssesa/viewer> (дата обращения: 05.04.2024).

7. Козырова А. А., Огарева Л. А., Токарева О. В. Структурализм моделей образа драматического спектакля в театральной мастерской // Вестник КазГУКИ. 2024. № 2. С. 75-83.

8. Луначарский А. В. Современный театр и революционная драматургия. СПб. : Лань, 2017. ISBN 978-5-507-43392-6. URL: <https://e.lanbook.com/book/95962> (дата обращения: 03.04.2024).

9. Ушкарёв А. А. Цифровизация театра. Осмысление феномена // Художественная культура. 2023. № 2. С. 58-91. URL: <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-2-58-91> (дата обращения: 16.04.2024).

References

1. Akhmedova Z.A. Novy'e texnologii v razvitii teatral'nogo iskusstva [New technologies in the development of theatrical art] // International scientific review. 2020. № LXXIV. 2020 [International scientific review. 2020. №. LXXIV]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tehnologii-v-razvitii-teatralnogo-iskusstva> (16.03.2024).[In Russ.].

2. Bobrovskaya M. A., Galkin D. V., Sameeva V. S. Novy'e informacionny'e texnologii v sovremennoj scenografii [New information technology in modern scenography] // Gumanitarnaya informatika [Humanitarian computer science]. 2013. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-informatsionnye-tehnologii-v-sovremennoj-stsenografii/viewer> (11.04.2024). [In Russ.].

3. Wellington A. T. Integraciya mul'timedijny'x texnologij v prostranstvo teatra [Integration of multimedia technologies into the theater space] // Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki [Humanitarian, socio-economic and social sciences]. 2015. № 6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-multimedijnyh-tehnologiy-v-prostranstvo-teatra> (16.03.2024).[In Russ.].

4. Wellington A. T. Sintez iskusstv kak priznak sovremennosti i primeneniye peredovy'x mediatekhnologij v teatral'noj «vizua'noj e'poxe» [Synthesis of arts as a sign of modernity and use of advanced media technologies in the

theatrical «visual era»] // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya my'sl' [Historical and socio-educational idea]. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-iskusstv-kak-priznak-sovremennosti-i-primeneniye-peredovyh-mEDIATEKNOLOGIY-V-TEATRALNOY-VIZUALNOY-EPOHE/viewer> (05.04.2024). [In Russ.].

5. Zhidovich V. E. Kvinte'ssenciya audiovizual'nogo: k voprosu o roli mediatekhnologij v sovremennom teatral'nom iskusstve [Quintessence of audio-visual: to the role of media technologies in modern theatrical art] // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chuvash state institute of culture and arts]. 2019. № 14. Pp. 218-228. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/313302> (04.04.2024). [In Russ.].

6. Zhidovich V. E. Komp'yuterny'e i media tekhnologii v scenografii kak faktor razvitiya prostranstvennogo processa [Computer and media technologies in scenography as a factor in the development of the spatial process] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) [Society. Environment. Development (Terra Humana)]. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-i-media-tehnologii-v-stsenografii-kak-faktor-razvitiya-postanovochnogo-protsessa/viewer> (05.04.2024). [In Russ.].

7. Kozyrova A. A., Ogareva L. A., Tokareva O. V. Strukturalizm modelej obraza dramaticheskogo spektaklya v teatral'noj masterskoj [Structuralism of models of the dramatic performance image in the theater workshop] // Vestnik KazGUKI [Bulletin of KazGUCI]. 2024. № 2. Pp. 75-83. [In Russ.].

8. Lunacharsky A.V. Sovremenny'j teatr i revolyucionnaya dramaturgiya [Modern theater and revolutionary dramaturgy]. St.-P., 2017. ISBN 978-5-507-43392-6. URL: <https://e.lanbook.com/book/95962> (03.04.2024). [In Russ.].

9. Ushkarev A. A. Cifrovizaciya teatra. Osmy'slenie fenomena [Digitalization of theater. Conceptualization of the phenomenon] // Xudozhestvennaya kul'tura [Artistic culture]. 2023. № 2. Pp. 58-91. URL: <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-2-58-91> (16.04.2024). [In Russ.].

Сведения об авторах

Токарева Ольга Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна, Казанский государственный институт культуры (Россия, г. Казань). SPIN-код: 7765-3217, AuthorID: 1203363, ORCID: 0000-0001-5286-6437, olgato@mail.ru.

Сенников Леонид Олегович, преподаватель кафедры изобразительного искусства и дизайна, Казанский государственный институт культуры (Россия, г. Казань).

Соловьева Дарья Алексеевна, студент специалитета, Казанский государственный институт культуры (Россия, г. Казань) solovieva-dari57@mail.ru.

Information about the authors

Tokareva Olga Vladimirovna, Ph.D. in Political Sciences, associate professor of the department of fine arts and design, Kazan state institute of culture (Russia, Kazan city). SPIN-код: 7765-3217, AuthorID: 1203363, ORCID: 0000-0001-5286-6437, olgato@mail.ru.

Sennikov Leonid Olegovich, teacher of the department of fine arts and design, Kazan state institute of culture (Russia, Kazan city).

Solovyeva Daria Alekseevna, specialty student, Kazan state institute of culture (Russia, Kazan city), solovievadari57@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2024;
одобрена после рецензирования: 14.10.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 26.05.2024;
approved after reviewing: 14.10.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 069.02:39(571.17)

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-84-91

Иванов Егор Витальевич

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»)

ГАУК Кузбасский Музей-заповедник «Томская Писаница» выполняет важную функцию в конструировании и трансляции региональной культурной идентичности Сибири. Исследование, основанное на анализе музейных практик и взаимодействии с локальным сообществом, свидетельствует о том, что музей выступает в качестве ключевого агента социализации, способствуя формированию у населения чувства принадлежности к своей культурной общности. Через механизмы музеефикации и культурной анимации музей сохраняет и популяризирует историко-культурное наследие региона, укрепляя межнациональные связи и способствуя развитию культурного туризма.

Ключевые слова: музей, этнографические комплексы, культурная идентичность, Сибирь, культурно-образовательная деятельность, культурный туризм.

Для цитирования: Иванов Е. В. Музей под открытым небом как фактор формирования культурной идентичности (на примере работы музея-заповедника «Томская Писаница») // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 84-91.

Ivanov Yegor Vitalyevich

OPEN-AIR MUSEUM AS A FACTOR IN FORMING CULTURAL IDENTITY (ON THE EXAMPLE OF THE MUSEUM-RESERVE «TOMSKAYA PISANITSA»)

The state autonomous cultural institution of Kuzbass Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa» performs an important function in constructing and transmitting the regional cultural identity of Siberia. The study based on the analysis

of the museum practices and interaction with the local community testifies that the museum acts as a key agent of socialization, contributing to the formation of a sense of belonging to their cultural community among the population. Through the mechanisms of museumification and cultural animation the museum preserves and popularizes the historical and cultural heritage of the region, strengthening interethnic ties and promoting the development of cultural tourism.

Keywords: museum, ethnographic complexes, cultural identity, Siberia, cultural and educational activities, cultural tourism.

Музеи под открытым небом выступают не только хранилищами материальной культуры, но и играют ключевую роль в формировании и сохранении культурной идентичности. Изучение этих пространств позволяет глубже понять, что такое культурная идентичность и как она формируется. Культурная идентичность – это динамичный и многогранный феномен, включающий в себя совокупность ценностей, убеждений, норм поведения, а также самосознание индивида как представителя определенной культурной группы и региона его нахождения [1, с. 62-68]. Она формируется под влиянием различных факторов, включая историю, язык, религию, традиции, социальные институты и, конечно же, культурное наследие, представленное в музеях. Музеи функционируют как социальные институты, осуществляющие трансляцию культурных кодов и ценностей. Они содействуют формированию коллективной и индивидуальной идентичности, выступая платформой для диалога между различными социальными группами [2, с. 90].

Музеи под открытым небом

предлагают уникальную возможность непосредственного взаимодействия с материальными свидетельствами прошлого в подлинной или смоделированной среде их бытования, что способствует более глубокому погружению в историко-культурный контекст. Экспозиции музеев под открытым небом, воссоздающие традиционные жилища, ремесла и образ жизни, позволяют посетителям ощутить себя частью исторического процесса и осознать свою принадлежность к определенной культурной общности. Более того, данные музеи часто становятся центрами культурной жизни, где проводятся различные мероприятия, направленные на сохранение и популяризацию культурного наследия. Таким образом, они не только формируют культурную идентичность, но и укрепляют ее, способствуя межпоколенной передаче ценностей и традиций.

Однако культурная идентичность не является статичной категорией. Она постоянно эволюционирует под влиянием глобализационных процессов, миграции и других социальных изменений [3, с. 3-5]. Музеи под открытым

небом, отражая динамику культурных процессов, играют важную роль в адаптации культурной идентичности к новым условиям. Они помогают сохранить традиционные ценности, одновременно позволяя им развиваться и обогащаться новыми смыслами. По словам А.З. Крейна, «музей – это не статичная структура, а динамичный организм, который постоянно обогащается новыми знаниями и идеями» [4, с. 7]. Исследование роли музеев под открытым небом в формировании культурной идентичности позволяет не только глубже понять этот сложный феномен, но и разработать эффективные стратегии сохранения культурного наследия и укрепления культурной идентичности в современном мире.

Формирование культурной идентичности неразрывно связано с непосредственным взаимодействием с культурным наследием. Погружение в аутентичную среду, воссозданную в музеях под открытым небом, позволяет индивиду не только пассивно воспринимать информацию, но и активно участвовать в процессе познания. Такой подход способствует более глубокому пониманию исторических и культурных контекстов, укрепляя чувство принадлежности к определенной культурной группе. Особую роль в этом процессе играет возможность тактильного восприятия экспонатов, воссоздание жизненного уклада прошлых эпох, а также участие в интерактивных программах. Такой тип

взаимодействия с культурным наследием способствует более глубокой эмоциональной вовлеченности и формированию долгосрочной памяти. Музеи под открытым небом выступают не только как хранители исторического наследия, но и как образовательные площадки, способствующие развитию у посетителей критического мышления, межкультурной компетентности и толерантности.

Подтверждением вышесказанного является деятельность Кузбасского музея-заповедника «Томская Писаница». Благодаря многолетней работе и комплексному подходу, музей стал ведущим центром сохранения и популяризации уникального культурного наследия региона. Успешные археологические исследования, реставрационные работы и образовательные проекты позволяют музею эффективно выполнять свою миссию. Опыт «Томской Писаницы» подтверждает, что музеи под открытым небом играют ключевую роль в формировании культурной идентичности и воспитании бережного отношения к историческому наследию.

На территории музея представлены этнографические комплексы, воссоздающие быт и культуру коренных народов Кузбасса, в частности, шорцев, русских и татар. В рамках экспозиций «Шорский улус Кезек» [5], «Сибирский острог» и «Татарское подворье» посетители могут ознакомиться с традиционными жилищами, предметами быта,

образцами народного искусства и другими аутентичными материалами. Регулярно проводимые культурно-образовательные мероприятия, включая праздники и интерактивные программы, а также активное взаимодействие с представителями коренных народов и диаспор способствуют укреплению культурной идентичности как у местного населения, так и у посетителей музея. Организация праздников, посвященных традициям коренных народов, проведение мастер-классов по традиционным ремеслам, а также проведение научных конференций способствуют не только популяризации знаний о культурном наследии региона, но и создают условия для межкультурного диалога [6]. Участие в таких мероприятиях позволяет посетителям не только расширить свои знания о различных культурах, но и сформировать чувство принадлежности к более широкому культурному сообществу.

Несмотря на значительный вклад музеев под открытым небом в сохранение и популяризацию культурного наследия, существует ряд аспектов функционирования данных учреждений, требующих дальнейшего исследования и совершенствования. При этом речь идет о внутренних факторах, не связанных с внешними ограничениями, такими как географическое расположение или недостаточное финансирование.

Одной из проблем, характерных для музеев под открытым небом, является частичная

репрезентация культурного наследия. Часто возникает ситуация, когда объем имеющихся материалов значительно превышает возможности их экспонирования, что приводит к необходимости отбора и, соответственно, к утрате части информации, потенциально интересной для посетителей. Перспективным направлением решения данной проблемы в музеях под открытым небом является внедрение современных информационных технологий. Использование чат-ботов, способных предоставлять посетителям дополнительную информацию, включая архивные и иллюстративные материалы, позволяет значительно расширить объем передаваемой информации и повысить уровень интерактивности музейного пространства [7]. Внедрение чат-ботов в музейную практику позволяет не только преодолеть ограничения физического пространства экспозиции, но и создать персонализированный образовательный опыт для каждого посетителя. Чат-боты могут предоставлять информацию о различных аспектах культурного наследия, включая историю, археологию, этнографию, а также предлагать интерактивные задания и игры, способствующие более глубокому погружению в тему.

Второй значимой проблемой, характерной для многих этнографических экспозиций, является недостаточная историческая контекстуализация. Часто представления о традиционном образе жизни

коренных народов оказываются упрощенными и не отражают динамику межкультурных взаимодействий, что может привести к искаженному восприятию исторической реальности. Недостаточная историческая контекстуализация может привести к формированию у посетителей стереотипных представлений о коренных народах и их культуре. Перспективным решением данной проблемы в этнографических экспозициях является применение сравнительного метода. Идентификация этнической группы представляет собой сложный процесс, включающий в себя как самоидентификацию, так и дифференциацию от других групп [8]. Внедрение в экспозиционное пространство элементов, позволяющих сравнить развитие исследуемой культуры с другими культурами в сходный исторический период, способствует более глубокому пониманию ее особенностей, причин и следствий исторических изменений. В условиях современной глобализации и растущего интереса к культурному разнообразию такой подход приобретает особую актуальность. Сравнительный анализ позволяет выявить как общие закономерности развития различных культур, так и уникальные особенности каждой из них. При этом важно учитывать, что культуры не являются статичными образованиями, а находятся в постоянном взаимодействии и развитии. Использование сравнительного метода в экспозиционном пространстве

способствует формированию у посетителей более сложного и многогранного представления о культурном разнообразии и исторических процессах.

Музеи под открытым небом представляют собой уникальные платформы для формирования и сохранения культурной идентичности. Погружая посетителей в аутентичную среду и предоставляя возможность непосредственного взаимодействия с материальными свидетельствами прошлого, они способствуют глубокому пониманию историко-культурного контекста, так как воссоздание традиционного образа жизни позволяет посетителям ощутить свою принадлежность к определенной культурной общности. Кроме того, они позволяют укрепить межпоколенные связи, а передача ценностей и традиций от старшего поколения к младшему способствует сохранению культурного наследия.

Также деятельность музеев под открытым небом помогает адаптации культурной идентичности к современным реалиям. Музеи сохраняют традиционные ценности, одновременно позволяя им развиваться и обогащаться новыми смыслами. Стоит отметить и роль музеев под открытым небом в развитии критического мышления и толерантности. Интерактивные форматы работы и возможность сравнительного анализа различных культур способствуют формированию у посетителей более глубокого понимания исторических и культурных

контекстов.

Однако для эффективного выполнения этих функций музеям необходимо решать ряд проблем, таких как частичная репрезентация культурного наследия и недостаточная историческая контекстуализация. Для преодоления этих проблем стоит активно внедрять современные информационные технологии и использовать

сравнительный метод в экспозиционной работе.

Таким образом, музеи под открытым небом являются не просто хранилищами материальной культуры, но и динамичными образовательными площадками, играющими ключевую роль в сохранении культурного наследия и формировании культурной идентичности.

Список источников

1. Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 62-68.
2. Богатырев Е. А. Музей как фактор формирования духовно-культурной идентичности населения современного российского мегаполиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 6. С. 86-90.
3. Этуев А. Б. Культурная идентичность в контексте глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 1-8.
4. Крейн А. З. Жизнь музея. М., 1979. 256 с.
5. Кимеева Т. И., Родионов С. Г. К вопросу о музеефикации историко-культурного наследия шорцев: на примере улуса «Кезек» в музее-заповеднике «Томская Писаница» // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 11-15.
6. Орлова Е. А. Музеефикация нематериального культурного наследия телеутского народа: опыт музея-заповедника «Томская Писаница» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2(18). С. 85-92.
7. Голынков Е. Н. Инновации в сфере культуры Оренбургской области // Экономика и социум. 2020. № 10(77). С. 436-439.
8. Галкина А. Е. Роль сопоставительного метода в формировании национально-культурной идентичности // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2010. № 3. С. 1-5.

References

1. Matuzkova E. P. Kul'turnaya identichnost': k opredeleniyu ponyatiya [Cultural identity : to the notion definition] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psixologiya [Bulletin of Baltic federal university of I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology]. 2014. № 2. Pp. 62-68. [In Russ.].
2. Bogatyrev E. A. Muzej kak faktor formirovaniya duxovno-kul'turnoj identichnosti naseleniya sovremennogo rossijskogo megapolisa [Museum as a factor of formation of spiritual cultural identity of the population of modern Russian megapolis] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury' i iskusstv [Bulletin of Moscow state university of culture]. 2009. № 6. Pp. 86-90. [In Russ.].
3. Etuev A. B. Kul'turnaya identichnost' v kontekste globalizacii [Cultural identity in the context of globalization] // Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya [Bulletin of Adygei state university. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Politology, Cultural Studies]. 2009. № 1. Pp. 1-8. [In Russ.].
4. Crain A. Z. Zhizn' muzeya [Museum life]. M., 1979. 256 p. [In Russ.].
5. Kimeeva T. I., Rodionov S. G. K voprosu o muzeifikacii istoriko-kul'turnogo naslediya shorcev: na primere ulusa «Kezek» v muzee-zapovednike «Tomskaya Pisanicza» [To the issue of museumification of the Shors' historical and cultural heritage: on the example of ulus «Kezek» in the Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa»] // Ucheny'e zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanicza» [The scientific notes of the Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa»]. 2015. № 2. Pp. 11-15. [In Russ.].
6. Orlova E. A. Muzeifikaciya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya teleutskogo naroda: opy't muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanicza» [Museumification of intangible cultural heritage of the Teleut people: experience of the Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa»] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of Tomsk state university. Cultural Studies and Art History]. 2015. № 2 (18). Pp. 85-92. [In Russ.].
7. Golyнков E. N. Innovacii v sfere kul'tury' Orenburgskoj oblasti [Innovations in the sphere of culture of the Orenburg region] // E'konomika i socium [Economics and society]. 2020. №10(77). Pp. 436-439. [In Russ.].
8. Galkina A. E. Rol' sopostavitel'nogo metoda v formirovanii nacional'no-kul'turnoj identichnosti [Role of the comparative method in the formation of the national cultural identity]// Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva [Bulletin of Krasnoyarsk state pedagogical university of V.P. Astafyev]. 2010. № 3. Pp. 1-5. [In Russ.].

Сведения об авторе

Иванов Егор Витальевич, аспирант, Кемеровский государственный институт культуры (Россия, г. Кемерово). ORCID 0009-0000-4257-0456. Reslvt@yandex.ru

Information about the author

Ivanov Yegor Vitalyevich, postgraduate student, Kemerovo state institute of culture (Russia, Kemerovo city). ORCID 0009-0000-4257-0456. Reslvt@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.10.2024;
одобрена после рецензирования: 26.11.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 08.10.2024;
approved after reviewing: 26.11.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Научная статья

УДК 069.5:549(571.54)

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-92-100

Иванова Лариса Александровна

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В ОТДЕЛЕ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЗЕМНОЙ КОРЫ СО РАН: Ю.В. КОМАРОВ – ОРГАНИЗАТОР ГЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Статья посвящена организатору Геологического музея Института земной коры, д.г.-м.н. профессору, заслуженному деятелю науки Республики Бурятия Ю.В. Комарову. В статье рассматривается трудовая и научная деятельность Юрия Васильевича; представлена экспозиция, посвященная 100-летию со дня его рождения; рассказана история создания, развития и перерастания музея в отдел истории института, сохраняющего и демонстрирующего собранную многоплановую геологическую информацию в виде наглядных стендов и тематических коллекций.

Ключевые слова: отдел истории Института земной коры, экспозиция, коллекции образцов, тематические выставки.

Для цитирования: Иванова Л. А. Научное наследие в отделе истории Института земной коры СО РАН: Ю.В. Комаров – организатор Геологического музея // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 92-100.

Ivanova Larisa Alexandrovna

SCIENTIFIC HERITAGE IN THE HISTORY DEPARTMENT OF THE EARTH'S CRUST INSTITUTE OF THE SB RAS: YU.V. KOMAROV – AN ORGANIZER OF THE GEOLOGICAL MUSEUM

The article is devoted to the organizer of the Geological Museum of the Earth's Crust Institute, Sc. Doctor in Geology and Mineralogy, professor, Honored Scientist of the Republic of Buryatia Yu.V. Komarov. The article considers the work and scientific activities of Yuri Vasilyevich; presents the exposition dedicated to the 100th anniversary of his birth; tells the story of creation, development and transformation of the museum into the history department of the institute, preserving and demonstrating the collected multifaceted geological information in the form of visual stands and thematic collections.

Keywords: History department of the Earth Crust Institute, exposition,

collections of samples, thematic exhibitions.

В январе 2024 года к 100-летию со дня рождения основателя Геологического музея Института земной коры СО РАН д.г.-м.н., профессора, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия Юрия Васильевича Комарова (1924-2004) в первом выставочном зале была открыта расширенная и обновленная экспозиция, посвященная его жизни и деятельности.

Ю.В. Комаров занимался изучением геологии, тектоники и металлогении Восточной Сибири и Монголии, где была выявлена черносланцевая толща пород, в составе которой открыта группа золотоносных проявлений, рекомендованная для поисковой разведки; обнаружены три аллювиальные золотоносные россыпи; произведена оценка потенциальной рудоносности на коренные месторождения олова. Установлены образования редкометалльного и флюоритового проявлений в некоторых Забайкальских гранитокупольных структурах, изучена металлогеническая специализация Хилтокойского гранитогнейсового купола на золото. Ю.В. Комаров – основной разработчик концепции о внутриконтинентальном гранито-сводовом орогенезе и связанной с ним металлогении. На основе этой концепции им была подготовлена и впервые в мировой практике издана Карта орогенной тектоники горных сооружений юго-

восточной Сибири и северной Монголии, а также Карта металлогении золота горных сооружений этих регионов [1]. Одним из интереснейших достижений явилось открытие кремугитов – пород пригодных для производства легкого вспученного наполнителя облегченных бетонов, имеющих практическое значение для строительной промышленности. Это был новый для Восточной Сибири строительный материал, получаемый по сухому способу из углеродсодержащих кремнисто-гидрослюдистых алевролитов и сланцев.

Заведующий лабораторией рудных формаций в области магматической геологии и металлогении Юрий Васильевич Комаров (фото 1), взяв на себя труд организатора музея при Институте земной коры, успешно справился с этой нелегкой задачей. Решение о создании Геологического музея и фондов в Институте геологии ВСФ АН СССР, который в 1962 г. был переименован в Институт земной коры СО АН СССР, было принято в 1953 г. на заседании Президиума АН СССР при утверждении структуры института [2]. Однако из-за отсутствия помещений ни музей, ни фонды созданы не были. Лишь в 1995 г. музей получил первое помещение, в котором по инициативе и при непосредственном участии д.г.-м.н., профессора Ю.В. Комарова был создан Геологический музей (фото 2).

Фото 1. Ю.В. Комаров

Фото 2. Фрагмент Геологического музея

В этот момент институт в связи с общим ухудшением финансирования Российской академии наук находился в очень тяжелом финансовом положении. Не было средств и для создания коллекции музея: для выезда в поле и ее сбора. «Если бы музей был организован на 5-10 лет раньше, когда полевые работы широко практиковались при научных исследованиях, несомненно, его коллекция была бы много богаче и разнообразнее», – отмечал в 2003 г. Юрий Васильевич. Уже в 1998 г., когда в музейном зале начались систематические занятия со студентами Иркутского государственного технического университета, выставочная коллекция насчитывала более 800 образцов минералов, руд, горных пород, подаренных музеем сотрудниками института. Экспозиция музея представляла собой небольшие тематические коллекции: щелочные комплексы Восточной Сибири, сибирские кимберлиты, цветные поделочные камни, породы и руды Слюдянского горно-рудного узла, базит-ультрабазитовые комплексы, а также

коллекцию минералов рудных месторождений Восточной Сибири и Монголии. На стендах было выставлено почти 700 значков, посвященных различным геологическим мероприятиям или событиям, а также Байкалу и Иркутску. Представлена небольшая коллекция почтовых марок по геологической тематике. Создан богатый фонд изданных карт геологического профиля, составленных сотрудниками института. На стенах музея вывешивались картины и другие экспонаты, подаренные ИЗК.

Выделенное помещение вскоре уже не давало возможности расширять выставочную коллекцию. Лишь в мае 2006 г. на основании служебной записки Ю.В. Комарова, ушедшего из жизни в 2004 г. и решения Ученого совета ИЗК СО РАН от 28 марта 2003 г. было выделено помещение для расширения музея. Тогда же обсуждался вопрос о создании в музее мемориального комплекса, так как к этому времени кабинеты двух бывших директоров – чл.-корр. АН СССР М.М. Одинцова и академика АН СССР Н.А.

Логачева – по 22 года возглавлявших институт, представляли собой мемориальные комнаты. Этот вопрос требовал детальной проработки. Около трех лет ушло на разработку концепции развития музея, выделения необходимых площадей, ремонта, дизайнерской разработки нового выставочного зала. В этом зале должны были разместиться не только мемориальные кабинеты двух директоров, а также витрины и стенды, посвященные выдающимся ученым, много лет проработавшим в институте и внесшим весомый вклад в развитие сибирской науки. Музейные экспозиции этого зала должны были отразить историю института и показать его современную структуру. Новый музейный зал был открыт 16 октября 2009 г. к 60-летию института. В связи с значительно расширившейся тематикой экспозиции, Геологический музей был переименован в музей Института земной коры. Если основная цель деятельности Геологического музея заключалась в создании наглядной коллекции, то перед музеем Института встал вопрос о сохранении исторического и естественно-научного наследия для будущего, потомков и открытия этого наследия для настоящего, современников. В 2023 г. по

решению Ученого совета ИЗК образован отдел истории Института земной коры СО РАН. В залах отдела выставлены обновленные коллекции горных пород и минералов, собранные сотрудниками института.

Очень дорога отделу памятная домашняя коллекция минералов, собранная основателем музея института д.г.-м.н. Ю.В. Комаровым, переданная в дар музею вдовой Юрия Васильевича – Любовью Всеволодовной (фото 3, 4). Коллекция представлена 89 экспонатами, среди которых прекрасная друза аметиста, кристаллы горного хрусталя, дымчатого кварца, мориона, аквамарина; агаты, халцедоны, сапфирины, сердолики, самородная сера, пейзажная яшма и яшмоиды; полированные образцы лазурита, офиокальцита и другие породы и минералы. Большой интерес вызывают каменные картины – работы Юрия Васильевича, выполненные им на мраморных пластинах разными минералами. Среди них «Байкальский полевой цветок», «Стрекоза», «Обезьянки», «Кораблик». Коллекция дополнена сувенирами и образцами, подаренными Юрию Васильевичу к памятным дням и юбилеям. Открытие выставки этой коллекции было приурочено ко Дню геолога 2010 года.

Фото 3. Фрагмент домашней коллекции Ю.В. Комарова

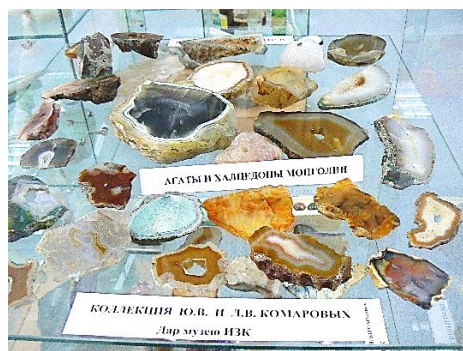

Фото 4. Агаты и халцедоны Монголии

В экспозиции, посвященной Ю.В. Комарову, оформлен фрагмент кабинета, где экспонируются рабочее место Юрия Васильевича в музее, его библиотека, созданные им картины из каменной крошки (фото 5). На стене – портрет Юрия Васильевича, подаренный музеем Любовь Всеволодовной Комаровой. Демонстрируются фотографии, полевые дневники и отчеты, экземпляры кандидатской и докторской диссертаций, монографии. Отдельная витрина посвящена отчетам по кремугитовому сырью Восточной Сибири и Монголии. Демонстрируются «Заявка на открытие Зоринского месторождения кремугитового сырья в Иркутской области», «Заявка на открытие Кайдаловского месторождения кремугитового сырья в Читинской области». В этой же витрине можно ознакомиться с обоснованием проекта на «использование кремугитов – легких заполнителей

бетона для Удоканского ГОКа». Более 10 лет лаборатория рудных формаций под руководством Юрия Васильевича занималась проблемой кремугитов, которая к большому сожалению, так и не была доведена до логического конца – процесса внедрения в производство (перестала существовать страна, в которой проводились эти изыскания). В одной из витрин экспонируются изданные карты масштаба 1:1500000 с объяснительными записками по металлогении золота и орогенной тектонике горных сооружений юго-восточной Сибири и северной Монголии. Демонстрируется коллекция рабочих образцов Юрия Васильевича, положившая начало музейным экспозициям (фото 6). Среди этих образцов золотоносные, оловоносные, вольфрамовые и молибденовые руды Забайкалья, Дальнего Востока, Монголии, железные руды Бурятии.

Фото 5. Фрагмент экспозиции

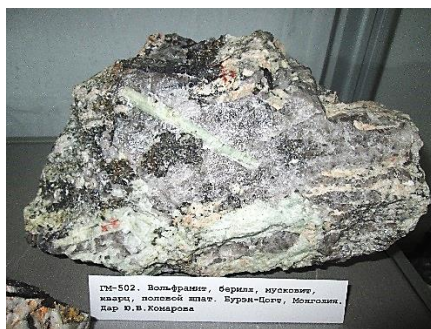

Фото 6. Рабочий образец

Обращают на себя внимание уникальные нетрадиционные экспонаты, собранные Ю.В. Комаровым. Например, экспонируется имитация макета обо, который в действительности представляет собой каменную пирамиду на горных перевалах или горных вершинах, сложенную из принесенных с подножья или со склонов горы камней. По монгольскому поверью, которое, возможно, ведет начало еще с древних анимистических обычаев поклонения духам природы, собственное многим народам Азии, каждый путник для того чтобы его путь был благополучен, должен был от подножия горы принести на перевал камень и положить его на обо, и чем ниже по склону взят камень, тем он ценнее. Так за сотни, а может и за тысячелетия вырастали каменные обо на перевалах. Каждый проходящий и проезжающий, в знак благодарности за восхождение на перевал, преподносил божеству еще и подарок, который чаще всего выражается в «монетке», то есть денежной мелочи [3]. Можно себе представить сколько за многие сотни лет накопилось на перевальных обо денежной мелочи, ибо местные жители, как и население всей Монголии,

свято чтут неприкосновенность обо, которое считается святым местом.

Несомненный интерес вызывает коллекция геологических значков, выставленных на отдельных стендах. В основном это подарки сотрудников института и отдельных лиц. Так, доктора геолого-минералогических наук С.В. Лысак и С.И. Шерман подарили музею 170 значков, среди которых их именные знаки участников XXVII сессии Международного Геологического конгресса 1984 г. На отдельном стенде выставлены 135 значков, подаренных музею доктором геолого-минералогических наук П. М. Хреновым, много значков от докторов геолого-минералогических наук Ю.Б. Тржицинского и Б.И. Писарского. Вся коллекция насчитывает почти 700 экземпляров.

Собранная коллекция начинается с памятных юбилейных медалей, посвященных 100-летию геологической службы Восточной Сибири, на одной из которых выбит барельеф основателя сибирской школы геологов В.А. Обручева (1863-1956). Представлены памятные медали, посвященные известному сибирскому геологу В.А.

Львову (1871-1941), 60-летию Иркутского политехнического института, Монгольскому политехническому университету, XIV Тихоокеанскому международному научному конгрессу, серия памятных медалей XXVII Международного Геологического конгресса, среди которых медаль диаметром в 14 см, посвященная всем Международным Геологическим конгрессам (1897, 1937, 1984), проходившим в Москве (подарена академиком Н.А. Логачевым). Другая медаль, изготовленная из мрамора в виде круглой медали диаметром 7 см с наклеенной латунной вставкой, посвящена Восточно-Сибирской экспедиции XXVII Международного Геологического конгресса.

Геологические значки иллюстрируют неудержимый полет фантазии, проявившийся в форме, содержании, расцветке и расцветке значков, выполненных из металла с глазурью и без, из пластмассы, но особым вниманием пользуются значки с каменными вставками, подчеркивающими их геологическое содержание. Больше всего вставок из нефрита (Рифт-75, II Всесоюзное совещание по металлогении активизированных областей, 50 лет геолого-разведочному факультету Иркутского политехнического института и другие), а значок VII Всесоюзного металлогенического совещания изготовлен с использованием нефрита, лазурита и чароита. Лазурит полностью использован при изготовлении значка Цветные камни – экспедиционный знак «Байкалкварцсамцветы», чароит – XX конгресс по

геохронологии, 50 лет геологическому факультету Иркутского государственного университета и другие. Хорошо выполнены яркие значки, изготовленные в Чите для Читинского геологического управления и его экспедиций, посвященные первым геологическим исследованиям Восточной Сибири, первой геологической карте. Обращают внимание оригинальные по замыслу и выполнению значки, такие как шахтерский знак из Польши, выполненный в виде подвесной шахтерской лампы; экспедиционный знак Анюйской геолого-разведочной партии (Чукотка) в виде промывочного лотка; эмблема графства Девон в Англии, откуда берет начало (где впервые была выделена) девонская система стратиграфической шкалы геологического времени.

К настоящему времени в отделе собрана информация о научном наследии выдающихся ученых – организаторов института, внесших весомый вклад в развитие сибирской науки [4]. Отдел является хранителем многоплановой геологической информации: систематизированных коллекций горных пород, руд и минералов [5]. Постоянно действующая экспозиция новых минералов, открытых сотрудниками института при содействии коллег, к настоящему времени насчитывает 30 минеральных видов. Экспозиция представлена дипломами, выданными КНМ ВМО (РМО) авторам – первооткрывателям новых минералов, утвержденных комиссией IMA по новым минералам, номенклатуре и

классификации (CNMNC), образцами, фотографиями шлифов и структур отдельных минеральных видов.

В отделе представлены и «невозобновимые» минеральные ресурсы горнодобывающей деятельности – образцы горных пород, руд и минералов из отработанных месторождений. Среди них образцы флогопитовых месторождений Слюдянки, розовых мраморов карьера «Буровщина», облицовочными плитками которого украшены станции метрополитена Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Харькова и некоторые уголки Иркутска; золотосодержащие руды Балейского золоторудного месторождения в Забайкалье, почти полностью отработанные к концу Великой Отечественной войны.

Подчеркивая тесную связь фундаментальных исследований и основанных на них прикладных разработках, экспонируются в

отделе результаты деятельности лабораторий в этом направлении. Среди таких разработок открытие И.В. Беловым и Н.Я. Волянюком в Западном Забайкалье месторождения вулканических стекол и туфов, пригодных для получения строительного материала – вспученного перлита. Производство бетона из перлита было принято Иркутским совнархозом для внедрения в народное хозяйство. За открытие месторождения и разработку возможностей использования вулканических стекол в качестве сырья для получения вспученного перлита И.В. Белову в 1960 г. присуждена малая золотая медаль ВДНХ.

В витринах отдела демонстрируются более сорока коллекций разного плана.

Автор выражает искреннюю благодарность Леви Татьяне Михайловне, хранителю архивных документов, за деятельное участие в создании экспозиции.

Список источников

1. Гладкочуб Д. П., Дорофеева Р. П. Институт земной коры. Страницы истории (1949-2019). Иркутск : Институт земной коры, 2019. 795 с.
2. Павлов С. Ф. Институт земной коры СО РАН 1949-1994. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во : АО "Норма плюс", 1994. 160 с.
3. Иванова Л. А., Леви Т. М. Образовательная и просветительская деятельность музея Института земной коры Сибирского отделения Российской академии наук // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск : ИИ СО РАН, 2011. С. 139-143.
4. Куклинова И. А. Понятие «наследие» в системе научных взглядов представителей новой музеологии // Вестник Томского университета Культурология и искусствоведение. 2014. № 1 (13). С. 71-75.
5. Сотникова С. И. Естественноисторическая музеология. Томск : ТГУ, 2011. 302 с.

References

1. Gladkochub D. P., Dorofeeva R. P. Institut zemnoj kory'. Stranicy istorii, 1949-2019 [Institute of the Earth's Crust. Pages of History, 1949-2019]. Irkutsk, 2019. 795 p. [In Russ.].
2. Pavlov S. F. Institut zemnoj kory' SO RAN 1949-1994 [Institute of the Earth's Crust of the SB RAS 1949-1994]. Irkutsk, 1994. 160 p. [In Russ.].
3. Ivanova L. A., Levi T. M. Obrazovatel'naya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' muzeya Instituta zemnoj kory' Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk [Educational activities of the museum of the Institute of the Earth's Crust of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences] // Sovremennyy'e tendencii v razvitii muzeev i muzeevedeniya [Modern trends in the development of museums and museology]. Novosibirsk, 2011. Pp. 139-143. [In Russ.].
4. Kuklinova I.A. Ponyatie «nasledie» v sisteme nauchny'x vzglyadov predstavitelej novoj muzeologii [The concept «heritage» in the system of scientific views of the representatives of new museology] // Vestnik Tomskogo universiteta Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of Tomsk university. Cultural Studies and Art History]. Tomsk, 2014. № 1 (13). Pp. 71-75. [In Russ.].
5. Sotnikova S.I. Estestvennoistoricheskaya muzeologiya [Natural History Museology]. Tomsk 2011. 302 p. [In Russ.].

Сведения об авторе

Иванова Лариса Александровна, кандидат геолого-минералогических наук, начальник отдела истории института, Институт земной коры СО РАН (Россия, г. Иркутск). SPIN-код: 5026-5538, Author ID: 116287, ORCID 0000-0002-6347-054X. liva@crust.irk.ru

Information about the author

Ivanova Larisa Aleksandrovna, Ph.D. in Geology and Mineralogy, head of the history department of the Institute, Institute of the Earth's Crust of SB RAS (Russia, Irkutsk city). SPIN-код: 5026-5538, Author ID: 116287, ORCID 0000-0002-6347-054X. liva@crust.irk.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.2024;
одобрена после рецензирования: 05.11.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 04.09.2024;
approved after reviewing: 05.11.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Научная статья

УДК 7.091.4(571.54)

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-101-111

*Татарова Светлана Петровна,
Татарникова Тамара Сергеевна*

ВЛИЯНИЕ ФЕСТИВАЛЯ НА СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Национальная культура позволяет сохранять и развивать нацию, обеспечивая ей условия для выживания за счет выработанных приспособительных механизмов в географических, политических, экономических условиях функционирования этноса. В урбанизированных обществах происходит аккультурация населения, а потому сегодня достаточно остро встал вопрос сохранения этнической культуры народов, проживающих в России. В условиях многонациональных регионов, к которым относится и Республика Бурятия, данные вопросы ставятся наиболее остро. В связи с этим, учреждениями культуры осуществляется поиск актуальных практик для возрождения, сохранения и развития национальных культур.

В Республике Бурятия достаточно много массовых форм, ориентированных на демонстрацию достижений культуры различных народов, где значимое место занимает проведение фестивалей. Авторы уделяют внимание рассмотрению наиболее крупных мероприятий, значимых для народов, проживающих в республике.

Ключевые слова: национальная культура, традиционная культура, учреждения культуры, фестиваль.

Для цитирования: Татарова С. П., Татарникова Т. С. Влияние фестиваля на сохранение и развитие национальной культуры // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 101-111.

*Tatarova Svetlana Petrovna,
Tatarnikova Tamara Sergeevna*

FESTIVAL INFLUENCE ON PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF NATIONAL CULTURE

National culture allows to preserve and develop a nation providing it with the conditions for survival due to the developed adaptive mechanisms in the geographical, political, economic conditions of the ethnic group functioning.

The population acculturation occurs in the urbanized societies, and, therefore, the issue of preserving the ethnic culture of the peoples living in Russia has become quite acute nowadays. In the conditions of the multinational regions including the Republic of Buryatia, these issues are of great concern. In this regard, the cultural institutions search for the actual practices for revival, preservation and development of national cultures.

There are quite a lot of mass forms in the Republic of Buryatia aimed at demonstrating the achievements of culture of various peoples, where festivals occupy a significant place. The authors pay attention to the largest events that are significant for the peoples living in the republic.

Keywords: national culture, traditional culture, institutions of culture, festival.

Вопросы сохранения национальной культуры становятся предметом научного дискурса различных наук. В поле внимания исследователей попадают национальные обряды и традиции, система материальных и духовных ценностей, специфика мышления, образа жизни, взаимодействия с природой, установки и нормы поведения и т.д. [1, с. 243]. Все перечисленные выше компоненты национальной культуры, передаваясь из поколения в поколение, позволяли этносу сохранять свою целостность, выживать и развиваться. Происходящие в обществе изменения в существенной степени трансформируют систему отношений, традиционных ценностей, подрывают авторитет старшего поколения [12; 9]. Процессы ассимиляции, глобализации в существенной степени влияют на утрату уникальности, самобытности, приводят к потере индивидуальности, обезличиванию, унификации этнокультурных различий народов.

В последние десятилетия наблюдаются все большая интенсивность ассимиляционных

процессов, размывание межкультурных границ народов, что выражается в забвении национального языка, традиционной кухни, национального костюма [2, с. 29-37; 13, с. 101-108.]. В этих условиях детерминируется поиск новых форм и способов сохранения национальной культуры, а также поиск людей равнодушных к вопросам ее возрождения. На сегодняшний день, мы можем отметить, что пока ещё есть хранители и ценители национального искусства, ремёсел, носители знаний и опыта по декоративно-прикладному и устному народному творчеству, фольклору, изготовлению национальных костюмов, инструментов, сувениров, одежды и т.д. [3, с. 179]. Однако их опыт и знания не всегда востребованы современным обществом. Нынешняя молодёжь в большей степени ориентирована на западные образцы культуры, она подражает модным тенденциям в музыке, танцах, одежде, стиле поведения, что провоцирует обесценивание российской народной культуры, приводит к её забвению [9; 7, с. 51-63.]. В связи с этим всё более

остро осознаётся проблема восстановления, сохранения и развития традиционной культуры не только в ходе естественного взаимодействия между поколениями, а также с использованием эффективных информационных и социокультурных технологий [10, с. 10-16].

Актуальной проблемой современного общества, в связи с этим, становится ориентация на поддержание самобытности и культурного своеобразия этносов, укрепление авторитета старших поколений как носителей традиционных ценностей, знаний и опыта. Эффективной формой возрождения и сохранения национальной культуры является фестиваль. В ходе организации фестивальной практики есть возможность сформировать условия для взаимодействия поколений, для проявления творчества, инициативы населения, обеспечить условия для участия в песенных, хореографических творческих площадках различным категориям населения, продемонстрировать таланты в декоративно-прикладном искусстве, изготовлении предметов быта, элементов костюма, сувениров и т. д.

В российском обществе для поддержания его единства всегда практиковалось создание условий для «сохранения и развития национальной культуры каждой этнической группы» [14, с. 66-72], а также обеспечение межкультурного диалога между народами. Особую роль в развитии межкультурных коммуникаций, выявлении общих ценностей и смыслов, выполняют учреждения культуры, выступая

площадками для взаимодействия различных этнических групп на принципах уважения культурных, религиозных и других различий, а также доверии, открытости к сотрудничеству, взаимопониманию и толерантности [1, с. 245]. Учитывая многонациональный состав республики, организаторы фестивалей стремятся к соблюдению интересов всех народов, проживающих в регионе, используя дифференцированный адресный подход к продвижению культуры различных этнических общностей. Популяризация культуры народов позволяет сохранить лучшие образцы традиционной культуры разных этносов, а знакомство с этнокультурным многообразием способствует межнациональному пониманию и согласию, обеспечению толерантности и стабильности социокультурной ситуации в республике. Знакомство с культурным наследием различных народов, способствует этнической самоидентификации молодежи, формированию социальных общностей, на основе общих ценностей и идеалов, способствуя согласию и единению народов, проживающих на одной территории.

Фестивальная карта Республики Бурятия представлена множеством фестивалей, направленных на развитие хорового, хореографического, театрального творчества. Целью подобных фестивалей является поиск инновационных практик, распространение опыта, открытие новых имён и коллективов, развитие творческих связей. Так, в числе наиболее популярных

фестивалей, проводимых в республике, являются: Международный музыкальный фестиваль «Голос кочевников», объединяющий ценителей этнического современного музыкального искусства; Байкальский Рождественский фестиваль, посвященный классическому музыкальному искусству, ежегодно принимающий звёзд классической и поп-сцены из разных городов страны; Всероссийский фестиваль-конкурс эстрадного искусства «Байкал арт-спектр», объединяющий творческие коллективы России, включающий в себя конкурсную программу, семинары-совещания, круглые столы с участием сценаристов-режиссёров, специалистов вузов культуры и искусств России; Международный фестиваль традиционной музыки «Звуки Евразии», служащий пропаганде целого пласта мировой музыкальной культуры; фестиваль наследия «Новые краски старого города» носит идею сохранения культурного наследия в Бурятии путём реставрации и благоустройства исторических объектов города; республиканский фестиваль «Ночь ёхора», призванный возродить национальное искусство в Бурятии и приобщить молодёжь к национальной культуре.

Чаще всего фестивали содержат лишь конкурсную часть, а такие площадки как выставки, мастер-классы, открытые трибуны, концертные программы не всегда включаются в программу фестивалей. Наиболее показательным в плане соблюдения традиционной структуры фестиваля выступает

Международный бурятский фестиваль «Алтаргана». За многовековую историю буряты сформировали разнообразные культурные и спортивные традиции, проводили состязания борцов, лучников и конные скачки во время ежегодных религиозных обрядов. «Еще в глубокой древности зародились различные самобытные забавы и состязания, отражавшие материальную и духовную культуру народа и способствовавшие воспитанию в молодых людях мужества, силы духа и стремления непременно постичь девять наук настоящего мужчины» [8, с. 156-157].

Международный культурно-спортивный фестиваль «Алтаргана» является важным событием не только для бурятского народа, но и для представителей других культур. Во время праздника гости не просто наблюдают, но и активно участвуют в различных конкурсах и соревнованиях. Яркие костюмы, мастерство народных песен и танцев, уникальные традиционные ремёсла, необычные виды спорта, возможность увидеть жизнь кочевников в юртах [11, с. 158-163.] и отведать традиционные блюда бурят создают незабываемую атмосферу праздника. Данный фестиваль прошёл невероятно длинный путь от небольшой инициативной группы к масштабному мероприятию с богатой культурно-спортивной программой. На сегодняшний день она имеет большое разнообразие новых выставочных площадок: выставка-конкурс художественных фотографий «Мир, в котором мы живем»; конкурс-выставка

производства мастеров традиционных художественных промыслов бурят; конкурс-выставка проектов этно-туристических центров «Бурятское поселение»; смотр-конкурс традиционной бурятской юрты [5, с. 27-30]. Помимо этого, программа фестиваля включает: красочные церемонии открытия и закрытия с театрализованными представлениями на стадионах с большой вместимостью, торжественный проход регионов-участников, спортивные состязания, мастер-классы, яркую концертную программу, церемонию награждения победителей и т. д. Фестиваль приобрел статус международного и проводится раз в два года поочередно в трех регионах России: Забайкальском крае, Иркутской области, Республике Бурятия или в Монголии. Стоит отметить, что благодаря исторически сложившимся обычаям, фестиваль имеет собственный традиционный флаг, который передаётся новым организаторам во время церемонии закрытия [6, с. 172-188].

Не менее интересными являются фестивали, посвященные культуре других народов. Так, республиканский фестиваль русской культуры «Байкальский хоровод» - большая творческая площадка, организаторы которого преследуют цель сохранения и популяризации русской культуры. Фестиваль «Байкальский хоровод» уверенно выполняет следующие задачи: осуществляет популяризацию народных игр и забав, реализуя оригинальные мастер-классы, спортивные состязания; формирует

пропаганду здорового образа жизни, следуя традициям и народным обычаям; объединяет и сохраняет культурную самобытность разных этнических групп славянской культуры; способствует реализации творческого потенциала молодёжи. В программу фестиваля включены конкурсы русской песни, русского народного танца, конкурс-презентация площадок муниципальных районов Республики Бурятия, концертная программа с народными песнями и танцами, выставочные площадки с изделиями народных художественных промыслов.

Полноценное развитие традиционной самобытности любого народа требует комплексного подхода. Необходимо не только хранить традиции, но и искать новые способы для создания творческого роста новых поколений. Во многом выполняет эту задачу межрегиональный фестиваль-конкурс фольклора старообрядческих художественных коллективов «Раздайся, корогод!», который вошел в программу встречи старообрядцев мира «Путь Аввакума», является уникальным событием для нашей республики. Старообрядческая культура в Бурятии представлена во всех её проявлениях: в религии, в материальной культуре, в фольклоре, в языке и т. д. Данный фестиваль всегда проводится на исторической родине старообрядцев, в разных районах Бурятии. Это обусловлено тем, что сохранить аутентичность праздника, историю старообрядческой культуры, полностью погрузить «зрителя» в

культуру народа более успешно можно в естественной среде. Фестиваль объединяет старообрядцев со всего мира, задействует множество фольклорных творческих ансамблей и коллективов, сопровождается многочисленными танцами, песнями, произведениями из достояния устного народного творчества. Помимо этого, организуется площадка для конкурса-показа коллекции традиционной одежды, конкурса мастеров изделий народного промысла семейских, ярмарочная площадка с продукцией от местных фермеров. «Раздайся корогод» – яркая, самобытная, творческая площадка, где из поколения в поколение трепетно передаётся и сохраняется культура семейских.

Одной из крупных национальных групп, после русских и бурят в республике являются татары. Международный татарский культурно-спортивный фестиваль «Байкальский Сабантуй» – ежегодный масштабный праздник, который проводится на разных площадках Республики Бурятия в местах компактного проживания татар. Сабантуй – это татарский праздник, который символизирует завершение посевных работ. На этом мероприятии можно увидеть яркие обычаи, насладиться песнями и танцами, а также поучаствовать в увлекательных национальных играх. Кроме того, в программу включены: театрализованное представление с участием центров татарской культуры, народные гуляния, спортивные соревнования: бой мешками; бег с яйцом в ложке; бег с коромыслом; бег в мешках;

перетягивание каната, аркана; доствание монеты из катыка; гонки на тачках, ярмарочные площадки с достояниями национальной татарской кухни [4, с. 56].

Такие по-настоящему народные праздники лучше всего воспитывают в человеке любовь к культуре своего народа, уважение к старшим и умение честно бороться и побеждать. Участие в праздниках представителей всех поколений символизирует тесную связь между ними в постижении народной культуры и вечное продолжение семейных уз и человеческого рода [15, с. 260-261].

Помимо крупных фестивалей международного и всероссийского уровня большое значение имеют и локальные фестивали народного творчества, проводимые в небольших населенных пунктах, которые представляют собой уникальное явление, способствующее сохранению и популяризации культурного наследия. Фестиваль всегда является значимым культурным событием для небольших поселений. Несмотря на то, что в последние годы наблюдается перенасыщение праздничного календаря мероприятиями схожей тематики, такие фестивали могут оказать значительное влияние на жизнь местных сообществ. Они создают атмосферу праздника и единства, собирая людей, которые искренне интересуются традициями и культурой своего региона. Это не просто развлечение, а возможность для местных жителей продемонстрировать свои таланты, поделиться опытом и укрепить связи внутри сообщества.

Кроме того, такие мероприятия могут привлечь внимание туристов, что, в свою очередь, способствует экономическому развитию региона. Местные ремесленники получают шанс представить свои изделия, а гастрономические фестивали позволяют показать уникальные местные продукты. Это создает спрос на товары и услуги, что положительно сказывается на доходах местных жителей. Такие мероприятия выступают творческой площадкой для проявления талантов разных групп населения, способствуют улучшению межличностных отношений, укреплению социальных связей, а также сохранению народных традиций.

Фестивали, проводимые на различных уровнях, могут стать мощным инструментом для сохранения и популяризации национального наследия, если к их организации подойти с должным вниманием. Для того чтобы фестивали успешно привлекали молодежь и способствовали их интересу к традиционной культуре, необходимо разработать специальные программы и мероприятия, которые будут сочетать в себе элементы современности и народных традиций. Это может включать мастер-классы по народным ремеслам, современные интерпретации фольклорных спектаклей или музыкальных выступлений.

Кроме того, при проведении фестивалей важно избегать излишней коммерциализации, которая может исказить суть культурных мероприятий и отвлечь внимание

от их истинных целей. Таким образом, если организаторы фестивалей будут учитывать указанные аспекты проведения, то такие мероприятия смогут значительно повысить интерес молодого поколения (и населения в целом) ко всем элементам национальной культуры: языку, песенному и танцевальному творчеству народа, традициям и обычаям, способствовать их принятию и пониманию, а также сохранению и развитию национального наследия.

Таким образом, в условиях стирания этнокультурных границ, формирования гомогенной культуры общества, среди эффективных форм работы по сохранению национальной культуры выделяется фестиваль достижений материальной и духовной культуры разных народов. При их организации важно учитывать уникальность народной культуры различных регионов, поскольку каждый регион обладает своими особенностями, специфичными традициями и обычаями, которые могут быть интересно представлены на фестивалях. Это разнообразие может стать основой для создания уникальных мероприятий, которые будут привлекать внимание как местных жителей, так и туристов, станут платформой для обмена опытом и знаниями, способствуя формированию этнической идентичности, укреплению связей между поколениями, сохранению национальной культуры всех народов, гармонизации отношений в мультикультурном обществе.

Список источников

1. Ахунова З. И. Сохранение и возрождение национальной культуры в контексте полиэтнического взаимодействия // Омский научный вестник. 2011. № 6 (102). С. 243-246.
2. Бадараев Д. Д., Актамов И. Г. Бурятский язык в оценках студенческой молодежи (по материалам социологического исследования) // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 29-37.
3. Белинская О. Н., Оленина Г. В. Фестивали народного художественного творчества в контексте сохранения и трансляции этнокультурного наследия // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60). С. 179-181.
4. Галимуллина А. Ф., Хамидуллина В. П. Праздники и фольклор татарского народа. М., 2015. 80 с.
5. Дашиева Д. А. Фестиваль «Алтаргана» как средство сохранения национальной культуры бурят // Новые вызовы новой науки: опыт теоретического и эмпирического анализа : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 17 апр. 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 27-30. EDN ENVIYS.
6. Жамбалова С. Г. Международный бурятский фестиваль «Алтаргана» как фактор внутриэтнической консолидации бурят конца XX–XXI в. // Монголоведение. 2020. Т. 12, № 1. С. 172-188.
7. Изотова Е. И., Голубева Н. А., Гребенникова О. В. Феномен межпоколенной трансмиссии в социокультурном и информационном пространствах современности // Мир психологии. 2017. № 1(89). С. 51-63. EDN YZICTB.
8. Летопись «Алтарганы». 1994–2020 / ред.-сост.: С. Г. Аюшиева, Ц. Ц. Батомункина. Улан-Удэ : Респ. тип., 2020. 224 с.
9. Луков В. А., Луков В. А., Захаров Н. В. Ценностные ориентации российской молодежи в свете теории ценностей // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-rossiyskoy-molodezhi-v-svete-teorii-tsennostey> (дата обращения: 29.11.2024).
10. Пуртова Т. В. Актуализация традиционной народной культуры и развитие программ этнотуризма в Российской Федерации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 10-16.
11. Санжиева Т. Е., Убеева О. А. Событийный туризм: этнический фестиваль "Алтаргана" // Индустрия туризма и гостеприимства в контексте межкультурной коммуникации : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию ДВГУПС и 15-летию кафедры "Международные коммуникации, сервис и туризм" (Хабаровск, 2–4 мар. 2018 г.) / под ред. В. А. Чернова. Хабаровск : Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения, 2018. С. 158-163. EDN XVXWFFV.
12. Сергеева К. В. Культурная идентичность: концептуально-

социологический аспект проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-kontseptualno-sotsiologicheskij-aspekt-problemy> (дата обращения: 29.11.2024).

13. Татарова С. П., Кызылов А. А. К вопросу сохранения национальной культуры алтайцев // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2022. № 4(24). С. 101-108. DOI 10.31443/2541-8874-2022-4-24-101-108.

14. Теуежева И. Р. Историческая роль культуры и традиций в социальном пространстве полиэтнического региона // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 8. С. 66-72.

15. Хафизова Р. Р. Сабантуй как фактор этнокультурного единения татар в Республике Марий Эл // Богатство финно-угорских народов : материалы V Междунар. финно-угорского студ. форума. Вып. 5. (Йошкар-Ола, 24-26 мая 2018 г.). Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2018. С. 260-261. EDN XZSFKP.

References

1. Akhunova Z. I. Soxranenie i vozrozhdenie nacional'noj kul'tury' v kontekste polie'tnicheskogo vzaimodejstviya [Preservation and revival of national culture in the context of multiethnic interaction] // Omskij nauchny'j vestnik [Omsk scientific bulletin]. 2011. № 6 (102). Pp. 243-246. [In Russ.].

2. Badaraev D. D., Aktamov I. G. Buryatskij yazy'k v ocenках studentcheskoj molodezhi (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) [The Buryat language in the assessments of student youth (on the materials of the sociological study)] // Vostoch-ny'j vektor: istoriya, obshhestvo, gosudarstvo [Oriental vector: history, society, state]. 2023. Issue 2. Pp. 29-37. [In Russ.].

3. Belinskaya O. N., Olenina G. V. Festivali narodnogo xudozhestvennogo tvorchestva v kontekste soxraneniya i translyacii e'tnokul'turnogo naslediya [Festivals of folk art in the context of preserving and transmitting ethnocultural heritage] // Mir nauki, kul'tury', obrazovaniya [The world of science, culture, education.]. 2016. № 5 (60). Pp. 179-181. [In Russ.].

4. Galimullina A. F., Khamidullina V. P. Prazdniki i fol'klor tatarskogo Naroda [Holidays and folklore of the Tatar people]. M., 2015. 80 p. [In Russ.].

5. Dashieva D. A. Festival' «Altargana» kak sredstvo soxraneniya nacio-nal'noj kul'tury' buryat [Festival «Altargana» as a means of preserving the national culture of the Buryats] // Novy'e vy'zovy' novej nauki: opy't teoretiche-skogo i e'mpiricheskogo analiza : sb. st. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Petrozavodsk, 17 apr. 2023 g.) [New challenges of new science: experience of theoretical and empirical analysis: collection of articles of the VII Int. scient.-pract. conf. (Petrozavodsk, 17 April 2023)]. Petrozavodsk, 2023. Pp. 27-30. [In Russ.].

6. Zhambalova S. G. Mezhdunarodny'j buryatskij festival' «Altargana» kak faktor vnutrie'tnicheskoy konsolidacii buryat koncza XX–XXI v.

[International Buryat festival «Altargana» as a factor in the intra-ethnic consolidation of the Buryats of the late XX - XXI c.] // Mongolovedenie [Mongolian Studies]. 2020. V. 12, № 1. Pp. 172-188. [In Russ.].

7. Izotova E. I., Golubeva N. A., Grebennikova O. V. Fenomen mezhpoko-lennoj transmissii v sociokul'turnom i informacionnom prostanstvax sovremennosti [Phenomenon of intergenerational transmission in the socio-cultural and information spaces of modernity] // Mir psixologii [World of Psychology]. 2017. № 1(89). Pp. 51-63. [In Russ.].

8. Letopis' «Altargany'». 1994–2020 / red.-sost.: S. G. Ayushieva, Cz. Cz. Batomunkina [Chronicle of «Altargana». 1994-2020 / ed. and compiled by: S. G. Ayushieva, Ts. Ts. Batomunkina.]. Ulan-Ude, 2020. 224 p. [In Russ.].

9. Lukov V. A., Lukov V. A., Zakharov N. V. Cennostny'e orientacii ros-sijskoj molodezhi v svete teorii cennostej [Value orientations of the Russian youth in the light of theory of values] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg state university]. 2011. № 2 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-rossiyskoy-molodezhi-v-svete-teorii-tsennostej> (29.11.2024). [In Russ.].

10. Purtova T. V. Aktualizaciya tradicionnoj narodnoj kul'tury' i razvitiye programm e'tnoturizma v Rossijskoj Federacii [Actualization of traditional folk culture and development of ethnotourism programs in the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury' i iskusstv [Bulletin of Moscow state university of culture and arts]. 2017. № 1 (75). Pp. 10-16.[In Russ.].

11. Sanzhieva T. E., Ubeeva O. A. Soby'tijny'j turizm: e'tnicheskij festival' «Altargana» [Event tourism: ethnic festival «Altargana»] // Industriya turizma i gostepriimstva v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii : materialy' V Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashh. 80-letiyu DVGUPS i 15-letiyu kafedry' «Mezhdunarodny'e kommunikacii, servis i turizm» (Xabarovsk, 2–4 mar. 2018 g.) / pod red. V. A. Chernova [Tourism and hospitality industry in the context of intercultural communication : proceedings of the V All-Russ. scient. and pract. conf. with intern. participation dedicated to the 80th anniversary of FESTU and the 15th anniversary of the department of international communications, service and tourism (Khabarovsk, 2-4 March 2018) / edited by V. A. Chernov]. Khabarovsk, 2018. Pp. 158-163. [In Russ.].

12. Sergeeva K. V. Kul'turnaya identichnost': konceptual'no-sociologicheskij aspekt problem [Cultural identity : conceptual and sociological aspect of the problem] // Social'no-gumanitarny'e znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-kontseptualno-sotsiologicheskij-aspekt-problemy> (29.11.2024). [In Russ.].

13. Tatarova S. P., Kyzyllov A. A. K voprosu soxraneniya nacional'noj kul'tury' altajcev [To the issue of preserving the national culture of the Altaians] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. 2022. № 4(24). Pp. 101-108. DOI

10.31443/2541-8874-2022-4-24-101-108. [In Russ.].

14. Teuvezheva I. R. Istoricheskaya rol' kul'tury i traditsij v social'nom prostranstve polie'tnichnogo regiona [Historical role of culture and traditions in the social space of the multiethnic region] // Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adyghe state university]. 2008. № 8. Pp. 66-72. [In Russ.].

15. Khafizova R. R. Sabantuj kak faktor e'tnokul'turnogo edineniya tatar v Respublike Marij E'l [Sabantuy as a factor in the ethnocultural unity of the Tatars in the Mari El Republic] // Bogatstvo finno-ugorskikh narodov : materialy' V Mezhdunar. finno-ugorskogo stud. foruma. Vy'p. 5. (Yoshkar-Ola, 24-26 maya 2018 g.) [Wealth of the Finno-Ugric peoples: proceedings of the V Intern. Finno-Ugric student forum. Issue. 5 (Yoshkar-Ola, 24-26 May 2018). Yoshkar-Ola, 2018. Pp. 260-261. [In Russ.].

Сведения об авторах

Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Россия, г. Улан-Удэ). SPIN-код: 3561-5689, AuthorID: 448887, ORCID 0000-0002-6276-0852.

svetlana.tatar@inbox.ru

Татарникова Тамара Сергеевна, менеджер Муниципального бюджетного культурно-досугового учреждения «Дом культуры имени Александра Петровича Вагжанова» (Россия, г. Улан-Удэ). 79500517377@mail.ru

Information about the authors

Tatarova Svetlana Petrovna, Sc.D. in Sociology, professor of the department of socio-cultural activity, East Siberian state institute of culture (Russia, Ulan-Ude city). SPIN-code: 3561-5689, Author ID: 448887, ORCID 0000-0002-6276-0852. svetlana.tatar@inbox.ru

Tatarnikova Tamara Sergeevna, manager, the Municipal budgetary cultural and leisure institution «House of Culture of Alexander Petrovich Vagzhanov» (Russia, Ulan-Ude city). 79500517377@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.10.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 08.10.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Научная статья

УДК 379.8(091)(470+571)

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-112-121

Матвеева Елена Владимировна

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ & КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ

В статье дается обзор концепций социального воспитания в хронологии, соответствующей развитию российского общества. Приводится историческое обоснование внешкольной, политико-просветительной, культурно-просветительной работы, культурно-досуговой и социально-культурной деятельности. Дается критический анализ концепции креативной экономики и развития креативных индустрий.

Ключевые слова: социально-культурная и культурно-досуговая деятельность, культурно-просветительная и политико-просветительная работа, внешкольное образование, креативная экономика.

Для цитирования: Матвеева Е. В. Социально-культурная деятельность & креативные индустрии // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 112-121.

Matveeva Yelena Vladimirovna

SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES & CREATIVE INDUSTRIES

The article gives the review of the conceptions of social education in the chronology which corresponds to the Russian society development. The historical justification of the extracurricular, political and educational, cultural and educational work, cultural and leisure, and socio-cultural activities is given. The critical analysis of the conception of creative economy and development of creative industries is given.

Keywords: socio-cultural, cultural and leisure activities, cultural and educational, political and educational work, extracurricular education, creative economics.

В глобальном информационном поле формирование самосознания населения происходит сегодня на фоне современного вольного пересказа узловых исторических событий. Это становится причиной сужения исторического мышления и обнуления исторического наследия современниками [1; 2].

Социально-культурная деятельность как профессиональная деятельность по формированию общественного сознания специфическими средствами искусства и культуры имеет свою историю развития в России. Становление и развитие данной профессиональной деятельности тесно связаны с таким понятием, как внешкольная работа.

Основоположники программ внешкольной работы с подрастающим поколением видели свою задачу в том, чтобы обеспечить детям и подросткам достойные условия для обучения, развития и формирования их личности как граждан своей страны. На рубеже XIX–XX веков среди наиболее прогрессивной части общества возникли идеи по социальному призрению детей, находящихся в неблагоприятных условиях городских фабричных районов, обитателям которых было присуще невежество не только в сфере образования и воспитания, но и физиологии и гигиены детей, молодежи и взрослых [3; 4].

В научно-просветительском издании Медынского Е.Н. [5] в описании видов и форм внешкольной работы мы находим методы организации работы со взрослыми.

Это обстоятельство дает нам основание представить внешкольную работу как организованную общественную деятельность не только с детьми и подростками, но и со взрослыми. Среди описываемых им типов учреждений значатся Школы для взрослых, Народные дома, Народные театры и Книжные склады.

В основу типологии внешкольной работы автор ставит следующее определение: *«Гораздо шире понятие—развитие, которое можно опредѣлить, какъ постоянную внутреннюю работу личности надъ всѣми элементами человѣческаго, не только психическими, но и физическими. Гармонически развитою личностью является лишь человекъ, одинаково широко развитой въ умственномъ, нравственномъ, эстетическомъ и физическомъ отношеніяхъ»* [5, с. 5].

Ведущей формой просветительства и культурного развития автор считает Народные дома. Он подробно анализирует обучающие и просветительские программы, дает краткую историческую справку о том, как зародилась эта форма работы в России и каковы ее перспективы, приводит опыт работы образцовых Народных домов и статистику. К примеру, говорит о том, что в 1897 году на открытых по принципу Народных домов курсах в Казани обучилось порядка 3700 человек [5, с. 264].

Следующий этап развития просветительства в России связан напрямую с идеологическими задачами, поэтому данный этап отражает в основном организацию

политического просвещения населения. В составе Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) в 1920 году вместо Внешшкольного отдела был организован новый орган – Главполитпросвет, просуществовавший с этим названием до 1930 года. Его задачи были определены идеологическим просвещением и включали такие виды работы, как руководство политической, просветительской и агитационно-пропагандистской работой. В сферу интересов Главполитпросвета входила организация и контроль деятельности изб-читален, клубов, библиотек, школ для взрослых и других учреждений, которые занимались просвещением, политической агитацией и пропагандой с массовой аудиторией. Руководила работой Главполитпросвета, как ранее Внешшкольного отдела, Крупская Надежда Константиновна.

Крупская Н.К. много писала о целях и задачах просветительства. В своей речи на Первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию в 1919 году Крупская восклицает: *«Пропаганда! А что же теперь представляет собой внешкольное образование как не систематически организованную пропаганду!»* [6, с. 30].

Но при этом замечает, что *«Политическую работу мы не дуем сводить к политической агитации... Политическая и культурная работа сливаются воедино»* [6, с. 36].

Как отмечают исследователи [7, с. 177], термин «культурно-просветительная работа» был

актуализирован в середине 1940-х годов. В 1945 году при Совете народных Комиссаров РСФСР был создан Комитет по делам культурно-просветительных учреждений. Ведущим видом деятельности Комитета стало идейно-политическое воспитание населения.

Термин «культурно-просветительная работа» оставался актуальным до начала 90-х годов XX века. Широкая сеть культурно-просветительных учреждений вовлекала в русло своей идейно-воспитательной работы самые широкие слои населения разных возрастов, уровней образования, профессий. Через деятельность библиотек, музеев, парков культуры и отдыха, сельских и городских клубов население приобщалось к культуре и искусству, обучалось и просвещалось посредством участия в различных кружках, секциях, клубах по интересам. Одновременно с организацией отдыха широким фронтом осуществлялось политическое просвещение и идеологическое воспитание населения.

В начале 1990-х годов было объявлено, что наступило новое время, время перемен и общественное воспитание не должно отражать идеологию ни одной из современных партий или общественно-политических движений. Досугу был присвоен статус сферы развития и пространства для повышения уровня культуры личности. С этой целью сеть культурно-просветительных учреждений была реформатирована в сеть культурно-досуговых учреждений, где продолжалась работа по воспитанию,

просвещению, развитию и отдыху населения, но уже без идеологической компоненты.

Культурно-досуговая деятельность (КДД) как новый термин и направление деятельности была методологически оформлена в теорию и технологии КДД в Казанском и Московском вузах культуры. Идеологами новой парадигмы общественного воспитания выступили Жарков А.Д. и Максютин Н.Ф. [8; 9].

В современных трактовках досуг и досуговая деятельность выступают как время, «когда возможен свободный выбор занятий, в котором отдых перемежается с физической и умственной активностью» (Соколов А.В.) и как «часть свободного времени для реализации занятий, выполняющих функцию восстановления физических и психических сил человека; деятельность, ради самосовершенствования, собственного удовольствия, достижения иных культурных целей по собственному выбору» [10].

В середине 90-х годов XX века было введено в оборот и закрепилось новое понятие – социально-культурная деятельность. Его разработчиками стали Киселева Т.Г. и Красильников Ю.Д. [11].

Социально-культурная деятельность вобрала в себя все содержание внешкольной (педагогической) деятельности, просветительной работы, организации полезного досуга населения. Теория, история и технологии социально-культурной деятельности сформировали научный базис и

исторически обосновали новое направление профессиональной деятельности и подготовки кадров.

Время неумолимо меняет вектор воспитательной, образовательной и просветительной работы с населением. На смену универсальной во всех смыслах социально-культурной парадигме грядет новое понимание и установки на новые цели и задачи деятельности в области культурного развития, формирования общественной системы ценностей и культурного воспроизводства.

Определяющим компонентом эпохи постперестроечного и постсоветского этапа развития государства и всех его систем становится формирование новой экономики, построенной с учётом человеческого фактора. Именно человек может стать субъектом высокопроизводительной экономики, если будут вложены значительные средства в удовлетворение его потребностей и развитие духовности. По мнению авторов новой концепции, общественно-экономическое развитие должно логичным образом переориентировать вложение средств не в промышленность, а в формирование креативной личности с высокоразвитым интеллектом, эмоциями, способной к неординарной творческой деятельности.

Авторами программы формирования креативных индустрий выступили Абанкина Т.В. и ее коллеги. На базе НИУ ВШЭ был образован Центр креативной экономики. Среди направлений исследований Центра представлены такие

как занятость в сфере культуры, особенности ее финансирования, исследование стратегий потребления в сфере досуга, изучение потенциала креативных и культурных индустрий для экономики и народного хозяйства. Центром креативной экономики сделаны значительные шаги в области формирования образовательной стратегии и подготовки высококвалифицированных кадров, предложена программа креативного развития высшей школы; по инициативе Центра открыто финансирование программ креативного развития на базе вузов культуры и искусств. В сферу креативной экономики вовлечены правительственные структуры, сеть учреждений высшей школы, среднего специального образования.

Центр креативной экономики продолжает серию научных исследований по изучению потенциала российской экономики и по внедрению программ креативного развития. В частности, на базе НИУ ВШЭ открыт и осуществляется набор на программы бакалавриата и магистратуры Институтом развития креативных индустрий. Среди направлений креативной экономики представлены дизайн, мода, кино и анимация, музыка, архитектура, музеи и галереи, медиа и издательское дело, театр и исполнительское искусство, IT – индустрия, гейм-дизайн и компьютерная графика, реклама, фотография, туризм, гастрономия, радио и телевидение, ивент-дизайн, креативное образование, народные и художественные промыслы.

Целевая установка образования и подготовки кадров программы Центра креативных индустрий состоит в научении новых поколений извлекать из творческой деятельности максимум пользы и оборотных средств.

Как мы считаем, изначально в самой парадигме креативной экономики, опирающейся на человеческий фактор и развитие его творческого начала, заложен идеализированный и неразрешимый по своей сути парадокс. Он состоит в том, что общество с избыточным производством, обеспечивающее всех своих членов высоким уровнем жизненного комфорта на какой-то стадии своего развития непременно придет к стагнации. Стагнация охватит все области человеческой жизнедеятельности, в первую очередь, духовную, в результате общество не сможет предложить новые идеи, которые бы способствовали эволюционному движению вперед и дальнейшему развитию. Такова природа человека, что удовлетворение базовых потребностей в приоритете. Как известно, наиболее яркие идеи рождаются в периоды общественных кризисов. Если художнику не нужно заботиться о хлебе насущном, его творческая мотивация угасает.

Как отмечают авторы, критично настроенные по отношению к экономической концепции творческого производства, так называемой креативной индустрии [12], новая экономическая парадигма акцентирует свое внимание на двух принципах существования

современного мира – концепции 4.0, которая базируется на развитии технологий искусственного интеллекта, формировании новых рынков криптовалюты, приводящих в итоге к изменению условий производства и потребления в мире, и концепции 5.0, в основе которой лежит идея о содействии развитию и поддержанию того, что не способен пока что сформировать искусственный интеллект, а именно, духовности и неординарного творчества. Автор заключает, что «креативная экономика утопична» [12]. В основе ее лежит противоречие, поскольку в ее реальном и виртуальном воплощении есть много несоответствий. Один из них в том, что «глобализационный потенциал "экономики знаний"» [12], построенной не по реальным экономическим законам, а на креативности, «условно свойственной» современникам, остается довольно неустойчивым аргументом в ее пользу.

Авторы другой научной статьи, подготовленной в рамках исследования по заказу Федерации креативных индустрий (ФКИ), изучив вопрос методом экспертных интервью, указывают на то, что в России существуют барьеры двух типов, мешающие развитию креативности – институциональные и социокультурные [13]. Институциональные барьеры – это сформировавшиеся на протяжении многих десятилетий механизмы экономического развития и ориентированность на крупные промышленные объемы, на ресурсные вложения в такие отрасли, как атомная

промышленность, машиностроение, и в последнее десятилетие – цифровизация и робототехника. Побороть эту тенденцию мелким производствам интеллектуального креативного сектора пока невозможно.

Социокультурные барьеры – те, что, по мнению авторов, сформировали устойчивое ценностное мировоззрение россиян, которое оказывает свое влияние на творчество в сфере искусства и культуры. Ориентированность российского общества на традиционный жизненный уклад сопряжен с вытеснением всего, что характеризует индивидуализм в сфере креативного творчества и потому нежелателен, чужд и не отвечает базовым потребностям общественного развития страны.

Социально-культурная деятельность ведущей своей целью имеет в виду развитие в людях творческого начала, процесс созидания был всегда присущ отрасли культуры и искусства. Есть мнение, что выделение средств массовой информации, моды, рекламы, кино и пр. в противоположность остальным отраслям народного хозяйства в креативный сектор несправедливо и неточно по определению [14, с. 31]. «Теория креативной экономики представляет собой определенную идеологию и мировоззрение, в основе которых лежит глубоко дискриминационная идея, сегрегирующая общество», восклицает автор [14, с. 33]. Принцип коммерциализации творческого продукта не может стать основополагающим в обосновании

необходимости перевода отрасли культуры на рельсы так называемой креативной экономики. Креативные индустрии как инструмент

имеют свое значение, но не должны ограничивать процесс творчества экономической выгодой и доходностью.

Список источников

1. Ярошенко Н. Н. Историко-педагогические исследования социально-культурной деятельности: поиск новых подходов // Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования : сб. ст. / Московский гос. ун-т культуры и искусств ; [науч. ред.: Е. М. Ключко, Н. Н. Ярошенко]. М. : МГУКИ, 2007. 143 с.

2. Матвеева Е. В. Культурно-просветительная работа - социально-культурная деятельность: к истории кафедры // Вестник ВСГИК. 2020. № 2 (14). С. 92-98.

3. Дейч Б. А. Внешкольная работа с детьми в России на этапе становления (конец XIX – начало XX веков): историко-педагогический анализ // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 5. С. 225-230.

4. Шацкий С. Т. Задачи общества «Детский труд и отдых». Избр. пед. соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Просвещение, 1980. С. 112-134.

5. Медынский Е. Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Наука, 1916. 329 с. URL: file:///C:/Users/PC/Downloads/000199_000009_004221075-_Внешкольное_образование_его_значение_организация_и_техника.pdf (дата обращения: 21.10.2024).

6. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в 10-ти томах. URL: https://web.archive.org/web/20141007130058/http://ushinskiy.ru/jspui/bitstream/123456789/538/1/Pedagogicheskie_sochineniya.pdf (дата обращения: 21.10.2024).

7. Морозова С. А. История развития культурно-просветительской деятельности в отечественном образовании // Человек и образование. 2013. № 4 (37). С. 174-179.

8. Максютин Н. Ф. Очерки истории досуга. 2-е изд. Казань : Медицина, 2003. 125 с.

9. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности. М. : МГУКИ, 2007. 479 с.

10. Головина Г. В. Культура досуга как фактор формирования современного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-dosuga-kak-faktor-formirovaniya-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 21.10.2024).

11. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Основы социально-культурной деятельности. М. : МГИК, 1993. 164 с.

12. Ван Вэньцзэ. Проблемы и риски креативной экономики в современных условиях // Научный аспект. URL: <https://na-journal.ru/2-2023->

ekonomika-menedzhment/4410-problemy-i-riski-kreativnoi-ekonomiki-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 26.11.2024).

13. Аузан А. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А. Развитие креативной экономики России в контексте современных вызовов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2 (54). С. 213-220. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-12.

14. Громыко В. В. Новая экономика, креативная экономика и прочие понятийные инновации в экономической теории // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-ekonomika-kreativnaya-ekonomika-i-prochie-ponyatiynye-innovatsii-v-ekonomicheskoy-teorii> (дата обращения: 26.11.2024).

References

1. Yaroshenko N. N. Istoriko-pedagogicheskie issledovaniya social'no-kul'turnoj deyatel'nosti: poisk novy'x podxodov [Historical and pedagogical studies of socio-cultural activities: search for new approaches] // Social'no-kul'turnaya deyatel'nost': opyt istoricheskogo issledovaniya : sb. st. / Moskovskij gos. un-t kul'tury i iskusstv ; [nauch. red.: E. M. Klyusko, N. N. Yaroshenko] [Socio-cultural activity: experience of historical research : collection of the articles / Moscow state un-ty of culture and arts ; [scient. ed.: E. M. Klyusko, N. N. Yaroshenko]. M., 2007. 143 p. [In Russ.].

2. Matveeva Ye. V. Kul'turno-prosvetitel'naya rabota – social'no-kul'turnaya deyatel'nost': k istorii kafedry' [Cultural and educational work – socio-cultural activity : to the department history] // Vestnik VSGIK [Bulletin of ESSIC]. 2020. № 2 (14). Pp. 92-98. [In Russ.].

3. Deich B. A. Vneshkol'naya rabota s det'mi v Rossii na e'tape stanovleniya (konecz XIX – nachalo XX vekov): istoriko-pedagogicheskij analiz [Extracurricular work with children in Russia at the stage of formation (end of the XIX – beginning of the XX centuries): historical and pedagogical analysis] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal [Siberian pedagogical journal]. 2012. № 5. Pp. 225-230. [In Russ.].

4. Shatsky S. T. Zadachi obshhestva «Detskij trud i otdy'x». Izbr. ped. soch. : v 2 t. T. 1 [Tasks of the society «Children's labor and leisure». Selected ped. Works : in 2 v. V. 1]. M., 1980. Pp. 112-134. [In Russ.].

5. Medynsky E. N. Vneshkol'noe obrazovanie, ego znachenie, organizaciya i texnika. 3-e izd., dop. i pererab. [Extracurricular education, its meaning, organization and technology. 3rd ed., suppl. and revised]. M., 1916. 329 p. URL: file:///C:/Users/PC/Downloads/000199_000009_004221075_Vneshkol'noe_obrazovanie_ego_znachenie_organizaciya_i_texnika.pdf (21.10.2024). [In Russ.].

6. Krupskaya N. K. Pedagogicheskie sochineniya v 10-ti tomax [Pedagogical works in 10 volumes]. URL: https://web.archive.org/web/20141007130058/http://ushinskiy.ru/jspui/bitstream/123456789/538/1/Pedagogicheskie_sochineniya.pdf (21.10.2024).[In

Russ.].

7. Morozova S. A. Istoriya razvitiya kul'turnoprosvetitel'skoj deyatel'nosti v otechestvennom obrazovanii [History of development of cultural and educational activities in national education] // Chelovek i obrazovanie [Man and education]. 2013. № 4 (37). Pp. 174-179. [In Russ.].

8. Maksyutin N.F. Ocherki istorii dosuga [Essays on the history of leisure]. 2nd ed. Kazan, 2003. 125 p. [In Russ.].

9. Zharkov A. D. Teoriya i texnologiya kul'turno-dosugovoj deyatel'nosti [Theory and technology of cultural and leisure activities]. M., 2007. 479 p.

10. Golovina G. V. Kul'tura dosuga kak faktor formirovaniya sovremennogo obshchestva [Leisure culture as a factor in the formation of modern society] // Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie [Bulletin of Adyghe state university. Series: Regional Studies. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-dosuga-kak-faktor-formirovaniya-sovremennogo-obshchestva> (21.10.2024). [In Russ.].

11. Kiseleva T. G., Krasilnikov Yu.D. Osnovy' social'no-kul'turnoj deyatel'nosti [Fundamentals of socio-cultural activity]. M., 1993. 164 p. [In Russ.].

12. Wang Wenjie. Problemy' i riski kreativnoj e'konomiki v sovremenny'x usloviyax [Problems and risks of creative economy in modern conditions] // Scientific aspect [Electronic publication] // Nauchny'j aspect [Elektronnoe izdanie] [Scientific aspect [Electronic edition]. URL: <https://na-journal.ru/2-2023-ekonomika-menedzhment/4410-problemy-i-riski-kreativnoi-ekonomiki-v-sovremennyh-usloviyah> (26.11.2024). [In Russ.].

13. Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A. Razvitie kreativnoj e'konomiki Rossii v kontekste sovremenny'x vy'zovov [Development of creative economy of Russia in the context of modern challenges] // Zhurnal Novoj e'konomicheskoy associacii [Journal of the New economic Association]. 2022. № 2 (54). Pp. 213–220. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-12 [In Russ.].

14. Gromyko V.V. Novaya e'konomika, kreativnaya e'konomika i prochie ponyatijny'e innovacii v e'konomicheskoy teorii [New economy, creative economy and other conceptual innovations in economic theory] // Vestnik RE'A im. G. V. Plekhanova [Bulletin of the Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov] 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-ekonomika-kreativnaya-ekonomika-i-prochie-ponyatiynye-innovatsii-v-ekonomicheskoy-teorii> (26.11.2024). [In Russ.].

Сведения об авторе

Матвеева Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории истории и теории культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Россия, г. Улан-Удэ). SPIN-код 3165-8633, Author ID 744948, ORCID 0000-0003-0961-1708. moniket@yandex.ru

Information about the author

Matveeva Yelena Vladimirovna, Ph.D. in Sociology, associate professor of the department of socio-cultural activity, senior researcher of the scientific laboratory of history and theory of culture, East Siberian state institute of culture (Russia, Ulan-Ude city). SPIN-code 3165-8633, Author ID 744948, ORCID 0000-0003-0961-1708. moniket@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.10.2024;
одобрена после рецензирования: 10.12.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 22.10.2024;
approved after reviewing: 10.12.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Научная статья

УДК 378-057.4(571.54)

DOI 10.31443/2541-8874-2024-4-32-122-130

*Цыремпилова Ирина Семеновна,
Семенов Евгений Владимирович*

**ЕЕ СПАСАЛО ВДОХНОВЕНИЕ ...
ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ
ГАПОНЕНКО**

В статье освещается жизненный и профессиональный путь видного организатора, талантливого преподавателя, общественного деятеля Бурятии Валентины Владимировны Гапоненко (1944-2007 гг.). Рассматривается вклад В.В. Гапоненко в становление и развитие музееведческого высшего образования во ВСГИК, характеризуется ее научно-исследовательская и общественная деятельность.

Ключевые слова: Валентина Владимировна Гапоненко, педагог, организатор, подготовка кадров, исследователь, декабристоведение, музейное дело, факультет культурного и природного достояния.

Для цитирования: Цыремпилова И. С., Семенов Е. В. Её спасало вдохновение ... Памяти Валентины Владимировны Гапоненко // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – 2024. – № 4(32). – С. 122-130.

*Tsyrempilova Irina Semyonovna,
Semyonov Evgeny Vladimirovich*

**INSPIRATION SAVED HER...
IN MEMORY OF VALENTINA VLADIMIROVNA
GAPONENKO**

The article highlights the life and professional path of a prominent organizer, talented teacher, public figure of Buryatia Valentina Vladimirovna Gaponenko (1944-2007). Her contribution to the provision and development of higher education in museum studies at East Siberian state institute of culture (ESSIC) is considered and characteristics of her research and public activities are given.

Keywords: Valentina Vladimirovna Gaponenko, teacher, organizer, personnel training, researcher, Decembrist studies, museology, faculty of cultural and natural heritage.

В июле 2024 г. исполнилось бы 80 лет талантливому педагогу и организатору музееведческого образования в Восточной Сибири, кандидату исторических наук, доценту, Заслуженному деятелю культуры Российской Федерации и Республики Бурятия Валентине Владимировне Гапоненко (1944-2007 гг.). Вся профессиональная жизнь В.В. Гапоненко была неразрывно связана с Восточно-Сибирским государственным институтом культуры: от выпускника вуза до доцента, декана одного из ведущих структурных подразделений. На протяжении 14 лет В.В. Гапоненко бессменно возглавляла факультет культурного и природного достояния, созданный по ее инициативе в 1994 г. [1, с. 3].

Валентина Владимировна родилась 2 июля 1944 г. в д. Беспалово Саргайского района Омской области в семье Владимира Федоровича и Евдокии Ивановны Абрамовых. Она была старшим ребенком в семье, у нее было две младших сестры – Людмила и Галина. В 1950 г., после переезда семьи в Бурятию, Валентина Владимировна пошла в 1 класс средней школы № 3 г. Улан-Удэ, которую окончила в 1961 г. В этом же году она поступила в Восточно-Сибирский библиотечный институт, созданный годом ранее. В 1966 г. окончила вуз и получила специальность «Библиотекарь-библиограф высшей квалификации». После окончания института культуры Валентина Владимировна начала свою профессиональную деятельность. В 1965-1967 гг. работала заведующей технической библиотекой завода «Теплоприбор», а в феврале 1967 г.

начала работу старшим библиографом Республиканской библиотеки имени М. Горького (сегодня Национальная библиотека Республика Бурятия).

В 1969 г. В.В. Гапоненко, получив профессиональный опыт, была принята на работу в институт культуры на должность преподавателя кафедры библиотекведения. С самого начала работы в вузе Валентина Владимировна зарекомендовала себя как замечательный лектор, профессионал своего дела, активный куратор. Это подтверждает характеристика на старшего преподавателя В.В. Гапоненко, подписанная ректором института, профессором С.И. Никифоровым: «Она является опытным, творческим педагогом, умело сочетая в лекционных курсах последние достижения науки с доступностью изложения, учитывая специфику первого курса... Она проявила себя опытным, чутким педагогом в качестве куратора трех академических студенческих групп» [2].

Одним из успешных направлений деятельности В.В. Гапоненко стала научно-исследовательская работа со студентами, где раскрылись ее организаторский талант, умение «зажечь» и повести за собой студентов. Начало было положено с руководства студенческим клубом «Альтаир», который был создан на библиотечном факультете еще в 1965 г. О работе этого клуба писали газеты «Советская культура» и «Восточно-Сибирская правда». В рамках клуба сформировалась научная секция «Декабристы в Забайкалье», успешно действовавшая на

протяжении многих лет [3, с. 29]. Творческие способности Валентины Владимировны проявились в организации и проведении литературно-музыкальных салонов на базе ведущих музеев декабристов в регионе: Новоселенгинский музей декабристов (пос. Новоселенгинск), дом-музей Волконских (г. Иркутск), дом-музей Трубецких (г. Иркутск), музей декабристов (г. Петровск-Забайкальский).

На становление Валентины Владимировны как преподавателя высшей школы, формирование круга ее профессиональных и научных интересов большое влияние оказали ее коллеги и соратники: профессор И.Г. Моргенштерн, профессор Б.Б. Батуев, доцент Р.А. Модогоева, директор Бурятского объединения музеев Н.В. Комиссарова, доцент ИГУ С.Ф. Коваль, писатель М.Д. Сергеев, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института культуры И.В. Иксанова и др.

Начав с библиографического обеспечения декабристской тематики, что нашло отражение в публикации ряда рецензий, Валентина Владимировна серьезно занялась изучением деятельности декабристов в Сибири. Первоначально она была прикреплена соискателем кафедры книговедения Московского государственного института культуры для работы над темой диссертации «Издание декабристской литературы в СССР». Ею было опубликовано несколько статей в специальных изданиях и центральных журналах, в том числе в журнале «Советская библиография».

В целом, по декабристской

тематике, по нашим подсчетам, Валентиной Владимировной было опубликовано свыше 30 работ различных жанров и видов: монография, научные статьи, газетные публикации, сценарии телевизионных и радиопередач и др. В ракурсе изучения комплексной темы «Декабристы и Сибирь» В.В. Гапоненко выделяла несколько актуальных аспектов, которые требовали разработки. К ним были отнесены: психология декабристов и ее изменение в условиях сибирской ссылки, изучение их хозяйственной деятельности и вклада в экономику Сибири, влияние декабристов на формирование культуры и культурной среды сибирских городов, взаимодействие декабристов с различными социальными слоями местного общества [4, с. 4].

28 декабря 1990 г. решением Диссертационного совета Иркутского государственного университета (протокол № 83) Валентине Владимировне Гапоненко была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Кандидатская диссертация, научным руководителем которой выступил доктор исторических наук, профессор Бато Бадмаевич Батуев, была посвящена теме «К.-Х.-Ф. Рейхель – друг декабристов и Герцена (Опыт исторической биографии 1788-1857 годы)» [5].

Начатое Валентиной Владимировной исследование в рамках кандидатской диссертации биографии художника К.-Х.-Ф. Рейхеля, друга декабристов, многолетний скрупулезный поиск материалов и достоверной информации стали основой

для написания монографии «Художник Карл Христиан Филипп Рейхель в общественной и культурной жизни России первой половины XIX в. (опыт исторической биографии)». Монография увидела свет уже после смерти автора, в 2009 году. Основой для написания монографии стал широкий круг интересных документов Российского Государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российской государственной библиотеки (РГБ).

Подчеркивая значимость темы, В.В. Гапоненко дала общую оценку Рейхелю, как «интересной личности, второго по значимости после Н.А. Бестужева иконографа декабристов, незаслуженно забытого искусствоведами и историками художника, друга декабристов А.И. Герцена, прожившего в Сибири двенадцать лет и оказавшего заметное влияние на художественную культуру Восточной Сибири» [6, с. 8-9]. В монографии были раскрыты не только детали биографии Рейхеля (происхождение, образование, профессиональный путь, общественная деятельность), но и представлены атрибутированные сохранившиеся в фондах Омского, Красноярского, Иркутского художественных музеев, Кяхтинского краеведческого музея и Музея истории Бурятия картины художника.

Обращение к опыту исторической биографии позволило Валентине Владимировне также детально изучить факты биографии декабристов Н.А. и М.А. Бестужевых, П.И. и

А.И. Борисовых, В.К. Кюхельбекера, Г.А. Перетца и др., события их жизни и деятельности в местах поселений. Это объемно рассмотрено в ряде авторских и совместных статей с коллегами и учениками В.В. Гапоненко.

Безусловно, самым любимым «детищем» – делом всей жизни Валентины Владимировны – стало создание во ВСГИК уникального факультета, аналога которому не было в стране. Первоначально в 1991 г. В.В. Гапоненко возглавила кафедру музееведения, с созданием которой началось становление высшего профессионального образования в области музейного дела и охраны памятников. Отстаивая идею открытия музейной специальности, Валентина Владимировна Гапоненко исходила из понимания «наследия» как фактора сохранения историко-культурного и природного разнообразия, его развития и трансляции, превращения в достояние общества, что зафиксировано в «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО (1972 г.) [7, с. 8]. Первые учебные планы специализаций «музеевед-историк», «музеевед-эколог» содержали в себе региональный компонент, т.е. составлялись с учетом особенностей территории.

В. В. Гапоненко как заведующий кафедрой начала приглашать и формировать преподавательский состав нового структурного подразделения вуза из практикующих специалистов музеев и Бурятского научного центра СО РАН, преподавателей других вузов Бурятии. Первый набор по специальности «Музейное

дело и охрана памятников» был осуществлен в 1992 г. по очной форме обучения. В 1997 г. был осуществлен набор студентов по заочной форме обучения [1, с. 4].

19 ноября 1992 г. В. В. Гапоненко было присвоено ученое звание «Доцент» по кафедре библиотековедения. В 1994 г. был создан факультет историко-культурного и природного достояния [3, с. 65]. 25 мая 1994 г. В.В. Гапоненко была избрана на должность декана факультета, который она бессменно возглавляла до 2007 г. Факультет осуществлял подготовку специалистов по четырем специальностям «Музейное дело и охрана памятников», «Культурология», «Менеджмент организации», «Социально-культурный сервис и туризм».

Факультет занимался разработкой комплексных научно-исследовательских тем «История культуры Восточной Сибири в дореволюционный период» и «Механизмы сохранения и трансляции историко-культурного наследия», руководителем которых была В.В. Гапоненко. Валентина Владимировна являлась научным редактором сборников научных трудов «Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляция)» (6 выпусков), тематических сборников «Баргузин: страницы истории» (1998), «Декабристы: их время и люди» (2001), «Декабристы и современность» (2001), «История и культура Восточной Сибири: гуманитарные исследования» (2007).

Изучение истории культуры Сибири в дореволюционный период стало магистральным направлением

в исследовательской деятельности не только самой Валентины Владимировны, но и ее учеников. Эта тема рассматривалась в комплексе различных составляющих и направлений, содержательно включая культуру провинции, историю и культуру малых городов, культурную среду, совокупность культурной деятельности общества, его духовного потенциала и др. В круг исследовательских интересов В.В. Гапоненко вошли картинные книги, альбомная культура Восточной Сибири, православные храмы, музеи на территории Бурятии. Особое место в научных изысканиях также заняли история купечества, польских политических ссыльных, биографии видных исследователей истории и культуры Забайкалья и др.

К несомненным заслугам В.В. Гапоненко следует отнести создание системы подготовки научных и научно-педагогических кадров на факультете. Валентина Владимировна как руководитель, умеющий видеть на перспективу, осознавала необходимость выстраивания индивидуальных траекторий молодежи. Через подготовку дипломных работ, тематика которых расширялась до кандидатских диссертаций, через аспирантуру и участие в научных мероприятиях кадровый состав факультета пополнялся молодыми специалистами. В целом, под научным руководством В.В. Гапоненко было подготовлено и защищено 15 кандидатских диссертаций: Санникова М.И. (1999), Харченко Л.Н. (1999), Ваганова Е.В. (2000), Гурьянов В.К. (2001), Ляпкина Т.Ф. (2001), Иманатова Е.Г. (2002), Нагайцева Н.Д.

(2002), Попова Е.Е. (2002), Мишкова О.Э. (2003), Суркова Н.А. (2003), Голованова М.А. (2004), Гусейнова Т.Н. (2004), Закаблуковская Н.Н. (2004), Семенов Е.В. (2005), Казка Е.А. (2006).

Проблематика диссертаций была в русле исследовательской темы факультета и затрагивала те или иные аспекты истории культуры дореволюционного Забайкалья. Большинство учеников работали и продолжают трудиться в учреждениях образования, науки и культуры, часть из них – в родной альма-матер.

Накопленный опыт научного руководства аспирантами и управления факультетом стал основой для еще одного исследовательского направления в деятельности Валентины Владимировны – проблемы музейного дела и музейного образования, а также подготовки специалистов в области туризма. Свыше 20 научных статей и 10 учебных изданий было подготовлено самой Валентиной Владимировной и в соавторстве. Вопросы подготовки специалистов рассматривались в контексте специфики разработки учебных планов, их наполнения регионально-национальным компонентом, требований к формируемым знаниям и умениям. Также были опубликованы учебные издания разных видов: от методических рекомендаций до учебных пособий, которые не только обеспечивали качество образовательного процесса, но зачастую являлись разработками авторских курсов. Среди этих работ следует отметить: «Методика показа этнических аспектов истории края в

экспозициях историко-краеведческих музеев» (1998), «История русского искусства IX – начала XX вв. (дореволюционный период)» (2004), «Охрана памятников истории и культуры : памятники историко-культурного наследия (на примере Республики Бурятия)» (2007).

Активная общественная деятельность Валентины Владимировны, а именно участие во многих профильных организациях изучения и охраны объектов культурного наследия: член Бурятского отделения ВООПИК СССР, председатель общественного проблемного Совета при объединении музеев Бурятской АССР, позволила обосновать и стать ВСГИК «пионером» музееведческого образования в Восточной Сибири. Так, в сохранившейся рукописи лекции по теме «Музееведение» Валентина Владимировна писала о том, что «современный сложный этап общественного развития требует серьезного осмысления и корректив в музейном строительстве, в музейном деле. Музейное дело – это специфическая сфера общественной деятельности, имеющая отношение к науке, образованию, воспитанию и к культуре в целом.... Музейное дело – это зеркало определенного этапа общественного развития» [8]. Это трепетное, особое отношение к музейному делу, к музейному миру, к музейщикам, пронизывало весь профессиональный и творческий путь В.В. Гапоненко.

Говоря о личностных качествах В.В. Гапоненко, профессор ВСГИК С.А. Езова отметила, что «она умела притягивать людей, среди ее друзей были ученые, писатели, художники,

журналисты, краеведы, библиотечные и музейные работники и др. Это объяснялось широтой ее натуры, энциклопедичностью знаний, способностью дружить, быть интересной и значимой для других, готовностью проявлять щедрость душевную и материальную» [9, с. 30].

Широта профессиональных интересов, работоспособность и трудолюбие Валентины Владимировны отражены в более чем 100 научных и учебно-методических работах и отмечены правительственными наградами и званиями республиканского и федерального уровней. 26 июня 1991 г. за многолетнюю плодотворную работу по развитию музейного дела, декабристоведения в республике ей было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Бурятской АССР». 13 февраля 2002 г. за многолетнюю плодотворную работу по развитию и совершенствованию учебного процесса, активную деятельность в области научных исследований, значительный вклад в дело подготовки

высококвалифицированных специалистов В.В. Гапоненко была награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». 9 декабря 2006 г. указом Президента Российской Федерации В.В. Путина В.В. Гапоненко было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Образ Валентины Владимировны как прирожденного организатора, мудрого руководителя, талантливого преподавателя, яркой и творческой личности, принципиального и бесконечно отзывчивого и щедрого во всех смыслах человека бесконечно дорог и памятен коллегам, ученикам и друзьям. Сегодня дело всей ее жизни – музееведческое и туристское образование в Восточно-Сибирском государственном институте культуры продолжают успешно развивать ее ученики и коллеги, что является лучшим свидетельством сохранения и преемственности научных и педагогических традиций.

Список источников

1. Мишакова О. Э. Кафедре музеологии и наследия ВСГИК – 30 лет: изучая прошлое, создаем будущее // Музей и национальное наследие трансграничных регионов в XXI веке : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., приуроченной к 30-летию кафедры музеологии и наследия ВСГИК (2-3 июля 2021 г., г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2021. С. 3-7.
2. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). ФР. 2210. Оп. 1. Д. 16. Л. 55.
3. Никифоров С. И. Виват, Академия! Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2000. 95 с.
4. Гапоненко В. В. Предисловие // Декабристы: их время и люди. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. С. 3-4.
5. Гапоненко В. В. К-Х-Ф Рейхель – друг декабристов и Герцена

(Опыт исторической биографии 1788-1857 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1990. 18 с.

6. Гапоненко В. В. Художник Карл Христиан Филипп Рейхель в общественной и культурной жизни России первой половины XIX в. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2009. 219 с.

7. Гапоненко В. В. Факультет историко-культурного и природного достояния: хроника и факты // Историко-культурное и природное наследие: проблемы сохранения, трансляции и подготовки кадров : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 26 нояб. 2004 г.). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2004. С. 8-14.

8. ГАРБ. ФР. 2210. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

9. Езова С. А. Маленькие зарисовки о большой личности // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 1 (8). С. 29-31.

References

1. Mishakova O. E'. Kafedre muzeologii i naslediya VSGIK – 30 let: izuchaya proshloe, sozdaem budushhee [The department of museology and heritage of ESSIC is 30 years old: studying the past, creating the future] // Muzej i nacional'noe nasledie transgranichny'x regionov v XXI veke : materialy' Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch.-prakt. konf., priurochennoj k 30-letiyu kafedry' muzeologii i naslediya VSGIK (2-3 iyulya 2021 g., g. Ulan-Ude', Respublika Buryatiya) [Museum and national heritage of cross-border regions in the XXI century : proceedings of the All-Russian with international participation scientific and practical. conf. dedicated to the 30th anniversary of the department of museology and heritage of ESSIC (2,3 July 2021, Ulan-Ude city, Republic of Buryatia)]. Ulan-Ude, 2021. Pp. 3-7. [In Russ.].

2. GARB (Gosudarstvenny'j arxiv Respubliki Buryatiya) [SARB (State archive of the Republic of Buryatia)]. FR. 2210. Inv. 1. C. 16. L. 55. [In Russ.].

3. Nikiforov S. I. Vivat, Akademiya! [Vivat, Academy!]. Ulan-Ude, 2000. 95 p. [In Russ.].

4. Gaponenko V. V. Predislovie [Preface] // Dekabristy': ix vremya i lyudi [The Decembrists: their time and people]. Ulan-Ude, 2001. Pp. 3-4. [In Russ.].

5. Gaponenko V. V. K-X-F Rejxel' – drug dekabristov i Gercena (Opy't istoricheskoy biografii 1788-1857 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [K.Ch.Ph. Reichel – a friend of the Decembrists and Herzen (Experience of historical biography from 1788 to 1857) : author's abstract. diss. ... Cand. of Historical sciences]. Irkutsk, 1990. 18 p. [In Russ.].

6. Gaponenko V. V. Xudozhnik Karl Xristian Filipp Rejxel' v obshhestvennoj i kul'turnoj zhizni Rossii pervoj poloviny' XIX v. [The artist Karl Christian Philipp Reichel in the social and cultural life of Russia in the first half of the XIX century]. Ulan-Ude, 2009. 219 p. [In Russ.].

7. Gaponenko V. V. Fakul'tet istoriko-kul'turnogo i prirodnogo dostoyaniya: xronika i fakty' [Faculty of historical, cultural and natural heritage:

chronicle and facts] // Istoriko-kul'turnoe i prirodnoe nasledie: problemy' soxraneniya, translyacii i podgotovki kadrov : materialy' mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ulan-Ude', 26 noyab. 2004 g.) [Historical, cultural and natural heritage: problems of preservation, transmission and personnel training : proceedings of the intern. scient.and practical conf. (Ulan-Ude, 26 November 2004)]. Ulan-Ude, 2004. Pp. 8-14. [In Russ.].

8. GARB [SARB]. FR. 2210. Inv. 1. C. 20. L. 3.[In Russ.].

9. Ezova S. A. Malen'kie zarisovki o bol'shoj lichnosti [Short sketches about a great personality] // Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury' i iskusstv [Bulletin of East Siberian state academy of culture and arts]. 2015. № 1 (8). Pp. 29-31. [In Russ.].

Сведения об авторах

Цыремпилова Ирина Семеновна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры музеологии и наследия, проректор по научной работе и международной деятельности, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Россия, г. Улан-Удэ). SPIN-код: 9443-4712, AuthorID: 470378. irina161073@mail.ru.

Семенов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент; декан факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Россия, г. Улан-Удэ). SPIN-код: 8577-3364, AuthorID: 653763. sew11@mail.ru

Information about the authors

Tsyrempilova Irina Semyonovna, Sc.D. in History, associate professor, professor of the department of museology and heritage, vice-rector in charge of scientific work and international activity, East-Siberian state institute of culture (Russia, Ulan-Ude city). SPIN-code: 9443-4712, Author ID: 470378 irina161073@mail.ru.

Semyonov Yevgeny Vladimirovich, Ph.D. in History, dean of the faculty of socio-cultural activity, heritage and tourism, East-Siberian state institute of culture (Russia, Ulan-Ude city). SPIN-code: SPIN-код: 8577-3364, Author ID: 653763. sew11@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.10.2024;
одобрена после рецензирования: 02.12.2024;
принята к публикации: 23.12.2024.

Date of the article submission to the editorial board: 22.10.2024;
approved after reviewing: 02.12.2024;
accepted for publication: 23.12.2024.

Информация для авторов

Научный журнал «Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры» является изданием, публикующим результаты теоретических и прикладных исследований по следующим научным направлениям: искусствоведение, культурология, исторические науки.

Научный журнал «Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры» отражен на крупнейшем российском информационном портале – научной электронной библиотеке [eLIBRARY.RU](https://elibrary.ru/) <https://elibrary.ru/> и включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал интегрирован в поисковые системы CrossRef <https://www.crossref.org/webDeposit/>

Выпуски журнала доступны на платформе публикаций SciUp <https://sciup.org/vestnikvsgikhttps://sciup.org/vestnikvsgik>

Публикация статей в журнале бесплатная.

Периодичность журнала: 4 раза в год.

С требованиями к оформлению материалов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://vsgiki.ru/science/the-scientific-journal-bulletin-of-ulan-ude/about-the-journal/>

Представляемая к публикации статья должна являться новым, оригинальным, логически завершенным произведением, оформленным в соответствии с требованиями журнала, выдержанным в рамках научного стиля. В журнал принимаются статьи на русском языке.

Авторские материалы для публикации подаются в электронном виде, на адрес vestnikvsgik@mail.ru и должны содержать следующие файлы:

1. Рукопись статьи.
 2. Скан-копия заверенного бланка – письма-согласие (подписывается автором, заверенной организацией, в которой он работает или учится)
- Файлы должны быть поименованы по фамилии автора (например, Иванов 1, Иванов 2).

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок), без учета названия статьи, аннотации и ключевых слов на русском и английском языках.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным секретарем, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx).

Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1, поля все – 2 см, абзацный отступ – 1,25 см. Страницы рукописи без нумерации.

Рукопись статьи включает:

1. Название раздела журнала (выбрать из списка:

«Искусствоведение», «Культурология», «Исторические науки», «Образование в сфере культуры и искусства»);

2. тип статьи

3. сведения об авторе (авторах) /аффилиация:

- имя, отчество, фамилия автора (полностью);

- наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

- электронный адрес автора (e-mail);

- персональные научные идентификаторы (ORCID, SCIENCE INDEX для авторов (РИНЦ), при наличии);

- если один из авторов является сотрудником ВСГИК, указываются таким образом, что первым следует именно указание на ВСГИК;

4. название публикации (на русском и английском языках);

5. аннотацию (не более 250 слов). Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» ("Abstract");

6. ключевые слова (не менее 10 и не более 15 слов или словосочетаний). Их предваряют словами «Ключевые слова» ("Keywords");

7. благодарности (включая информацию о грантовой поддержке). Эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности» ("Acknowledgments");

8. список сокращений (при наличии аббревиатур в тексте статьи, списке источников) на основном языке;

9. приложения (при наличии);

10. список источников / references.

Передавая рукопись статьи в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующим образом: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ на территории Российской Федерации.

Адрес редакции

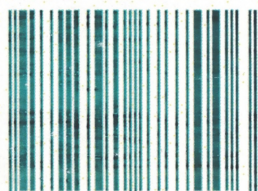
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1,
+7(3012)23-50-61

8-914-988-34-74

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, ауд. 221

e-mail.ru: vestnikvsgik@mail.ru

ISSN 2541-8874

2 4 0 0 4

9 772541 887006

>